

ВАРИАНТЫ К РОМАНУ МАМИНА-СИБИРЯКА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»

Текст «Приваловских миллионов» напечатан по отдельному изданию романа 1897 года в издании Д.Ефимова и М.Клюкина, признанному каноническим, выражающим последнюю волю автора. Однако есть существенные расхождения этого текста с рукописью и текстом, напечатанным в журнале «Дело» в 1883 году №№ 1-5 и 7-11. Ниже мы воспроизводим все разночтения окончательного текста с рукописью и отмечаем близость журнального варианта рукописному или каноническому, буквами «р» или «к»; в редких случаях, когда журнальный текст отличается и от рукописного, и от канонического, приводится полностью журнальный вариант.

Канонический текст по ПСС 2003 т.2, кн.1

Рукопись

Журн. вариант

С. 8. Вместо «с выцветшим лицом» — «с выцветшим испитым лицом» **к**
Вместо «с румянцем на загорелых щеках» — «с загорелым румянцем» **к**

С. 9. Вместо «— Где же мой корсет... где мой корсет?» — «— Где же мой корсет, Виктор Николаич, мой корсет, где мой корсет?» **к**

С. 10. После слов — «В чужом пиру похмелье»: «— Пстой, забыл тебе сказать: вчера приезжал инспектор гимназии и говорит, что Гришку оставят в том же классе, а Тольку — и совсем исключат.

— Ах, господи... Что я за несчастная женщина!! — патетически воскликнула огорченная мать, хрустя костлявыми пальцами.

На маленьком дворике, куда выходил подъезд, глазам чадолюбивой ма-
маши представилась такая картина: ее первенец, Anatole, держал Матрешку
за талию, а второй сын науськивал на нее собаку, которая с хриплым лаем
рвалась у него на руках, на железной цепи. Ситцевое платье Матрешки сби-
лось до колен, причем во всей своей красоте выставлялись ее полные голые
икры.

— Отпустите, прохвосты!.. — редела Матрешка, стараясь освободиться от
объятий Anatole'a. — Ужо, вот я скажу барыне-то...

Увидав в немом ужасе барыню, Матрешка с визгом вырвалась от «про-
хвостов» и скрылась с проворством крысы в ближайшие двери.

— Mon Dieu... — могла только прошептать огорченная мамаша. — Mes
enfants, ne faites pas des bêtises...

Юноши переглянулись и потупили глаза, а когда пролетка увезла ча-
долюбивую мамашу со двора, «прохвосты» громко захохотали. «Что делать:
когда природу не пускают в дверь, она лезет в окно», — думала Заплата
дорогой, вспоминая только что виденную сцену. В ее глазах, как и в глазах

тысячи других матерей, было все и вся виновато, только не эти *mes enfants*, в которых в таком раннем возрасте начинала говорить юная кровь и природа так энергично заявляла свои права. Вообще эта почтенная дама не без основания могла считать себя совершенно свободною от очень многих предрас-судков, свойственных ее полу, особенно когда дело касалось молодых лю-дей, для которых в ее глазах все извиняющим обстоятельством было полное неведение жизни, избыток сил и неуменье скрыть того, что с таким искусс-вом умеют скрывать люди в более зрелом возрасте.

«Непременно нужно будет прогнать Матрешку, пока она совсем не раз-вратила бедных мальчиков», — думала Хиония Алексевна с той особенной последовательностью, которая являлась у ней в известных случаях. Впрочем, изгнание Матрешки был давно решенный вопрос, только он не приводился в исполнение, потому что обойтись без Матрешки Хиония Алексевна решительно не могла. Кто будет бегать по ее поручениям по всему городу? Кто будет все подслушивать и разведывать? Наконец, какая другая горничная позволит об-ходиться с собою так, как иногда Хиония Алексевна обходились с Матреш-кой?»

р

С. 11. Вместо «маленького чиновника» — «маленького чиновника с микро-скопическим окладом».

к

После слов: «его плодами постепенно явились»: — «сначала *Anatole* и *Grégoire* потом».

р

С. 13. После слов: «вмешиваться в дела своей жены»: — «*Anatole* и *Grégoire* были «*mes enfants*». До трех лет они выводились в обшитых кружевами ко-стюмчиках, с голыми икрами и коленками; от трех до шести — в куртках, а потом теряли всякий интерес, как куклы, предоставлялись на произвол судь-бы и получали воспитание на кухне и кучерской. В гимназии они постоянно сидели по два года в каждом классе. Только иногда они были обязаны выйти к гостям и исполнять единственную пьесу в их репертуаре: *Anatole* садился за рояль, а *Grégoire* играл на скрипке. *Anatol'ю* было теперь шестнадцать лет, а *Grégoire'у* пятнадцать; вся разница между ними заключалась в том, что *Grégoire* всему на свете предпочитал уединенные экскурсии по пивным, а *Anatole*, отли-чавшийся более общительным характером, вместе со своим другом, Сеней Вережкиным, отдыхал от занятий греческим и латинским языками в обществе арфисток в *cabinets particuliers* знаменитого трактира «Магнит». Все это не мешало Хионии Алексевне, закатив глаза, патетически восклицать:

— О, дети, дети!.. Могут ли они когда-нибудь понять и оценить те бесчис-ленные жертвы, какие приносят для них каждый день, каждый час... Ведь я живу только своими детьми!..»

р

С. 14. Вместо «чугунные решетки» — «чугунные перегородки».

к

После слов: «кухня, кучерская и баня» — «У среднего столба служб все-гда стояла красивая серая лошадь, заложенная в щегольскую пролетку. Она весело грызла удила и постоянно выгибала длинную атласную шею, чтобы посмотреть на улицу, где с грохотом катились мужицкие телеги. Кучер Гаври-ло выставлял свое красное лицо из окна кухни и внушительно говорил лоша-ди: «Петька, ты чего башку-то заворачиваешь... Вот уж я тебя!» Петька звон-ко ударит передней ногой о землю и весь вытянется».

С. 15. Вместо «Je suis charmée» — «Je suis charmée enchantée». **к**

С. 16. Вместо «Небось не закиснет» — «Не бойсь». **р**

Вместо «стоял стол красного дерева» — «стоял круглый стол».к

После слов: «замаскированная коричневыми драпри»: — «В щель между половинками этой драпировки можно было рассмотреть высокую резную кровать под шелковым красным балдахином». **р**

С. 17. Вместо «Медленно переступая на высоких красных каблучках» — «Красиво переваливая на высоких красных каблучках» «Красиво переступая на высоких красных каблучках».

С. 19. Вместо «Один раз она еще укусила». — «Еще раз она укусила его». **к**

Вместо «жених для Нади» — «жених для Нолли». **к**

В рукописи везде вместо «Надя» употреблено «Нолли».

Вместо «и невинна, и пуглива, и смешна» — «и невинно, и пугливо, и смешливо». **к**

Вместо «действительно хорошо. Русые» — «действительно хороша; русые». **к**

С. 20. После слов: «делая знаки руками и головой» — «в ее добрых глазах светилось столько безграничной любви, преданности и тревоги за чужую судьбу». **к**

После слов: «в мягкой серой шляпе». — «Заметив сидевшую на террасе Надежду Васильевну, он на минуту остановился и вежливо приподнял шляпу». **р**

С. 21. Вместо «поправила по пути платье» — «поправила по пути спутавший широкий шарф на платье». **р**

Вместо «давеча Досифея» — «давеча Платонида». **к**

Вместо «Да, да... то есть. Ах, чего я мелю». — «Да, да... то есть, нет. Ах». **р**

С. 22. После слов: «необыкновенная девушка — красивая, умная: «ученая». **р**

Вместо «является из скрывавшей его неизвестности» — «является из совершенной неизвестности». **к**

Вместо «с выдающимися скулами» — «с выдававшимися скулами». **к**

Вместо «пуговицы отрывались» — «пуговицы отказывали». **к**

С. 23. Вместо «нос с вздутыми тонкими ноздрями» — «небольшой нос». **(р)**

С. 25. После слов: «В этой комнате всегда стоял полусвет»: «кроме письменного стола, придвинутого к окнам». **к**

С. 28. После слов: «неподвижными сухими губами» — «Привалов с удовольствием потянул в себя тот особенный воздух, который всегда окружал Марию Степановну и всегда отдавал запахом каких-то мудреных старинных духов, розного ладана и желтых восковых свеч». **р**

После слов: «уклончиво ответил Привалов» — «Он не лгал, хотя к религиозным вопросам относился совершенно индифферентно». **р**

После этих слов в рукописи: «он не лгал, хотя к религиозным вопросам относился совершенно индифферентно. В расколе он видел только его политическую сторону, как горячий исторический протест русского человека против вторгавшихся в его жизнь чуждых иноземных начал, — к нему, с этой точки зрения, он относился с глубоким уважением». **к**

После слов: «Размахнина кое-как держится» — «старик Полюянов не в своем уме». **р**

После слов: «Да, помню»: «— Только всего и осталось из гуляевского гнезда. А остальные-то все вымерли или разъехались по разным сторонам». к

После слов: «с невольной гордостью счастливого отца»: «— Не узнали, Сергей Александрыч?» к

С. 29. После слов: «давая дочери место около себя»: «— А я так узнала бы Сергея Александрыча, — отвечала Надежда Васильевна». р

Вместо «ведь столпы были по древнему благочестию» — «ведь столбы были...» р

После слов «чего не было в других»: «Только раз, во времена зеленой юности, когда Привалов студентом жил в окрестностях Петербурга, он встретил нечто подобное. Собственно, это была полудетская история, но она осталась в душе Привалова глубокий след. Именно, в одну из бесцельных прогулок по дачам он увидел молоденькую девочку лет пятнадцати, которая, в белом летнем платье, беззаботно качалась в гамаке; маленького роста горбун осторожно раскачивал гамак за веревку, а девочка улыбалась ему и между прочим посмотрела на Привалова, который самым глупым образом торчал у калитки. Этот чистый, глубокий взгляд навсегда запал в душу Привалова, который с первого раза полюбил девочку в белом платье, как любят только в юности. Привалов целое лето бродил около заветного садика и задыхался от счастья каждый раз, когда видел белое полудетское платье. Это была первая любовь, счастливая и скромная в своих восторгах, ничего не требовавшая и счастливая уже тем, что можно было думать о девочке в белом платье; Привалов узнал о ней только-то, что она англичанка, мисс Строттер, — и этим вся история закончилась, оставив в душе Привалова смутную уверенность в том, что он когда-нибудь встретится с этой мисс Строттер. Эта встреча произошла, когда он меньше всего ожидал ее: в фигуре Надежды Васильевны, в выражении лица, в звуке голоса, в долгом спокойном взгляде глаз, — во всем, до поразительной иллюзии, он как-то почувствовал присутствие дорогого существа». р

С. 30. Вместо «почувствовала некий священный трепет» — «...священный ужас». к

С. 31. После слов: «могло быть шестнадцать лет». — «Приживалка какая-нибудь из бедных дворянок», — подумал Привалов, мимоходом оглядывая оранжевые банты Заплатиной». р

После слов: «подводил под одно слово «прерода»»: «— Старшая барышня в нашу прероду вышла, — говорил он. Что особенно нравилось Привалову в ней, так это та открытая простота, с которой она держала себя. Ничего лишнего или неестественного. Хотелось постоянно смотреть на это уверенно-спокойное лицо с умными глазами и красивой улыбкой». р

С. 32. После слов: «незаметно убежать из столовой»: «Какая эта Верочка... славная, — подумал Привалов». р

С. 33. Вместо «судят за это взяточничество» — «судят за это мошенничество». р

С. 34. Вместо «и совсем уронил заводы» — «и совсем уронил производительность заводов». к

Вместо «Нет, я сам не видел» — «... не видал». р

С. 36. Вместо «пошел совсем другой народ, настали и другие порядки» — «пошел совсем другой народ и другие порядки». к

С. 37. Вместо «шатаний по канцеляриям» — «в шатании по канцеляриям». к

Вместо «Марья Степановна могла истолковать его молчание о своем прошлом в каком-нибудь дурном смысле». — «Марья Степановна могла принять это «отсутствие жизни» за нежелание посвятить ее в подробности столичной жизни, а, с другой стороны, она могла заподозрить Привалова в намеренном умолчании и сокрытии вероятно очень некрасивых случаев из этой жизни». к

С. 39. Вместо «ты не совсем здорова сегодня» — «ты совсем нездорова сегодня». к

После слов: «может, и переменялся»: — «Бахарев не мог сказать только одного дочери, именно, что все Приваловы были необыкновенно «слабы до женского полу», как выражалась о них Марья Степановна». к

С. 40. После слов: «богатейшей на свете земли»: — «На этом пространстве можно было поместить целый десяток немецких княжеств или даже целое государство, вроде Бельгии или Голландии». к

Вместо «не понимал, конечно, этих странных слов» — «не понимал значение этих странных слов». р

С. 41. Вместо «естественно переходит на других» — «естественно переходит на других». р

После слов: «со всех сторон» — «Где только гнезвился раскол». р

С. 42. После слов: «необходимым для него человеком»: «— Нужно сказать, что он вполне заслуживал то доверие, каким пользовался, потому что служил воплощением гуляевских идеалов и, может быть, еще настойчивее относился ко всякому делу, чем сам Гуляев. «Ты, Вася, тово, не наваливайся медведем на всякое-то дело, — говаривал старик в веселую минуту своему поверенному» — другому делу тоже надо и отдохнуть дать». р

Вместо «погибнули бы ни за что» — «погинули бы ни за что». р

С. 43. Вместо «Рождение внука было для старика Гуляева» — «Рождение внука для старика Гуляева было». к

Вместо «которого не мог дожждаться» — «которого у него не было». к

Вместо «слишком жестоко» — «слишком жестоко». к

После слов: «лететь в Шатовские заводы»: — «Четыре тысячи верст, по летнему пути, он проехал в десять дней». р

С. 45. Вместо «родившийся по ошибке человеком» — «по ошибке в человеческой коже». к

Вместо «шутку, чтобы развлечь...» — «шутку, чтобы утешить». к

Вместо «крайне ограничен» — «очень ограничен». к

Вместо «воспитанная в самых строгих правилах» — «воспитанная в самых строгих началах». к

С. 46. После слов: «разбудил в нем ревность к жене»: — «И вот наследница миллионов является жертвой, отданной на поругание всех и каждого». р

После слов: «в этой чудовищной травле»: «— В то время, как он пьет шампанское с Приваловым, когда кругом кипит самая разнузданная оргия, Варвара Гуляева в одной рубашке стоит на коленях перед своим мужем и не смеет поднять глаз». р

После слов: «разносились их стоны и крики». — «В роли палача Сашка достиг вершины своего могущества. Когда надоедало мучить собственных крепостных, ловили первого попавшегося на улице и тащили в приваловские хоромы, где сначала наказывали его плетьюми, потом поили вином и, вымазав дегтем, отпускали домой. Спуску не было никому: попадался дьякон, чиновница, свой брат раскольник — все разделяли общую участь. Приваловский дом пользовался в Узле самой страшной репутацией. В случае, если кто-нибудь хотел жаловаться, плети приваловских конюхов заставляли убедиться в полной несостоятельности такой попытки. Но когда, среди белого дня, пропали без вести две молоденьких девушки, которых увез Сашка, было наряжено строгое следствие, и наехал из губернии суд в своем полном составе. Дело кончилось тем, что двое из судейских сгорели от вина, а остальная братия поскорее унесла ноги, благо приваловское золото умело завязывать глаза и затыкать уши всем».

Вместо «хотел замуровать их в стене» — «хотел замуровать их живьем в каменную стену». **к**

С. 47. Вместо «не пустил все заводы с молотка» — «не спустил все заводы». **р**

Вместо «после смерти Александра Привалова Бахарев сделался его опекуном» — «после его смерти Бахарев сделался его опекуном». **к**

С. 48. После слов: «в затруднительных случаях»: «в которых недостатка не было». **р**

Вместо «придавала ей особенно интересную окраску» — «придавала ей особенно интенсивную окраску». **к**

После слов: «очень крупные перемены» — «которые для постороннего глаза были почти незаметны». **р**

Вместо «встречаться с образованными» — «встречаться с глубоко образованными». **к**

С. 49. Вместо «не позволяла ни под каким видом бусурманить» — «бусурманить не позволяла ни под каким видом». **к**

После слов: «окончательный протест»: — «против всяких новшеств». **к**

После слов: «близкой сердцу Василия Назарыча» — «Невозмутимая, всегда спокойная и ровная, девушка во всем умела угодить отцу». **р**

Вместо «Это обстоятельство окончательно сблизило» — «Это обстоятельство сильнее сблизило». **к**

С. 51. После слов: «разводила цветы» — «выкармливала цыплят и телят». **р**

Вместо слов: «Верочка держала в своих руках почти целый дом»: «Верочка держала в своих пухлых ручках почти целый дом». **р**

Вместо «У нее для всех» — «У ней для всех». **р**

Вместо «говорили все, решительно все» — «говорили решительно все». **р**

Вместо «в каждом его шаге, каждом слове» — «Каждый его шаг, каждое слово». **к**

Вместо «Подняты были все те факты». — «Нечего и говорить, конечно, что появление Привалова подняло все те факты». **к**

С. 52. Вместо «виденный почти всеми» — «и которого видели почти все». **к**

После слов: «убранных с княжеской роскошью»: «Но ведь все эти французские девицы были уже старой штукой, ничего особенного в Сюзетт и Блянш не было даже для гимназистов, начиная с третьего класса; поэтому явилось

справедливое предположение, что не они же удерживали Привалова так долго в северной Пальмире. Только когда заговорили о бразильской посланнице, уроженке прекрасного города Лимы, все проникли настоящую суть, но мы великодушно избавим читателей от бразильской посланницы, потому что она, как оказалось, имела счастливую соперницу в лице побочной дочери какого-то короля».

Р

С. 54. Вместо слов: «злые языки могут Бог знает, что говорить» — «злые языки могут Бог знает, что наговорить!»

К

Вместо «Лизу Веревкину» — «Аллу Веревкину».

К

С. 56. Вместо «как учили ее в пансионе» — «как этому учили в пансионе».

К

После слов: «третья — спальней»: «Приемная была обставлена даже с некоторой роскошью: на полу лежал настоящий персидский ковер, ореховая резная мебель шла в pendant к серовато-розовым обоям, экзотические растения красиво вырезывали свою лапчатую листву на их сером фоне; в одном углу был поставлен даже мраморный амур с отбитой ногой — откуда добыла Хиония Алексевна этого бога — инвалида, покрыто мраком неизвестности. Отбитая нога амура была скрыта в зелени пальм, агав и рододендров. Но всего лучше был обставлен кабинет, хотя с первого взгляда он казался самой обыкновенной комнатой, где ничего особенного не было. Каждая вещь была в этом кабинете обдумана самым строгим образом. Например, какой письменный стол поставить этому миллионеру? — кажется, самая простая вещь, а на самом деле это было совсем не просто. Если поставить стол во вкусе трактирной роскоши, как это было устроено у всех узловских адвокатов, — ведь это было бы и скучно, и смешно. Конечно, можно устроить кабинет в каком-нибудь одном стиле, но ведь в Узле где взять все необходимые вещи... Приходилось остаться без всякого стиля, и стол был поставлен самый простой, из лакированной березы. Затем, постлать или не постлать под ноги медвежью шкуру, как это было устроено у всех узловских адвокатов? Хиония Алексевна нашла это слишком банальным и ограничилась простым бухарским ковром. Чтобы достать его, ей пришлось побывать в магазинах пятнадцати. Ковер оказался очень хорош, именно в том азиатском вкусе, где так мило перемешаны выцветшие краски. Хиония Алексевна знала толк в вещах и с гордостью изобретателя любовалась своей покупкой, которую в уме называла бухарскими гобеленами. Несколько кресел (профессорские кресла, по определению Хионии Алексевны), широкий оттоман (Привалов будет отдыхать на нем после обеда), красивый малахитовый круглый столик у окна (это так называемая аристократическая простота), синие шелковые драпировки на окнах (ученый цвет; удобство для глаз), пара березовых стульев (для коротких друзей) — вот и все. Синие бархатные обои с золотыми виньетками и арабесками в несколько светлых тонов придавали кабинету деловой, серьезный характер. У одной стены можно будет поставить шкаф для книг, в другом — этажерку. Несколько больших фотографий украшали стены, — это были исключительно виды Урала и Сибири. Оставлено было даже место для тех картин, которые были у Привалова, как разведала Хиония Алексевна. Словом, все было предусмотрено, взвешено и обсуждено».

К

После слов: «ему очень понравились эти три небольших комнатки»: «убранных с таким вкусом». к

Вместо «позвольте мне оставить» — «позвольте оставить мне». к

После слов: «нравится эта простота» — «и вкус». к

«это нужно было для Привалова, это могло понравиться Привалову» — в рукописи эти фразы подчеркнуты. к

Вместо «хотела служить олицетворением миллионов» — «хотела служить олицетворению миллионов». к

С. 57. Вместо «— Тяжелые... страсть». — «— Тяжелящие... страсть». к

С. 58. После слов: «Что было бы, если бы она была жива? — думал Привалов, устанавливая портрет матери на своем письменном столе». р

С. 59. Вместо «что они о чем-то так долго разговаривали» — «что они о чем-то долго разговаривали». к

С. 61. После слов: «как-то необыкновенно легко». «— Человеческая проницаемость могла бы отыскивать какую-нибудь причину такого тяготения, кроме свободы, но мы оставим этот вопрос пока открытым». р

С. 62. Вместо «Ведь с судьбой этих заводов связана участь» — «Ведь с судьбой этих заводов связана судьба». к

Вместо «который вносит эта работа в жизнь» — «который вносит промышленность в жизнь». к

С. 63. Вместо «и степенно откладывал поклоны» — «и отбивал глубокие поклоны». к

Вместо «воском и деревянным маслом» — «воском, деревянным маслом». к

После слов: «кормовых царских изографов»: «Николы Павловца и Симона Ушакова». р

Вместо «бросали колеблющийся свет» — «бросали колебавшийся свет». к

С. 64. Вместо «так неожиданно встретил со стороны Надежды Васильевны» — «так неожиданно встретил в Надежде Васильевне». к

С. 65. Вместо «Верочка не замечала, что идеализировала сестру, смотря на нее, как на невесту». — «Верочка не замечала, что идеализировала сестру, увлекшись идеей жениха». к

Вместо «гнилью и сыростью» — «гнилой сыростью». к

С. 66. Вместо «убрался в темную каморку» — «торопливо убрался в темную каморку». к

Вместо «— Да, я знаю это по себе, голубчик, знаю». — «Да, я это по себе, голубчик, знаю». к

С. 67. Вместо «пузатенькие чашки» — «чашечки». к

Вместо «смотрела необыкновенно добродушно» — «выглядела необыкновенно добродушно». к

После слов: «высокий сгорбленный старик с желтыми волосами»: «— При изображении сумасшедшего старика в рукописи и в журнальном тексте дважды названа его фамилия — Полуянов». р

С. 68. Вместо «надтреснутым голосом» — «надтреснувшим голосом». к

С. 69. Вместо «представлял полную противоположность Виктору Васильевичу» — «рядом с Виктором Васильевичем представлял полную противоположность». к

Вместо «он по своей фигуре» — «По фигуре Nikolas Веревкин». **к**
Вместо «лицо Веревкина поражало с первого взгляда» — «в лице Веревкина было что-то такое, что бросалось в глаза с первого взгляда». **к**

Вместо «выделявшееся свежим пятном» — «свежим пятном выделявшееся» — «свежим пятном, выделявшимся». **ж**

Вместо «обчистил вместе с Иваном Яковличем» — «обчистил с Иваном Яковличем вместе». **к**

С. 70. Вместо «покажут такую барышню» — «покажут такую паненку Зою». **р**

Вместо «смакуя кусок балыка» — «тщательно обрабатывая массивный кусок балыка» — «тщательно обрабатывая кусок массивного балыка». **ж**

С. 72. Вместо «кое-какая репутация» — «кой-какая репутация». **р**

Вместо «я согласен» — «я буду согласен». **р**

С. 73. Вместо «имя дорогой ему девушки повторялось»: — «имя дорогой для него девушки было разболтано именно при Веревкине». **р**

С. 74. Вместо «— Извините, как-нибудь на днях загляните в мою конуру» — «— Извините, как-нибудь в другой раз... Да, вот что, как-нибудь на днях загляните в мою конуру». **р**

С. 75. Вместо «произвела сильное впечатление на Привалова» — «произвела самое сильное впечатление на Привалова». **р**

Вместо «так же относился бы, как относится теперь» — «так же относился бы, как относился теперь». **р**

Вместо «одно существование Надежды Васильевны» — «одно существование на свете Надежды Васильевны». **к**

Вместо «и делалось необыкновенно ясно» — «и все делалось необыкновенно ясно». **р**

Вместо «Барин-то едет!»: — «Барин-то фрак надел!».

В соответствии с этим при изображении встречи Привалова с Верочкой в рукописном тексте отмечается, что Верочка «с удивлением посмотрела на фрак Привалова», «продолжала смотреть на гостя с прежним удивлением».

Далее, после слов: «свое невнимание к ней» в рукописном тексте шли слова Привалова: «Вас, кажется, смущает немного мой фрак?» В отдельном издании эти слова выпущены. **р**

С. 76. После слов: «сильно смутилась»: — «и с удивлением посмотрела на фрак Привалова». **р**

После слов: «Она в моленной...»: — «рассеянно ответила девушка, продолжая смотреть на гостя с прежним удивлением». **р**

После слов: «чтобы набраться смелости»: «— Не видала я тебя во фракте... Никакой красоты даже нет; прежде этих самых фраков и в заводе не было промежду купечества. Так, чиновники разные носили, а чтобы купец надел фрак — ни-ни!

— Я и сам не люблю, Марья Степановна, да уж так принято, — оправдывался Привалов.

— Да, ведь, я так сказала. Не в одеже дело... **р**

Вместо «видеть ее» — «видеть девушку». **р**

С. 77. Вместо «Верочка два раза» — «Верочка раза два». **р**

После слов: «еще зайти к Василию Назарычу» в рукописи начинается новая глава (XVIII). **р**

Вместо «третью неделю живешь» — «третью неделю доживаешь». **к**

Вместо «поосмотрелся?» — «поосмотрелся, пообдумал свое положение — так я говорю?». **р**

С. 78. Вместо «прожил ты в Узле три недели и еще проживешь десять лет — ничего нового не увидишь» — «прожили вы в Узле три недели и еще проживете десять лет — ничего нового не увидите. Уверяю вас». **р**

После слов «Спасибо, спасибо»: — «Бахарев закрыл лицо руками и несколько секунд сидел неподвижно; высокая грудь поднималась волной, и когда он отнял руки, лицо улыбалось сквозь слезы, стоявшие в глазах и засевшие искорками в седой, лохматой бороде». **р**

С. 80. После слов «улыбнулся нехорошей улыбкой»: — «Ответ Привалова, как удар грома, убил старика». **р**

В конце главы после слов: «купит у Сергея Привалова мешок муки» в рукописи прибавлено:

«Удушливый истерический хохот раскатился по кабинету. У Привалова дрогнуло сердце от этого хохота, и он низко опустил свою голову, точно его придавила какая-то тяжелая рука». **р**

С. 82. Вместо «никак не могла отказаться» — «никак не могла отказать». **р**

Вместо «как бы сказать ... между нами говоря, нет той смелости» — «как бы сказать *entre nous* *soit dit* ... нет именно той смелости» «между нами говоря, нет именно той смелости». **к**

Вместо «Я сомневаюсь, чтобы он имел успех» — «Я сомневаюсь, чтобы он имел успех *dans les préludes de l'amour*». **к**

Вместо «скользкий путь, на котором не трудно дойти до смешного» — «на котором *il n'ya qu'un pas du sublime au ridicule*». **к**

С. 83. Вместо «очень важной особы» — «очень важной особы, имевшей место в министерстве финансов». **к**

Вместо «получили места директоров» — «получили места управляющих». **к**

С. 83. Вместо «Иван Яковлич тоже попал на какое-то место в банке, без определенного названия, зато с солидным окладом» — «Иван Яковлич тоже получил какое-то место в банке без определенного названия, но с солидным окладом». **к**

Вместо «но и родство с важной особой» — «но и родство с важной финансовой особой». **к**

С. 84. Вместо «разыгрывал скромного семьянина» — «разыгрывал роль скромного семьянина». **к**

Вместо «следующая за ней по летам, Алла» — «следующий за ней номер, Алла». **к**

С. 85. Вместо «даже домашним божком» — «даже целым домашним божком». **р**

С. 86. Вместо «ведь не всем же быть директорами и опекунами» — «ведь не всем же быть председателями и опекунами». **к**

С. 87. Вместо «Вот мы...» — «вот мы... *Tout ça ira. Comme sur de roulettes. Oui ...*» **к**

Вместо «Ах, я пошутила, Агриппина Филиппевна. Но, за всем тем, я мое дело знаю» — «— Ах, я пошутила Агриппина Филиппевна».

Через несколько дней после известного разговора Привалова с Василием Назарычем о хлебной торговле Хиония Алексевна ворвалась в спальню Агриппины Филиппевны как ураган и, не снимая своей шляпы, проговорила задышавшимся голосом:

— Душечка... Агриппина Филиппевна... мой-то квартирант, представьте себе... Нет, я вам расскажу все по порядку. Да! Меня так поразило все это, так поразило, что я, кажется, готова была сойти с ума. Даже, знаете, я подумала, что этот Привалов уж настоящий ли Привалов... Ей-богу. Ужасно подозрительный человек!!

— Да говорите толком, — заметила Агриппина Филиппевна, сгорая от нетерпения. — Я решительно ничего не понимаю.

— Да, ведь и я тоже ничего не понимаю!! Вы представьте себе: Привалов приезжает к Бахаревым...

Здесь последовал самый подробный отчет о размолвке старика Бахарева с Приваловым, причем оказалось, что Привалов наговорил дерзостей, а Василий Назарыч выгнал его из кабинета чуть не в шею. Каким путем узнала все это Хиония Алексевна, когда сама Марья Степановна хорошенько не знала всех подробностей случившейся размолвки, и, вообще, какими путями просачиваются на белый свет все провинциальные новости, слухи и тайны — неразрешимая загадка, по крайней мере, для нас.

Вот вам и жених Нолли! — торжественно заключила свой рассказ Хиония Алексевна; она чувствовала себя совсем подавленной всем случившимся и глубоко верила тем безгрешным прибавлениям, какими разукрасила свой рассказ.

— Помиряются... — ответила Агриппина Филиппевна после долгого раздумья. — Маленькое недоразумение, и больше ничего.

— Нет, вы войдите в мое-то положение: Марья Степановна спрашивает меня брак Nadine с Приваловым, а Василий Назарыч женишка в шею... Вот я и думаю... Ведь, знаете, бывали такие случаи: вместо одного человека явится вдруг другой, и вся недолга. А Привалову это так удобно сделать, т.е. подложному- то Привалову; настоящий Привалов уехал отсюда мальчиком пятнадцати лет, а этот явился через шестнадцать взрослым мужчиной... Ах, как легко ошибиться!.. Вот получит наследство, женится на Nadine, а там и поминай как звали. Может быть, это даже переодетый социалист!

Хиония Алексевна ничуть не сомневалась в подлинности своего жильца, но ее сорочий язык как-то сам собой плел околесную, особенно, когда завязывалась какая-нибудь интересная интрига.

— Ведь дело идет о миллионах! — говорила Хиония Алексевна, взмахивая руками. — За границей таких случаев было много. Позвольте, я даже читала в одном... в одном...

— Хиония Алексевна, вы забываете только одно, именно, что Nicolas учился вместе с Приваловым и уж не мог ошибиться... Поверьте мне! Знаете, какая у Nicolas изумительная память.

Это замечание отрезвило Хионию Алексевну, и она усталым голосом проговорила:

— Хорошо, не буду спорить: пусть этот Привалов будет настоящий Привалов... Но Василий Назарыч все-таки выгнал его из своего кабинета в шею!.. Да... И теперь свадьбы Nadine не бывать...

Агриппина Филиппевна сомнительно качала головой. к

С. 88. Вместо «и еще служила в то же время необходимым фоном» — «но еще служила...» к

После слов: «манер самой хозяйки»:

«Привалову бросились в глаза большого формата фотографии на стенах. Это были снимки с картин Маккарта и Шаплэна, везде голое женское тело в самых заманчивых позах так и резало глаз; хозяйка, видимо, знала толк в этих позах, созданных в духе веселого эллинизма. Привалов, конечно, не знал, что Агриппина Филиппевна настолько сильна в пластике, а также и того, что в спальне Агриппины Филиппевны и особенно в злополучном коридоре были развешены по стенам картины еще более свободного содержания. Агриппина Филиппевна считала необходимым элементом воспитания подобного рода картинки из жизни парижских бульваров, фобургов и бальмабилей, потому что они, по ее мнению, вырабатывали в юношестве светлое и радостное воззрение на жизнь». р

Абзац со слов: «Рассматривая эту обстановку...» до слов: «прежде, чем ехать к Ляховскому...» в рукописи зачеркнут, но восстановлен в журнальном и каноническом текстах. к

С. 89. Вместо: «Благодарю, — отозвался Привалов». — «Благодарю, я по утрам не пью, — отозвался Привалов». р

После слов «женского склада рукой» — «— Привалову он показался необыкновенно похож на одного из тех иггранных субъектов, которые занимаются спиритизмом, читают Пушкина и непременно играют на флейте или ином музыкальном инструменте». р

После слов «было завязано узлом» — «Волосы на голове Ивана Яковича были самые белокурые, какого-то желтоватого, полинялого оттенка; очевидно, свои русые, шелковые кудри Nicolas унаследовал от своей мутерхен». к

С. 92. Вместо «согласился дядюшка» — «соглашался дядюшка». к

Вместо «хриплым голосом» — «хриплым басом». к

Вместо «А мы о вас слышаны были» — «И о вас тоже слышаны были». к

Вместо «щепки летят» — «щепки долетают». к

С. 94. После слов: «люблю за хороший обычай»:

«— Мне Виктор Николаич рассказывал, что у вас нынче богатое золото па прииске идет? — обратилась к Лепешкину Хиония Алексевна.

— А вам Виктор Николаич не рассказывал, как он с меня сотенный билет содрал, когда прииск отводил? — грубо отвечал Лепешкин, ероша седую бороду.

— Ах, Аника Панкратыч, что для вас значит каких-нибудь сто рублей...

— И мы счет своим-то деньгам знаем, Хиония Алексевна. Другому и вся-то цена полтина на ассигнации, а он с тебя сто рублей норовит сорвать... Это как, по-вашему?

Агриппина Филиппевна поспешила сейчас же замать этот не совсем светский разговор и с удивительной ловкостью перевела его на другую тему». к

С. 95. Абзац со слов: «Ведь Надин Бахарева уехала на Шатровский завод» до «был в Америке» в рукописи зачеркнут — в журнальном и каноническом текстах восстановлен. **к**

Вместо «она, конечно, не смеет даже предложить столичному гостю вернуть как-нибудь на один из ее четвергов» — «но она все-таки предложила столичному гостю завернуть как-нибудь на один из ее четвергов». **к**

Вместо «Нет, я непременно буду у вас, Агриппина Филиппевна». — «Постараюсь быть у вас, Агриппина Филиппевна». **к**

С. 96. После слов «Преппикантная штучка!»:

«— Вот у вас, Аника Панкратыч, всего каких-нибудь сто тысяч, — заговорила Хиония Алексевна, — а каких вы давеча наговорили мне дерзостей... Не будь здесь Привалова, я так отзолотила бы вас, так... Только для Агриппины Филиппевны стерпела, не хотела поднимать истории. А туда же: «Мне бы четыре миллиона», — передразнила она Лепешкина.

Агриппина Филиппевна ничего не слышала из этих разговоров и только мысленно повторяла: «Четыре миллиона... четыре миллиона... четыре миллиона!» **р**

С. 97. После слов «дюжины мышей не накормишь»:

«Мучная улица составляла центр хлебной торговли в Узле. Под всеми домами были устроены небольшие мучные лавки, теперь почти пустые. Запаканные мукой приказчики от нечего делать гоняли хлыстами голубей; хозяева сидели за своими прилавками, пили чай или жарили в шашки. В одном месте группа мучников столпилась около старика в больших серебряных очках, который читал номер «Сына Отечества». Несколько порожних подвод было привернуто к фонарным столбам; взлохмаченные извозчики кучкой сидели на деревянном худом тротуаре и апатичным взглядом провожали с грохотом катившуюся мимо пролетку. Кой-где приподнимались купеческого покроя черные суконные фуражки, и доносились короткие фразы: «Николаю Иванычу наше почтение!» или «А, Миколай Иваныч, как здоровьице?»

— Ничего, прыгаем помаленьку, Прохор Евстигнейч, — весело откликнулся Веревкин, раскланиваясь на обе стороны. — Вашими молитвами, как шестами, подпираемся, Гаврила Гаврилыч... Когда же ко мне-то, Анисим Евсеич?

Мучники несколько раз в раздумье посмотрели вслед давно исчезнувшей пролетке, точно в самом воздухе от приваловского наследства, как от кометы, мог остаться длинный блестящий след. Мучная улица понравилась Привалову, несмотря на ее избитую корытом дорогу, на промозглый запах от сырых рогож и слежавшейся муки и на тот спертый воздух, который стоял в ней.

Он даже с удовольствием потянул в себя специфический аромат свежего дегтя, мочала и муки; стаи голубей придавали картине идиллический характер, а эти русские бородатые лица, поклоны и восклицания дышали провинциальной патриархальностью нравов. Только худые крестьянские лошади оставили неприятное впечатление, — они слишком красноречиво говорили о своем близком знакомстве с добродушным узловским мучником. Привалов думал о том, что это за люди, эти Гаврилы Гаврилычи и Анисимы Евсеичи; как они начали свою незамысловатую карьеру хозяйскими подзатыльниками и гонянем голубей, потом, грешным делом, и своей торговлишкой обзавелись, а теперь, с

одной стороны, сосут мужиков, а с другой — платят дикую пошлину Миколаю Иванычу. А все-таки крепкий народ, туго живут!» **р**

С. 97. Вместо «небольшая терраса, выходившая в сад, походила на аквариум, из которого выпущена вода» — «небольшая терраса, выходившая в сад и вся залитая вьющейся зеленью, походила на аквариум, из которого только что выпущена вода». **к**

С. 98. Вместо «в летнюю, серую пару» — «в летнюю пару из чичунчи». **к**

С. 99. Вместо «я никому не навязываю своих убеждений» — «я никому не навязываю своих мнений». **к**

С. 100. Вместо «— О, да он не так глуп, как говорит Ляховский, — подумал он». — «— О, да он не так глуп, как можно подумать, — решил он». **к**

С.101. Вместо «неглубокой складкой» — «небольшой складкой». **к**

Вместо «золотистыми волосами» — «золотистыми волосиками». **к**

После слов: «где-нибудь жало» — «притом смертная жажда вечно томила ее». **к**

В рукописи везде вместо «Антонида» — «Антонина». **к**

Вместо «положил свою левую руку на правую» — «положил свою правую руку в карман». **к**

После слов: «точно вяленая рыба»:

«Два лакея в белых перчатках внесли на террасу длинный стол, сервированный на пять кувертов. Потом появилась и сама Антонида Ивановна в сопровождении высокой художавой девушки неопределенных лет, с потерявшим краски и свежесть, но умным и злым лицом. Эта девушка, к удивлению Привалова, оказалась той самой Анной Павловной, о которой Хиония Алексевна рассказывала на обеде у Бахаревых. Одета была Анна Павловна не к лицу и в своем сиреновом платье походила на связанную. Nicolas называл ее «барышней высокого давления», потому что Анна Павловна любила разыгрывать из себя непонятую натуру». **р**

Вместо «Ему предшествовал целый ряд». — «Этим кушаньям предшествовал целый ряд». **р**

Вместо «Все это пилось». — «Все это, конечно, пилось». **к**

С. 102. Вместо «Фаршированный калач». — «Kalatine farci». **к**

После слов: «Да это с ума можно, сойти»: — «Дамы после фаршированно-го калача едва притрогивались к кушаньям». **р**

С. 103. Вместо «Антонида Ивановна спокойным тоном проговорила». — «Дамы обменялись улыбками, и Антонина Ивановна спокойным тоном проговорила». **р**

Вместо «не представляю никакого интереса» — «решительно не представляю никакого интереса». **к**

С. 104. После слов: «проговорил Привалов»:

«Имя Виктора Васильича вызвало взрыв общего хохота, только одна Анна Павловна сделала сердитое лицо». **р**

Вместо «обтянутым тисненным золотыми разводами красным сафьяном» — «обтянутым синим сафьяном». **к**

С. 105. Вместо «Пальчики, батенька, оближешь!» — «Пальчики, батенька, оближете!». **к**

С. 106. Вместо «Половодов два трехлетия служил». — «Половодов целых два трехлетия служил». к

После слов: «разные дорогие затеи»:

«В интимном кругу своих благоприятелей он, за свою взбалмошность, был известен под именем «Загуляй». р

Вместо «узловского сквайра» — «узловский high life». к

Вместо «чего же ей больше желать» — «чего же ей было желать больше». к

С. 107. Вместо «детей у Половодовых не было» — «детей у Половодовых не было, и они, как это всегда бывает, сваливали вину один на другого». к

В рукописи отсутствует текст от слов: «Появление Привалова ничего нового не внесло в дом Половодовых» до: «она не могла ему отвечать тем же».

После слов: «не внесло в дом Половодовых» — «За исключением разве того, что вечером, когда Антонида Ивановна и Анна Павловна ехали в коляске на какое-то гулянье за город, первая проговорила:

— Ничего нет в этом Привалове интересного!

Анна Павловна пытливо посмотрела на Антониду Ивановну и с своей тонкой улыбкой заметила:

— А я так думаю несколько иначе...

— А именно?

— В нем есть непосредственность, Антонида Ивановна. Он глуповат и простоват, но он может быть героем романа». р

(В отдельном издании последняя реплика передана Агриппине Филиппевне).

После слов: «показалась ему русской красавицей»: «— Отчего я не люблю ее? — задал он себе неожиданно вопрос и даже сделал гримасу, вспомнив свою тощую накрахмаленную содержанку, которая была всегда порядочно грязна, всегда выпрашивала у него много денег и без которой он не мог обойтись, потому что как-то неудобно без любовницы. — Какая-то она вялая, апатичная, — решил Половодов, чувствуя что опять не любит жену. — У таких женщин разве могут быть дети...» р

С. 108. После слов: «не могла ему отвечать тем же» — «Всю дорогу, пока коляска катилась к дому Агриппины Фолиппевны, Антонида Ивановна чувствовала себя в положении человека, который что-то потерял и даже не может припомнить, что именно. Только она взялась за ручку звонка у подъезда тапач, она вспомнила, что было нужно, и вполголоса проговорила: «Ах да, непосредственность!» р

Вместо «от одного плана к другому» — «от одного решения к другому». к

Вместо «это осуществление» — «это существование» к

Вместо «В один из таких припадков малодушия» — «Вот, в один из таких припадков малодушия». к

С. 109. Вместо «екатерининских времен» — «екатерининского времени». к

С. 110. Вместо «из поповичей» — «из военных кантонистов». к

С. 111. Вместо «долг по заводам» — «долг с заводов» . к

С. 112. После слов: «как барин сам раскупоривает бутылки»: — «его холопская голова никак не могла одолеть мысли, из чего так расходился барин,

неужели для этого немчурки, который маленькими шажками ходил по кабинету и точно обнюхивал его кругом». к

Вместо «а в это время дядюшка, одержимый своим «любопытством» — «Одержимый своим «любопытством» дядюшка». р

Вместо «пересматривал каждую вещь к свету» — «присматривал каждую вещь к свету». к

Вместо «родственный обыск снова немного покоробил его» — «родственный обыск опять немного покоробил его». р

С. 113. Вместо «возбуждал в Половодове чувство удивления и уважения» — «возбуждал в Половодове чувство безграничного удивления и уважения». к

С. 114. После слов: «вы будете действовать здесь, я — там» — «Половодов проводил глазами своего гостя вплоть до угла. Дядюшка шел по тротуару своими мелкими шажками и в такт походки помахивал тоненькой камышевой тросточкой. Улица была совсем пуста; летний зной стоял в ней, как в только что истопленной печи, и собаки, высунув безнадежно язык, напрасно искали спасительной тени около заборов». р

Вместо «запыленные стекла» — «запыленное стекло». р

С. 115. Вместо «предстоящей задачи» — «предстоявшей задачи». к

Вместо «эти жалкие создания, негодные никуда и ни на что, кроме замужества, которыми исчерпываются все их цели, надежды и желания» — «просто никуда и ни на что негодные девки, кроме замужества, чем достигаются все их цели, надежды и желания». к

После слов: «поперек горла стоит» — «Извольте-ка уговорить ее или подготавливать, когда дело горит и каждая минута дорога». р

Вместо «но и это сомнительный вопрос» — «но еще и это сомнительный вопрос». к

С. 116. Вместо «среди рюша и прошивок» — «среди рюшек и прошивок». к

После слов: «вошла в следующую комнату»:

«— Мы сегодня едем на гулянье, — полувопросительно проговорила Анна Павловна, когда Антонида Ивановна встретила ее в столовой.

— Жарко...

— Вечером-то?

— Да... Как-нибудь в другой раз.

Анна Павловна рассердилась. Но, припомнив что-то, она проговорила:

— А как вы нашли Привалова, Антонида Ивановна?

Антонида Ивановна с недоумением посмотрела на свою собеседницу, и потом нерешительно проговорила:

— Право, я не нахожу в нем ничего особенного. Бесцветный какой-то!..

— А я так думаю несколько иначе...

— Именно?

— В нем есть непосредственность, Антонина Ивановна. Он глуповат и простоват, но он может быть героем романа... Именно, только люди такого склада могут любить и увлекаться всей душой».

Антонина Ивановна задумалась над словом «непосредственность», и оно лезло ей в голову целый вечер. Даже ночью, когда в своей спальне она оста-

лась с мужем, взглянув на его длинную, нескладную фигуру, она опять вспомнила это слово: «Непосредственность... Ах да, непосредственность!» Александр Павлыч в эту ночь не показался ей противнее обыкновенного, и она спала самым завидным образом, как человек, у которого совесть совершенно спокойна. Александр Павлыч, наоборот, не мог похвалиться особенно покойной ночью, он долго ворочал на постели свои кости и несколько раз принимался тереть себе лоб, точно хотел выскоблить оттуда какую-то очень мудреную идею. Утром Половодов дождался, когда проснется жена, и даже несколько увлекся, взглянув, как она сладко спала на своей расшитой подушке, раскинув белые, полные руки. Он осторожно поцеловал ее в то место на шее, где пояском проходила у ней такая аппетитная складка, и на мгновение жена опять показалась ему русской красавицей.

«Отчего я не люблю ее?» — задал он себе неожиданно вопрос и даже сделал гримасу, вспомнив свою тощую, накрахмаленную содержанку, которая всегда была порядочно грязна, всегда выпрашивала у него много денег и без которой он не мог обойтись, потому что как-то неудобно без любовницы. — Какая-то она вялая, апатичная, решил Половодов, чувствуя, что опять не любит жены. У таких женщин разве может быть настоящая страсть? Когда Антонина Ивановна полоскалась у своего умывального столика, Половодов нерешительно проговорил, видимо, что-то соображая про себя:

— Тонечка... как ты нашла Привалова?

— Я? Привалова? — Удивилась Антонина Ивановна, повертывая к мужу свое мокрое лицо со следами мыла на шее и голых плечах. — «Ах да, «непосредственность»...» — мелькнуло у ней опять в голове, и она улыбнулась.

— Послушай, Тонечка... Сделай как-нибудь так, чтобы Привалову не было скучно бывать у нас. Понимаешь?

— Да что же я могу сделать для него?

— Ах, какая ты глупая... Посоветуйся с татап, она лучше тебе объяснит, чем я, — с улыбкой прибавил Половодов. — Я вчера вечером нарочно заезжал к ней... Одним словом, она объяснит тебе все.

Это утро сильно удивило Антонину Ивановну; Александр Павлыч вел себя, как в то время, когда на сцене был еще знаменитый косоклиновый сарафан. Но приступ мужниной нежности не расшевелил Антонину Ивановну — она не могла отвечать ему тем же. После завтрака она сейчас же отправилась к татап: ее мучило любопытство. Всю дорогу, пока коляска катилась к домику Агриппины Филипповны, Антонина Ивановна чувствовала себя в положении человека, который что-то потерял и даже не может припомнить, что именно. Только когда она взялась за ручку звонка у подъезда татап, она вспомнила, что было нужно, и вполголоса проговорила: «Ах да... «непосредственность!»

С.117. Вместо «Еруслан Лазаревич» — «Еруслан Лазарич».

Вместо «старик даже будет рад» — «старик тебя пальцем не пошевелит и даже рад будет».

Вместо «сними свой фрак» — «сними свой фрачишко».

С. 120. Вместо «о которых было неудобно говорить в присутствии девиц» — «о каких в присутствии девиц нельзя говорить».

С. 121. Вместо «как сухой горох из прорванного мешка» — «...из прорвавшегося мешка». к

С. 123. Вместо «нынче образованные да бойкие девицы пошли» — «нынче бойкие да бойкие девицы пошли». к

С. 124. Вместо «давать предпринимателям одни убытки» — «давать предпринимателям один дефицит». к

С. 125. После слов: «долг в той или в другой форме» — «И я, например, должна оставаться пассивной зрительницей. Но этот страшный диссонанс в вашей жизни отчасти выкупается нашей пассивной ролью». р

С. 126. Вместо «Привалов очень подробно рассказывал» — «... очень подробно рассказал». к

С. 127. После слов: «глядя по человеку»: «— А знаете, что я вам скажу, Сергей Александрыч, — с оживлением заговорила Надежда Васильевна, — вот вы будете устраивать свою мельницу, затем организуете хлебную торговлю, — все это потребует громадной затраты времени, энергии, труда и вдруг...

— Все это разлетится вдребезги от самой пустой случайности? Ничего невозможного в этом нет, Надежда Васильевна... Ведь вы испытываете сомнения за свое будущее? У вас являются, конечно, минуты малодушия, неуверенности в собственных силах, а затем все это выкупается несколькими счастливыми минутами. Так и в каждом деле...

— Нет, между нами есть маленькая разница: я хлопочу только о себе, и со мной кончаются все мои надежды, а ваше дело должно пережить вас... Чем вы гарантируете свое дело от искажения? Случись вам умереть — и все пойдет прахом...

— В этом случае ошибки других служат нам лучшим уроком: не нужно только давать людям *даром* то, что им полезно, и тогда дело обеспечено.

Однажды, после такого разговора, Надежда Васильевна порывисто протянула Привалову руку и с блесвешими глазами проговорила:

— Мы, кажется, скоро будем с вами друзьями». р

Вместо «пробежало целых пятнадцать лет» — «пробежало целых (... — ред.) лет» к

С. 128. Вместо «одна из тех старых историй, которые останутся вечно новыми» — «одна из тех старых историй, которая остается вечно новой». к

После слов «не нашел того, что искал» — «Доктор был слишком вежлив и сдержан и не мог вдохнуть в свою ученицу ту энергию, с которой работал ее мозг и сердце». р

После слов: «прошивок, кружев и бантиков» — «Длинный шлейф был откинут немного в сторону, и Привалов мог видеть из-под складок платья выставившийся носок щегольской туфли, открывавшей очень красивую, крепкую ногу с высоким подъемом». р

Вместо «с истинно светским тактом открыла глаза недоумевавшей дочери» — «открыла глаза недоумевавшей дочери с истинно светским тактом». р

С. 129. После слов: «карточку Зоси Ляховской» — «Шлейф ее пеньюара задел ноги Привалова, и его обдало целым облаком тончайших духов». р

С. 130. Вместо «на противоположном конце той же Нагорной улицы, на которой был и дом Бахарева» — «в противоположном конце Нагорной улицы, сравнительно с бахаревским домом». к

С. 136. Вместо «Тэку покормить» — «Тэку кормить». **к**

С. 137. Вместо «рано было останавливаться» — «рано было остановиться». **к**

С. 138. Вместо «выкрашенные по трафарету» — «выкрашенные трафаретом». **к**

После слов: «этого медленно разлагавшегося великолепия»: — «устроенного во вкусе помещичьего «рококо». **к**

С. 139. После слов: «больше, чем на сто рублей» — «А вот теперь я вам покажу комнаты, которые совсем остаются пустыми. Действительно, целый ряд комнат представлял собой просто кладовые, куда был свален всякий хлам и обломки роскоши. Конечно, в этих ворохах ветоши, старой мебели и поломаных предметов самого разнообразного назначения ничего не было интересного, и Привалов мог только удивляться зачем сюда его привел Ляховский. Дело скоро объяснилось. Ляховский остановился в одной комнате и молча указал Привалову на мраморную статую молодой женщины с тамбурином в руке. Это была статуя Стешы, сделанная с нее нарочно выписанным из Италии скульптором. Привалов даже вздрогнул, когда из-под слоя пыли, на него глянули большие, вырезанные миндалем глаза, а широкие чувственные губы точно улыбнулись загадочной улыбкой... Он узнал это цыганское лицо». **р**

С. 140. После слов: «тысячи своих домов и домиков»: — «Левый берег Узловки горист, и по нему рассажалось все, что было богатого и сильного в Узле: палаты заводчиков, дома золотопромышленников, горных инженеров и т.д. Великолепные дома совсем потонули в густой зелени старинных садов и все жалось к реке. Привалов узнал в дальнем конце бахаревский сад и дом Половодова, а ближе маленький домик Хионии Алексеевны, смело втискавшийся между другими домами, как новый зуб. Нагорная улица перерезывала весь этот берег параллельно течению Узловки и служила как бы широким каналом между двумя предместьями — Солдатской слободкой, которая разметала свои домики у подножия одиноко стоявшей Мохнатенькой горки, и знаменитой Ямки, которая залегла своими кривыми улицами и переулками сейчас за домом Привалова, в глубоком логу. Несколько церквей и здание театра дополняли эту картину левого берега. Правый берег Узловки представлял широкую низменность, занятую домами купечества средней руки, мещанства и чиновничества. Здесь не было таких барских домов, как в Нагорной улице, но зато не было и развалин вроде домов Привалова, Колпакова, Полуянова и т. д. Маленькие домики купеческой архитектуры тянулись правильными улицами к лесу и, по мере удаления от центра, делались все ниже и ниже, точно их начинала давить с каждым шагом вперед все сильнее и сильнее какая то невидимая могучая рука, превратившая крайние домики в ряд гнилушек. Три больших рынка выделялись на правом берегу громадными заплатами, посредине которых стояли богатые городские церкви с высокими колокольнями. Каждая церковь имела свой собственный цвет: одна была выкрашена краской цвета резеды, другая — светло-желтой, третья — сиреневой и т. д. Два гостиных двора, старый и новый, здание классической гимназии и несколько банков выделялись массивными каменными глыбами из общей массы деревянных строений. Привалов с трудом отыскал дом Агриппины Фили-

пьевны, стоявший почти на краю города. Картина правого берега замыкалась с одной стороны зданием городского острога, а с другой — большим монастырем, который весело блестел на солнце своими опрятными белыми стенами, белыми зданиями и целым десятком новеньких церквей. Приткнувшись к сосновому бору, монастырь походил на только-что снесенное яичко, на котором не успело еще сесть ни одного пятнышка».

Р

После слов: «мимо которых приходилось идти» — «Только одна длинная и — высокая комната, меблированная в старопольском вкусе, — с высокими стульями, обитыми желтым сафьяном, и стенами, обтянутыми выцветшей желтой шелковой материей, — заинтересовала его. Несколько картин хорошей работы висели на стенах. На одной была изображена охота какого-то «доброго польского короля, на другой — мазурка в палатах польского магната и на третьей — польский костел. Лучше других была мазурка. На первом плане выступал седой, толстый пан в гранатовом кунтуше, перехваченном широким поясом; он держал за руку молоденькую паненку с двумя белокурыми косами, распущенными по плечам. Старик грузно притоптывал своими расшитыми сапогами, любовно стараясь заглянуть в опущенные глаза своей дамы».

Р

С. 141. Вместо «а с боков были устроены из летних вьющихся растений живые, зеленые стены» — «а с боков из легких, вьющихся растений были устроены живые зеленые стены».

Р

Вместо «Зоя стояла в каком-нибудь десятке сажен». — «Паненка Зоя стояла в каком-нибудь десятке сажен».

К

После слов: «амазонка с длиннейшим шлейфом» — «который грациозно был у ней перекинут через левую руку; в правой она держала небольшой хлыст, с каким выезжают на арену цирка наездницы».

Р

После слов: «как бессильны краски и пластика» вместо: «Вам, читатель, вероятно, случалось бродить по старинным картинным галереям, где вы невольно останавливались пред портретами тех чудных красавиц, которые кружили головы королям и из-за которых было много пролито крови. Из тяжелых золоченых рам, с потемневшего холста на вас глядят газельими глазами удивительные женщины с коралловыми губками, соболиными бровями, смуглым румянцем на щечках. Но ведь то просто картина, полотно, намалеванное красками, а где блеск этих глаз, где чарующая сила движений, где этот смех, от которого дрогнет сердце у мертвого?.. Зоя принадлежала именно к этому типу женщин, хотя она была среднего роста, имела неправильный лоб и, когда смеялась, что-то жесткое пряталось у ней в углах рта. Зато плечи, грудь и талия у паненки были сложены так, что об этом можно было написать в духе современных романистов целый трактат. Привалов любил красивых женщин и был поражен красотой Зоси...» — «Вам, читатель, вероятно, случалось бродить по старинным картинным галереям, где вы невольно останавливались пред портретами тех чудных красавиц, которые кружили головы королям и из-за которых было много пролито благородной дворянской крови. Из тяжелых золоченых рам, с потемневшего холста на вас глядят газельими глазами удивительные женщины — смело очерченные носики, коралловые губки, соболиные брови, смуглый румянец на щечках, точно сейчас под покрытой легким пушком матовой кожей разлито дорогое старое вино... А эти

лебединые шеи, эта чудная грудь, — э, да чего только не было у этих мудреных красавиц, которых не могли похоронить ни годы, ни архивная пыль, ни выцветшие краски! Но ведь это просто картина, полотно, намалеванное красками, а где блеск этих глаз, где чарующая сила движений, где этот смех, от которого дрогнет сердце у мертвого?.. Даже становится немного страшно, что эти красавицы «доброе старого времени», стряхнув с себя пыль и вековой сон, могут сойти с полотна и от одной их улыбки может воскреснуть еще раз то веселое старое время, когда у ног таких красавиц ползали короли. Увы, доброму старому времени не воскреснуть, а вместе с ним уплыли и его красавицы; но все это не мешало паненке Зосе принадлежать именно к этому типу женщин, хотя она была среднего роста, имела неправильный лоб и, когда смеялась, что-то жесткое пряталось у ней в углах рта. Зато плечи, грудь и талия у паненки были сложены так, что об этом можно было написать в духе современных романистов целый трактат. Привалов любил красивых женщин и был поражен красотой Зоси. (к)

После слов: «длинный английский хлыст» — «и старался его кончиком ударить Лепешкина по концам пальцев заложной за спину руки» р

После слов: «отец давно махнул на него рукой»: «— Не балуй, ежова голова, — огрызнулся Лепешкин, когда хлыст впился в его опухшие пальцы». р

С.142. После слов: «Вы посмотрите Тэке, когда он идет под дамским седлом»: — «Лошадь была действительно совершенством своей лошадиной породой. Главное, в ней не было той деланности и вылизанности стати, чем отличаются кровные английские скакуны. Английские спортсмены, конечно, достигли своей цели, т. е. сделали из лошади живую машину для скачек на призы и вместе с тем безжалостно потушили тот благородный огонь, каким дышат все движения кровной арабской лошади. Тэке в совершенстве владела всеми статьями верховой езды, каких только можно пожелать, но, самое главное, все члены в общем представляли удивительно гармоническое целое. Каждое движение было красиво именно напряженной полнотой своей энергии; земля, казалось, только метала этим тонким и сильным ногам, этому чуду животной механики». к

С. 144. Вместо «который только что вернулся из путешествия» — «который только что вернулся из далекого путешествия». к

Вместо «тут же не сидели этот сыромятина Лепешкин и Виктор Васильич» — «тут же не сидел этот сыромятина Лепешкин и Виктор Васильич». к

Вместо «другую мебель» — «другую небель». к

С. 146. Вместо «родовые черты этих фамилий: предрасположенность к мистицизму, наконец — самодурство и болезненная чувствительность» — «родовые черты этих фамилий. Ум, приливы энергии, предрасположенность к мистицизму». к

С. 147. После слов: «Что это?»: Была она больна, или прикидывалась, или...» р

После слов: «ответила Ляховская с той же улыбкой» — «Тут сам чорт ничего не разберет, — решил он. — Может быть, доктор...»

Чего в природе не бывает!».

Но последняя мысль была уже совсем нелепостью, и Половодов улыбнулся над собственной глупостью...» р

С. 147—148. Вместо «Игнатий Ляховский принадлежал к типу тех темных людей» и т. д., кончая словами: «какими-то темными путями», в рукописи дана более развернутая характеристика прошлого Ляховского: «Игнатий Ляховский, отдаленный потомок одного коренного гетмана, в начале шестидесятых годов, по независящим обстоятельствам, принужден был оставить Варшаву и переселиться в Узел. Имущество было конфисковано, и Ляховский остался почти без гроша денег с семьей на руках. Нужно прибавить, что самым сильным гнетом для Ляховского в его положении являлись аристократические предания, которые преследовали его и в ссылке. Правда, года через три Ляховскому было позволено вернуться обратно, но это равнялось второй смерти, и он предпочел остаться на Урале. Через десять лет с небольшим Ляховский сделался миллионером. У него были десятки тысяч десятин земли в Ишимской степи, богатые золотые прииски, пять винокуренных заводов, до десятка различных фабрик и заводов. Это превращение из нищего в миллионера объясняли самым различным образом».

Р

После слов: «не желают видеть того, что их создало» — «Нужно было влезть в кожу этого странного человека, чтобы понять многое из его странностей. Другой на его месте давно бы пустил себе пулю в лоб или запил горькую, но Ляховский ограничился только тем, что окончательно стянул с себя остатки аристократических преданий и всем существом ушел в деловую атмосферу».

Р

После слов: «хоронила под своей оболочкой живого человека»:

«Когда богатство было вернуто, в жизни у Ляховского открылась широкая рана, которая уже не могла зажить, — именно, его семейная жизнь сложилась самым неудачным образом и сделалась его самым больным местом, которое он мог успокоить только каторжным трудом».

Р

После слов: «чисто русской болезнью, запоем»: вместо данной в отдельном издании короткой характеристики личности и болезни жены Ляховского (четыре строки, начиная со слов: «Мы здесь должны сказать о жене Ляховского») в рукописи дается более развернутая история ее жизни и последовательного морального падения:

«Мы здесь должны сказать о жене Ляховского, пани Марине, когда-то одной из красивейших шляхтянок, сводившей с ума на балах добрую половину польской знати. Выбитая из свой колеи, оставившая на родине лучшие воспоминания своей молодости, пани Марина не перенесла рокового удара и, пока муж наживал второе состояние, она нажила себе чисто русскую болезнь — запой. Все системы лечения, все знаменитости медицинского мира в России и за границей — все было бессильно против этой страшной болезни. Злые языки говорили, что это семейное несчастье было карой для Ляховского за нечистый источник его обогащения и что он своими личными несчастиями платил только ничтожный процент с того капитала, который приобрел путем спаивания народа. Ляховский слышал это мнение и мог только пожать плечами. Он платил тяжелую дань не за свою вину того бестолкового воспитания, какое было дано его жене. Эта жалкая истина для него была слишком очевидна, потому что сколько пани Марина была хороша на балах и в обществе, столько же она была плоха в жизни. Мысль и чувство были искалечены сначала жал-

ким образованием, потом влиянием ксендзов и, наконец, совершенно бессодержательной светской жизнью».

После слов: «В силу именно своей бесхарактерности»: «Единственной живой нитью, которая привязывала еще Ляховского к жизни, оставалась дочь Зося. Понятное дело, что первым и главным в воспитании этой девочки было полное изолирование от матери — другими словами, удаление от тысячи нелепых предрассудков, жалкого ханжества и еще более жалкой бездеятельности. Но чем было заменить впечатлительной и способной девочке ее мать? Что можно было противопоставить железным требованиям природы и нравственного чувства? Задача была труднее в десять раз, чем секрет наживать миллионы. Ляховский понимал это как никто другой. Ведь с каждым человеком родится и умирает вселенная, сказал Гейне. — Вот эту вселенную и приходилось отвоевывать от жалких преданий восемнадцатого века. Ляховский хотел видеть в своей Зосе человека, в лучшем значении этого слова. Если он сам столько вынес в жизни, и, как матрос с разбитого судна, едва спасся, полуживой и искалеченный, в совершенно исключительных условиях, — он не хотел подвергать дочь таким же превратностям судьбы и глупого случая. Дело воспитания дочери усложнялось еще тем, что характер Зоси с раннего детства обнаружил в себе много самых непривлекательных сторон: эгоизм, упрямство, легкомыслие. Ляховский чувствовал, что сам он слишком измят жизнью, чтобы взять на себя трудную роль воспитателя дочери. Пример сына стоял перед его глазами живым укором и постоянно напоминал Ляховскому о каком-то роковом стечении обстоятельств, именно, что те люди, которых любил он больше всего на свете, безвозвратно гибли на его глазах. Вместе с тем в Ляховском росло какое-то болезненное чувство привязанности к дочери, а внутренний голос шептал, что дать исход этому чувству — значило погубить девочку. Начать с того, что он не мог быть с ней беспристрастным и мог или избаловать ее, или оттолкнуть от себя излишней строгостью. Ляховский сравнивал себя с положением врача, которому приходилось лечить самого себя. Исход был один, как ни тяжело было Ляховскому помириться с ним: это изолировать воспитание Зоси от собственного влияния, как она была изолирована от влияния матери. Дорого заплатил бы Ляховский за одну возможность смотреть на дочь глазами постороннего человека, т.е. беспристрастно, но это значило отказаться от самого себя. В данном случае задача усложнялась тем, что Зося была девочка, а отцы — плохие воспитатели своих дочерей. Что могло заменить Зосе ласковую женскую руку, улыбку, пример? Ляховский не решался налагать гнет и уродовать мужским воспитанием лучшие стороны женской природы. В периоде этого неопределенного положения у Зоси перебивало три гувернантки — англичанка, немка, француженка, — которые одинаково оказались бесполезными. Излишняя ли требовательность или случайность неудачного выбора, но гувернантки не имели влияния на Зося. Девочка необыкновенно быстро осваивалась с ними и еще быстрее вырастала из-под их авторитета. Ляховский просто терял голову, когда счастливый случай вывел его из затруднения, и он совершенно успокоился относительно судьбы своей дочери. С того времени прошло много лет, но Ляховский ни разу не раскался в этом принятом на себя решении поручить воспитание Зоси доктору Сараеву.

Последнее случилось как-то само собой. Доктор Сараев был своим человеком в доме Ляховского, когда Зося была еще маленькой девочкой. Он вообще любил детей, а Зосю в особенности. Раз — это было необыкновенно красивый ребенок, а затем, это был ребенок чрезвычайно даровитый. Ряд болезней, неразлучных с детским возрастом, еще больше сблизил доктора с маленькой пациенткой. Но из ребенка, которого доктор носил на руках и у кровати которого он просиживал долгие бессонные ночи, быстро выросла девочка, умевшая уже платить доктору за его хлопоты и любовь своей детской привязанностью. Эти отношения скреплялись с каждым годом все больше и больше. Зося очень любила слушать рассказы доктора из мира животных и растений; не раз случалось, что маленькая слушательница тут же засыпала на коленях доктора с картинкой в руках, и он, с женской осторожностью, уносил ее в ее детскую комнату. Из этих детских отношений мало-помалу выросла и окрепла нравственная зависимость, так что капризная девочка, баловень всего дома, собственно слушалась только его, доктора, и краснела от радости, когда чувствовала, что он ею доволен. Он никогда не хвалил ее, и, может быть, поэтому Зося его глубоко уважала. Эти отношения Зоси к доктору, а затем любовь его к ней, его ровный, выдержанный характер и светлый ум, развитый постоянным самообразованием, послужили основанием решения Ляховского поручить воспитание дочери именно доктору, который не отказался от этой роли, с условием, чтобы это воспитание заняло период времени в семь лет. Ляховский, с своей стороны, поставил неременным условием, чтобы Зося специально изучила какую-нибудь отрасль естествознания. По мнению Ляховского, только самая строгая специализация знания, поставленная на широком основании общего образования, могла выработать самостоятельность мысли и впоследствии сформировала бы характер. Выбор предметов и их расположение, а также выбор учителей и учительниц по предметам, которых доктор не мог взять на себя, также отдавались на его полное благоусмотрение.

Эта система воспитания, задуманная Ляховским, имела один недостаток, — именно, носила слишком мужской характер. Чтобы смягчить этот недостаток, было решено воспитывать Зосю вместе с другой девочкой. Доктор указал на старшую дочь Бахарева, которая была годом или двумя старше Зоси. Бахарев имел дела с Ляховским по приискам и уважал его как умного и энергичного человека; предложение доктора поэтому не встретило никакого препятствия, в бахаревском доме. Таким образом, Зося и Надя почти в течение семи лет учились вместе у доктора. Ляховский любил маленькую Бахареву за ее спокойный характер и прямой русский ум. Она как бы вытеньяла достоинства и недостатки Зоей и таким образом указывала, что нужно было делать. Часто случалось, что Ляховский и доктор далеко за полночь просиживали в оборванном кабинете Ляховского, разговаривая о воспитании девочек и выстраивая один план за другим. Эти откровенные беседы давали, наконец, исход тому болезненному чувству, с каким относился Ляховский к своей дочери и которое он боялся обнаружить перед ней одним словом, малейшим движением.

Когда девочки превратились в больших девушек, доктор заявил Ляховскому, что он больше ничего не может сделать и выходит в отставку. Но от

Ляховского было не так легко отделаться, и он чуть не на коленях упрашивал доктора не оставлять Зоси, за которую он был спокоен только тогда, пока она оставалась под влиянием и контролем доктора. Доктору самому тяжело было расставаться с своими ученицами, и он уступил. Нужно было только придумать другую форму, в которой удобнее было продолжать дело. Доктор стоял за полную свободу Зоси, как в выборе своих занятий и людей, так особенно в выборе знакомых. Ляховский не противоречил этому, но, со своей стороны, как нравственный противовес, задумал создать около дочери такую атмосферу, где бы она имела дело уже не с книгами, а с живыми людьми. Сам Ляховский получил даже для своего времени очень поверхностное и одностороннее воспитание, которое пополнил уже впоследствии. Благодаря этому, его ум в пятьдесят лет не утратил своей свежести. Он глубоко любил науку и людей науки. В душе этого магната оставался еще нетронутым один уголок, в котором теплилось чистое и освежающее чувство любви к истине. Ляховский давно окружил себя такими людьми, в обществе которых отдыхал душой. В его оборванном кабинете часто велись горячие ученые споры, в которых сам хозяин принимал самое деятельное участие, являясь в этих случаях совсем другим человеком, точно под животворящими лучами истины с него шелухой спадала скаредность.

Но и в самых своих лучших побуждениях Ляховский все-таки являлся эксплуататором, потому что отдавался великим истинам не ради их самих, а ради того наслаждения, которое они приносили его утомленному уму. Когда зашел вопрос о том, чтобы окружить Зою известным обществом, Ляховский обнаружил дьявольскую изобретательность. Прежних друзей было мало, и их состав постоянно освежался новыми силами. Таким образом, в доме Ляховского появились проездом останавливавшиеся в Узле ученые исследователи, путешественники и артисты. Ни одна ученая экспедиция, отправлявшаяся куда-нибудь в Туркестан или Восточную Сибирь, ни один профессор, путешественник, самый забвенный писатель — никто не миновал рук Ляховского, и он одинаково всех принимал с распростертыми объятиями. Эта разношерстная братия вносила с собой в жизнь дома Ляховского освежающую струю.

— Мы особенно должны дорожить коротким пролетом этих заморских ласточек, — говорил Ляховский. — Нужно видеть всяких людей, и только тогда можно понимать, что и как делается на белом свете. Ведь лучшая наука все-таки остается сухой, мертвой наукой и никогда не даст того, что дает общество живых людей. Да-с. Наука — это громаднейший капитал, созданный гениальнейшими умами в течение целых столетий, а всякий капитал должен приносить проценты... Капитал — сила, доктор, и мы должны им пользоваться, в какой бы форме он ни являлся. А эти залетные ласточки так освежают мысль и вытряхивают пыль из головы». **р**

Вместо «несмотря на все принятые предосторожности» — «Нужно сказать, что не смотря на все принятые предосторожности». **р**

С. 149. Вместо «не мог этого сделать пред дочерью» — «не мог этого сделать пред дочерью в особенности». **к**

После слов: «об этом, невыгодном для него обстоятельстве»: — «Таким образом, в доме Ляховского встречались два течения: с одной стороны, сто-

яло общество, избранное доктором и самим Ляховским, а с другой — общество, которое выбрала сама Зося.

После слов: «недоступная увлечениям»: «за исключением, может быть, страсти к лошадям и дружескому чувству, какое она питала к доктору».

Вместо «не сделали бы вы то же самое, что я сделал?» — «не сделали бы вы в моем положении, что я сделал».

С. 150. Вместо «происходили такие такие сцены» — «происходила такая сцена».

С. 151. После слов: «тут тебе, Илья, и окончание» — «Вот вы сказали про порты... может, в другой раз в портах-то...»

С. 152. Вместо «был один — одиныхонек» — «был один-одиношенек»

После слов: «этот вопрос относится к области психологии»: — «Впрочем, в этом случае Ляховский только повторял ошибку многих других очень умных людей, которые, кажется, надули вселенную и которых в то же время преисправно водила за нос какая-нибудь кухарка, точно этот нос не был носом очень умного человека, а ручкою чайника или другим каким кухонным орудием, которое самой природой специально было приспособлено для того, чтобы удобнее держать его в руках».

С. 153. После слов: «пользовался репутацией самого верного слуги»: — «Единственным хорошим делом в жизни Пальки было то, что он не бросил Ляховского во время погрома в Польше, а пошел за ним на Урал. Даже в этом поступке, который навсегда упрочил за Палькой право безнаказанно ничего не делать, ничего не было с нравственной точки зрения хорошего. Палька пошел за Ляховским не в силу каких-нибудь высших побуждений, нечуждых и лакейской породе, а просто потому, что не знал, куда девать свое холопское тело. Сам Альфонс Богданыч был бессилен против Пальки, как был бессилен относительно Ильи. Но Илья ленился потому, что его избаловали, а Палька потому, что ни на что больше не был годен, ибо был хлоп до мозга костей, и больше ничего. Его присутствие в доме Ляховского после крушения всего строя старой жизни было странной аномалией, точно в лице Пальки даже сам Ляховский выплачивал дань тем обломкам старинных преданий, которые доживали свой век в швейцарской».

После слов: «про которых он говорил только «пхе»»: в рукописном тексте после главы XVI второй части романа вставлена глава, изображающая празднование дня рождения Матрешки в подвале домика Заплатиной:

«Поведение Привалова составляло для Хионии Алексеевны неразрешимую загадку: никак она не могла примениться к нему. Такой уж человек «несуразный» выдался, ничего с ним не сообразишь. Эпизод с мельницей, когда Хиония Алексевна обсудила его хладнокровно, не только не противоречил ее планам, но был ей как раз на руку; но последовавшее затем примирение Привалова с Бахаревым и его частые визиты в бахаревский дом опять разрушили бодрое настроение почтенной дамы. Однако идти сейчас же к Бахаревым она не хотела; выжидая время, она рассчитывала на визит самой Марьи Степановны, или, по крайней мере, Надежды Васильевны, но визит не был сделан, и Хиония Алексевна имела полное основание быть недовольной Бахаревыми.

— Зазнались уж больно, — ворчала она. — Погодите, голубушка, походите за мной...

Кроме того, Хионию Алексеевну очень озабочивали визиты Привалова к Половодову и Ляховскому, тем более, что она никак не могла навести необходимых справок о результатах этих визитов. Эта невозможность просто бесила почтенную даму, и она долго и напрасно ломала голову над вопросом, как выйти из такого затруднительного положения.

«У Половодовых был два раза, — соображала про себя Хиония Алексеевна, следившая за каждым шагом Привалова. — В первый раз обедал, во второй, кажется, просто напился кофе... Агриппине Филиппьевне обещал приехать на один из ее четвергов и не приехал; у Ляховских был раз, завтракал. Кажется, собираются на заводы, но почему-то все откладывает... Вообще, чорт его разберет, что у него на уме!»

Иногда на Хионию Алексеевну нападало отчаяние: все ее планы разлетались дымом, оставляя в голове тяжелое похмелье... В самом деле, как все было хорошо сначала, а тут и пошла городьба... Виктор Николаич воспользовался случаем и часто поддразнивал жену:

— А я слышал, Хина, что Привалов-то женат... Ей-богу! Жена у него за границей живет.

— Молчи, дуралей. Разве ты можешь, что-нибудь понимать...

— Даже очень хорошо понимаю и вижу все насквозь: пила бы собака молоко, да рыло коротко... Хи-хи!

Вместо ответа Хина бросала в мужа первой попавшейся под руки вещь и принималась, вероятно, для очищения взволнованной совести, ругать Матрешку. Наконец ей пришла в голову счастливая мысль, которая уже не раз выручала ее из мрака неизвестности: Хиония Алексеевна призвала к себе Матрешку, обругала ее еще раз, вообще и в частности за прошедшие, настоящие и будущие провинности, а затем объявила:

— Ты, кажется, когда-то на днях будешь справлять день своего рождения, так можешь взять комнату внизу. Вот тебе три рубля на расходы... Поняла?

Рождение Матрешки было покрыто глубоким мраком неизвестности, но она в экстренных случаях «справляла» его, то есть покупала несколько бутылок сквернейшей наливки, орехов, пряников и приглашала прислугу знакомых домов. Этим простым путем Хиония Алексеевна узнавала такие новости, каких не добыть бы, кажется, ни за какие деньги.

Итак на другой же день Матрешка справляла день своего рождения. В подвале домика Заплатиной две небольших комнаты были освещены самым ярким образом. В этих комнатах разместился все знакомый народ: Палька, Ипат, Лука, Игорь, кучер Илья, лакей внушительной наружности от Половодова, лакей Веревкиных, швейцар из «Магнита» — Михеич. Женский персонал представлял тоже богатый выбор: горничная Ляховских, кормилица Веревкиных и еще несколько вертлявых особ в белых накрахмаленных передниках с розовыми бантами на всех пунктах, где их присутствие было только необходимо в видах фиксирования внимания. Эта разнообразная публика, при помощи Матрешки, разместилась таким образом, что решительно никому не было обидно и ничья амбиция не страдала. Самым щекотливым вопросом было то,

как устроить Илью, потому что он не состоял, как другие, «при горницах», но Матрешка ловко обошла это затруднение, поместив его в самый дальний угол. Своим счастьем присутствовать на этом празднике Илья был обязан мании Матрены Поликарповны (она же в обыкновенное время Матрешка) устраивать счастливые браки, как это практиковала ее госпожа. Кучер Илья уже третий год присматривался к кормилице Веревкиных, разбитной вдове-солдатке; это уже было не первое tête-à-tête, и каждый раз Илья держал себя самым странным образом: упрется глазами в кормилицу, как бык в стену лбом, и молчит. Кормилица в это время бойко щелкала кедровые орехи и постоянно ощипывалась, как наседка-курица.

— И чего ты смотришь эку страсть на меня? — спрашивала кормилица не без кокетства, ощупывая мишурный галун на своем голубом сарафане. — На мне ведь надписей не написано... Ты бы уж лучше, Илья, хошь рассказал что-нибудь, а то тошнехонько этак сидеть-то с тобой. Подумают, что мы в молчанку играем.

— Это от той причины, Акулина Власьевна, — объяснял Илья, выходя из своего расслабленного состояния, — что наш брат кучер больше в конюшне, около лошадей... Я вот руками чего хочешь изломаю, а насчет разговору, в комнатах сумлеваюсь. Ежели с барином, так у нас такие разговоры, такие разговоры... Смеху!

В этой комнате, где сидел Илья с своей кормилицей, собралась молодежь, которая вела себя как всякая благовоспитанная молодежь: кавалеры рисовались, говорили тяжеловесные комплименты, рассказывали дамам анекдоты двусмысленного содержания и старались побольнее ущипнуть, в виде любезности; дамы кокетничали и смеялись неестественным смехом, многозначительно переглядывались между собой и без всякой видимой причины начинали целовать одна другую. Очевидно, эта компания составляла только декоративную сторону праздника, являясь некоторым увеселительным балластом; Матрена Поликарповна мало обращала на нее внимания, потому что находилась уже в том возрасте, когда знают настоящую цену даже самым пикантным анекдотам. Она ограничивала свое участие в этой компании только несколькими замечаниями, специально относившимися к Игреньке, который, покуривая украденную у барина сигару и постоянно встряхивая волосами, врал с особенным азартом. Между прочим, он успел рассказать, что его молодой баран, то есть Виктор Васильевич, недавно подарил одной актрисе громаднейший букет из сторублевых ассигнаций.

— И все-то ты врешь, Игренька! — говорила Матрешка, толкая рассказчика в бок кулаком. — У вас с молодым барином заплат неостанет, чтобы актрисам подарки делать. Спроси вот у Ипата Ананьича, сколько твой барин занял у его барина, когда обедал вместе с Веревкиным.

— Не верь, мне что! — обиженно отвечал Игорь. — Ежели я сам этот букет носил к актрисе... Рыженькая такая, небольшого росту; сначала жила с Лепешкиным, а теперь с новым прокурором живет.

Публика подняла Игоря на смех и обратила все внимание на Михеича; Михеич был теперь просто швейцаром в «Магните», но, как можно было понять из некоторых очень тонких намеков, питал слабую надежду занять пост буфетчика. Все это придавало ему значительный вес между горничными.

— Нет, я вам вот что расскажу лучше, — ораторствовал Михеич, обращаясь собственно к одним дамам. — Третьего дня у нас было такое сражение, такое сражение... Подобно как Севастополь или Варшава! И все это Лепешкин с Иваном Яковлевичем... Истинно можно сказать: чудотворцы! Ломтев с Иваном Яковличем обыграли ирбитских купцов, а мы уж знаем ихнюю политику: как выиграла—сейчас к нам, в «Магнит». Марья Митревна уж начеку держит себя — все у ней готово, а тут нарочно швею привезла из какого-то магазина; так песни поет, вроде как скрипка или гитара. Ей-богу! Ну, вечером, известно, и приезжают все: сначала, натурально, Иван Яковлич с Ломтевым, потом Лепешкин с Виктором Васильевичем да с молодым баричем Ляховским, анжинеры... набралось, одним словом, народу густо! Хорошо. Гости ужинают, арфистки песни зажаривают. А Ивану Яковличу все мало, все им помудреннее надо; сделали этак головку набок усмехнулись и говорят Марье Митревне: «скучно»... Марья Митревна, обыкновенно, понимает и сейчас арфисток по рукам. А Иван Яковлич сидит за столиком, ручки потирают, усмеваются да как подмигнут Виктору Васильевичу, тот на стол, да по столу сначала на руках, а потом колесом... Натурально, все со стола на гостей: кушанье, вино, пиво. Крик такой пошел, точно на поминках. Ну, Иван Яковлич за эту штуку сторублевый билет выложил Марье Митревне, а что было залито вином да соусами платьев на арфистках, то особым счетом пошло. А под конец Лепешкин две сторублевых бумажки съел под соусом: велел зажарить в масле, да с луком и съел.

Центр тяжести всего праздника помещался в следующей комнате, где за бутылкой с коньяком сомнительного происхождения беседовало самое избранное общество, т. е. Палька, Лука, Ипат и лакей внушительной наружности. Горничная Ляховских, выцветшая полька Жозефина с злыми глазами, ходила все время под руку с Матреной Поликарповной. Это был в своем роде *chef-d'oeuvre* Матрешкиной стратегии: Жозефина была настолько высокого о себе мнения, что не могла унизиться до общества Михеича и лакея Веревкиных, а с другой стороны, ей неловко было оставаться одной во второй комнате, где сидели одни «мущины». Поэтому Матрена Поликарповна и таскала на своей руке спесивую гостью из одной комнаты в другую. Героем дня был, конечно, Ипат, который то начинал горько жаловаться на свою судьбу, то принимался рассказывать о том, как отлично они жили с бариним в Петербурге.

— У вас, Ипат Ананьич, отличный барин, — заявлял Лука, который был сильно шокирован двусмысленным поведением приваловского слуги.

Ипат жмурился, делал кислое лицо и махал рукой, как человек, у которого впереди не оставалось ни одной надежды.

— И такой скромный, — вставляла свое слово Матрешка, — не то, что наши баричи: проходу не дают.

— Скромный-то он, действительно, скромный, — глубокомысленно соглашался Ипат, делая такую гримасу, точно он чем подавился, — и богат... А вот, чтобы угодить ему — ни один человек в свете не угодит!

— Что же, он бранит вас? — любопытствовала Жозефина.

— Если бы бранил, так это еще ничего — можно бы жить, а то хуже...

— Неужели он... дерется? — ахнули дамы разом.

— И не дерется, а молчит. Хорошо сделал — молчит, худо сделал — молчит... Другой, раз просто жизни не рад: страшно вдруг делается. Точно он все сердится... и никак ты к нему не приновишься.

Лука был огорчен коварством приваловского слуги и горячо вступился за барина.

— Нет, я вам прямо скажу: вы цены своему барину не знаете, — докторальным тоном заявил Лука, придерживая одной рукой свою задиравшую ногу. — Смотреть, так кажется, что все господа равны, как деревья в лесу, а еще посмотрел, так и вышла разница. Взять, примерно. Ивана Яковлича или Александра Павлыча, — господа, нечего сказать, а сравнить с Игнатием Львовичем или с Василием Назарычем, и выйдет: то да не то... Сюжет один, а церемония разная. А ежели теперь взять Сергея Александрыча, тут опять свой разговор пойдет: тут прерода... Да!

— Конечно, прерода первое дело, — подтвердила Матрешка. — Это не то, что наша Хина, голь перекатная, — треплется, треплется, как оглашенная, день-то деньской, а к вечеру и поужинать нечего... Ей-богу! А про барина и говорить нечего: дашь ему поесть — поест, не дашь — и так износит.

К необъяснимым особенностям Матрешки принадлежала странная способность ругать барина и барыню за глаза; вероятно, она выкупала этим то состояние невменяемости, когда, являясь в руках Хионии Алексеевны такой же безответно-послушной, как мертвое тело в руках могущего его человека.

— Про вашу Хину что и толковать, — согласился Лука. — По-настоящему ее в хорошие дома и пускать не следовало бы, потому сколько она одного вина вытрескает.

— Пьет, страсть пьет, — уверяла Матрешка с азартом, — и в гостях, и дома, — как дудка, пьет. Я так думаю, что от этого ее у Ляховских не принимают и у Половодовых тоже.

— Невозможно, — коротко отвечал Палька, с хрипом насасывая свою коротенькую трубочку; он успел порядком нализаться, пока Ипат жаловался на свою судьбу, Лука защищал Привалова, а лакей внушительной наружности внимательно их слушал в качестве публики.

— Так вот я и говорю, — продолжал Лука, пользуясь наступившей паузой: — что господа один к другому не подходят. Когда приехал к нам Сергей Александрыч, вечером я пошел к барину — у нас с ним одна болезнь, и дохтур один лечит, и мазь одна! — стал это натирать ему ножку мазью, а он этак взглянул на меня да и говорит: «Лука... а Лука? Ведь Привалов не нам с тобой чета. Деды-то у него столбы были, да еще какие столбы, — этаких и людей больше не осталось».

— А как вы думаете, Лука Авдеич, — перебила Матрешка разглагольствования Луки, — женится Привалов на вашей барышне или нет?

— Ишь ты, востра больно! Легко сказать: женится... Да разе такие дела промежду господ зря делаются? По-вашему, поиграл какой-нибудь парень на гармонике, намазал себе челку помадой, и дело в шляпе. Еще наша-то барышня пойдет либо нет. У нас Марья-то Степановна вон какая карахтерная, а барышня в нее пошла; промежду себя подымут спор какой; Марья Степановна говорит так, а барышня: «не хочу».

— А я слышала, что Привалову очень понравилась барышня Ляховская, — продолжала испытание Матрешка, перемигиваясь с Жозефиной: — Как бы на ней не женился...

— Это уж кому как божеское произволение, — резонировал Лука, — Софья Игнатьевна барышня первый сорт. Бог счастья пошлет, так и почище жениха найдет; за генерала выйдет.

— А вы как, Ипат Ананьич, думаете? — приставала Матрешка к Ипату. — На ком ваш барин женится: на Ляховской барышне или на Бахаревой? Обе красавицы, обе богатые...

— Уж где нам жениться, — уныло отвечал Ипат, — мы ведь не как другие люди...

— Все-таки... Ведь у барина, наверно, была какая-нибудь зазноба в Петербурге? Ну, там экономка, горничная или на стороне кто-нибудь.

— Нет, у нас этого заведенья, чтобы женский пол в доме держать — ни-ни!.. Так, разный народ бывал: графы, князья, от кавалерии, химики, а чтобы относительно женского полу... барин хоть и прост на вид, а он строго себя содержит.

— Может быть, приносили барину записочки, — не унималась Матрешка. — Или он вас посылал к кому-нибудь с записочкой, с букетом?..

— Да, отвяжитесь вы, стрекозы! — вступился наконец Лука за Ипата, который только хлопал глазами. — Все у вас одни глупости на уме... Ипат Ананьич, вы не обращайтесь на них внимания. Дело известное, волос долог... Хе-хе!..

Как слуга старой школы, Лука необыкновенно галантно относился к женщинам вообще, и если позволял себе шуточку, то непременно приправлял ее самой любезной улыбкой, как умеют улыбаться одни старые слуги.

— Мне что, пусть женится, — уныло соглашался Ипат. — Только я вперед скажу, что уж если я не умею угодить барину, так где же жене с ним справиться? Пусть женится, мне все равно.

Ипат, как ни был глуп, но все-таки понял, что от него что-то хотят выведать, и поэтому с самой добродушной рожей понес такую околесную, что любопытные женщины должны были наконец отступить от него. Когда они ушли в другую комнату, Палька завладел общим вниманием и долго рассказывал про «забавки», какие устраивало в Польше «родовите паньство, шляхетство и гонорове рыцерство».

— Я буду говорить прямо: отлично жили! — ораторствовал Палька, покручивая свои щетинистые усы. — Такие забавки да мазурочки строили, что вспомнить жалко... От-то время было! А как пани Марина танцевала. Пхе!.. Разве нынче умеют так танцевать? Жозефина, как эту моду называли, когда панянки в одних рубашках на балах танцевали?

— Это была мода маркизы Люлли, — объяснила Жозефина, слышавшая эти рассказы тысячу раз. — Тогда панянки одевались в греческие тюники с золотым поясом, а на ногах носили сандалии... Чулок не надевали и на пальцах ног носили кольца. У пани Марины остался такой костюм.

— О, пани Марина, пани Марина! — вздыхал Палька, впадая в меланхолию, — Вот танцевала... Сам крутоусый Сангушко выходил с ней в мазурке в пер-

вой паре! А паны? Налей море сантуринским или венгерским, все бы выпили паны... Отлично було!

На другой день утром Матрешка сделала Хионии Алексеевне подробнейший доклад обо всем, что успела вчера выведать от своих гостей, и Хиония Алексеевна имела удовольствие узнать, что Привалов совсем помирился с Бахаревыми, по вечерам играет в преферанс с Марьей Степановной и часто подолгу разговаривает со старшей барышней. У Ляховских сама барышня угощала Привалова завтраком; Игнатий Львович сначала ссорился с ним и даже кричал, как на Альфонса Богданюча, а потом повел по всему дому, показывал все комнаты и даже водил в спальню Зоси.

Можно себе представить впечатление, какое произвел на Хионию Алексеевну отзыв о ней Луки, переданный Матрешкой с некоторыми поэтическими дополнениями.

— Так вот как!.. — едва могла она проговорить, закусив синие губы. Конечно, через полчаса она уже была у Агриппины Филипповны и с видом угнетенной невинности говорила:

— Нет, как это вам понравится: я трескаю у них вино... А? И после этого еще есть у людей совесть... Да чтобы я теперь поехала к Марье Степановне... Ха-ха! Агриппина Филипповна, вы знаете мой характер: я могу очень долго терпеть, но если я увижу ложь или обман, — все кончено!..

— Успокойтесь, Хиония Алексеевна, — отвечала Агриппина Филипповна, очень довольная в глубине души, что Хину порядочно смазали, — хочется вам обратиться внимание на всякий вздор... Мало ли что болтает прислуга.

— Нет, извините, Агриппина Филипповна: вы, значит, совсем не понимаете моего характера. Чтобы я... чтобы моя нога когда-нибудь перешагнула порог бахаревского дома: никогда! Наплюйте мне в лицо, Агриппина Филипповна, если это неправда...

Когда Хиония Алексеевна возвращалась от Агриппины Филипповны на свое пепелище, она долго что-то соображала и рассчитывала про себя и наконец сказала кучеру:

— К Бахаревым...

Марья Степановна приняла Хионию Алексеевну сухо и холодно, строго подобрав губы оборочкой. Гостья сразу почувствовала, откуда дует ветер, и держала себя все время самым глупым образом.

— Ах, душечка Марья Степановна, а я все время была так больна, так больна! — трещала она, улыбаясь блудливой, заискивающей улыбкой. — И знаете отчего?.. Представьте себе: по городу разнесли слух, что Привалов рассорился с Василием Назарычем из-за какой-то мельницы и даже будто Василий Назарыч выгнал Привалова из своего кабинета... Все это, конечно, вздор, и я всем говорила: «Вздор! Совершенная нелепость!». Но меня эти сплетни так взволновали, что я слегла в постель: кровь горлом, сердцебиение, невралгия... Едва со мной отводились, милая Марья Степановна! Я только тогда и отошла, как услышала, что Привалов опять бывает у вас и проводит целые вечера.

Марья Степановна не слушала этой болтовни и внутренне казнила себя, за свое непростительное легкомыслие в первый визит Привалова, когда она по-

зволила Хине обойти себя кругом. Гордая старуха не могла простить своей ошибки этой проклятой Хине и теперь отплачивала ей ледяной холодностью.

— А я так рада за вас, так рада... — не переставала Хина.

— Нечему радоваться-то, Хиония Алексевна, — сухо заметила Марья Степановна. — Пустое это дело, наши с вами разговоры... Так, зря болтаем!

Хиония Алексевна окончательно обиделась. Ее опять взорвала человеческая неблагодарность, но она еще раз переломила себя и сделала вид, что не поняла резкого ответа Марьи Степановны.

— А где у вас Верочка? — осведомилась она с участием старого друга дома.

— Ей что-то нездоровится...

— Мне можно заглянуть к ней в комнату?

— Нет, она спит...

Хионии Алексевне ничего не оставалось, как только распрощаться с него-степриимной хозяйкой. Когда она садилась в свой экипаж, в саду мелькнуло голубое платье Верочки, и Хиония Алексевна проговорила: «А... так вы вот как! Ну, Марья Степановна, будете вы меня помнить?.. К довершению всех неприятностей, она, выезжая из ворот, носом к носу встретилась с Виктором Васильевичем, который на всю улицу весело закричал ей:

— А, Хиония Алексевна... ходите почаще мимо-то, без вас веселее!» **р**

В рукописи после слов: «зазналась уж больно, — ворчала она»: — «тысячу раз раздумывая о проклятой мельнице, которая у нее не выходила из головы».

Вместо «такие новости, каких бы не добыть бы, кажется, ни за какие деньги» — «...ни за какие коврижки». **к**

После слов: «странная способность ругать барина и барыню за глаза»: «на чем свет стоит». **к**

С. 154. Вместо «вооружил свой нос пенсне» — «вооружил свой нос старым пенсне». **р**

Вместо «половину бумаг сложил» — «половину бумаг запятил». **к**

После слов: «как показалось Привалову» — «Анна Павловна, как всегда, оставалась при своем «высоком давлении» и говорила мало». **р**

С. 155. Вместо «и в голову не пришло бы подумать» — «и в голову никогда не пришло бы подумать». **р**

С. 155—156. Вместо «умела вытянуть ту заунывную нотку» — «умела вытенивать ту заунывную нотку». **р**

С. 156. Вместо «глухие слезы и смертная тоска по какой - то воле и неизведанному счастью, казалось, стояли в этой песне» — «глухие слезы, казалось, стояли в этой песне и смертная тоска по какой-то воле и неизведанном счастье». **к**

С. 157. Вместо «додернуть» — «додернуть немного». **к**

После слов: «никогда ничего подобного не слышал»: — «— Пойдемте в сад, — лениво проговорила Половодова, ничего не отвечая на слова Привалова; она простым движением приняла его руку и крепко держалась за нее, когда им нужно было по ступенькам террасы спуститься на песчаную площадку.

В этой трогательной позе они вошли в широкую тенистую аллею, которая вела зеленым коридором к реке. Кой-где, под навесом акаций, не пропускав-

ших солнечных лучей, песок еще сохранил сырость вчерашнего дождя, и Антонина Ивановна грациозным движением подобрала свободной левой рукой вольничившийся шлейф своего платья цвета морской воды. В саду было теперь необыкновенно хорошо. В воздухе стояла пахучая струя от тысячи цветов, пестревших на клумбах; особенно больших деревьев не было, но молодые липы и тополи достаточно защищали от солнца. Где-то азартно перекликались безымянные птички и посвистывала малиновка. **к**

С. 160. Вместо «Лоскутов был в чем-то замешан» — «Лоскутов был замешан. Понимаете: замешан в одной очень громкой... Да. Отсидел в каземате, был в административной ссылке». **к**

После слов: «Да Бог его знает...» — «Кажется, полутатарского происхождения, как рассказывал доктор. Позвольте, дайте припомнить: был татарский князек, Лоскут, который бродил между Доном и Волгой, — вот этот Лоскутов потомок разбойника Лоскута». **р**

С. 162. Вместо «из низкого глубокого кресла» — «из низкого голубого кресла». **р**

После слов: «— Нет, зачем же мешать, — ответил Лоскутов»: — «просто и свободно, повертывая в руках суконную, черную фуражку.

Он в коротких словах резюмировал Привалову весь ход предшествовавших рассуждений и сейчас же перешел к тому, на чем они остановились. Лоскутов говорил с мягкими интонациями в голосе, с гортанным южным акцентом и мягким произношением буквы «г». Теория Шопенгауэра была знакомой Привалову из пятого в десятое, и он с особенным вниманием вслушивался в разговор. Но его интересовал больше сам Лоскутов, чем излагаемая теория Шопенгауэра; Привалов напрасно старался освободиться от предвзятого мнения относительно оратора. Слова Ляховского не выходили у него из головы, двоя впечатление. Привалов пожалел, что не может теперь отнестись к Лоскутову совершенно беспристрастно, как к всякому другому незнакомому человеку. Только чем дальше говорил Лоскутов, тем с большим удивлением Привалов стал замечать, что и сам он много раз думал о том же, только эти мысли носили слишком неопределенный, разрозненный характер, а теперь они являлись в целой грандиозной системе.

— Мне остается повторить только одну избитую мысль, что все великие открытия во всех областях человеческой деятельности отличаются замечательной простотой, — говорил Лоскутов, точно отвечая на мысль Привалова. — Каждому из нас, вероятно, приходили в голову те мысли, какие развивает Шопенгауэр, и большинство фактов, которые он приводит, в подтверждение своей теории, носит слишком ежедневный, обыденный характер. Заслуга Шопенгауэра, как и всех других оригинальных мыслителей, — в угле зрения, под которым они рассматривают эти факты, в том освещении, который он бросает на них, и, наконец, в замечательной последовательности мысли и железной, беспощадной логике, при помощи которой он создает свою философскую систему. Нас даже пугает та ясность, какой освещает Шопенгауэр действительность, и в глубине души у каждого человека таится живое желание сохранить хоть частичку той мишуры и самообмана, каким мы привыкли прикрывать действительные явления действительной жизни.

— Мне, кажется, что Шопенгауэр слишком увлекается своими логическими построениями и во многих местах доводит свою мысль до абсурда, — оппонировал доктор, продолжая ходить по комнате. — Я приведу аналогичный пример... Возьмите человеческое тело с анатомической точки зрения, и тогда это тело явится пред вашими глазами изумительно организованной машиной, подавляющей ум грандиозностью архитектурного плана и непостижимой тонкостью отделки микроскопических частей и их комбинаций. Для ученого это тело является предметом научного исследования, и он не думает о той божественной красоте, которая поражает в нем художника и поэта. Так и Шопенгауэр: он рассматривает явления нравственного мира с ученой точки зрения и подкладывает под каждое проявление психической деятельности его материальную подкладку. Повторяю: с научной точки зрения, в его теории много слишком резкой правды, но он доводит свою мысль до абсурда, когда начинает утверждать, что кроме зоологической правды в данном случае ничего нет...

— Доктор — эстетик, — объясняла Зося Привалову с задумчивой улыбкой, — и немножко поэт... Ему не по силам расстаться со своим художественным багажом.

— Ведь Шопенгауэр — пропагандист силы, — отвечал доктор, — а каждую силу мы можем признать только по ее внешним проявлениям. Поэзия — великая сила, как это мы можем убедиться на каждом шагу, и поэтому можем говорить о ней с такой же уверенностью, как и о многообразных проявлениях зоологической правды.

— Вы, доктор, стреляете в пространство, — вмешалась опять Зося, — Максим тоже поэт и немного мистик...

— Совершенно верно, — согласился Лоскутов, — рассматривая свои руки.

Привалов еще в первый раз слышал термин «зоологическая правда» — и он заставил его задуматься. Это слово слишком смело коснулось того, что он чувствовал теперь и о чем иногда боялся думать даже наедине с самим собой. Неужели вся жизнь сводится только на эту зоологическую правду, и лучшие проявления человеческой души служат только в интересах и грубых целях природы? Что же тогда останется от того, что мучит людей, заставляет их страдать и истекать кровью... Что его привело, например, в эту комнату час назад? Что заставляло ходить по вечерам в старое бахаревское гнездо? Что явилось в его планах последним, решающим словом и сделало смешными и жалкими сомнениями все то, над чем он раньше так мучился?.. Неужели и он, тот он, который вот сидит теперь в этом мягком кресле и испытывает такую напряженную полноту всех чувств, является в материнских руках природы только жалкой и слепой игрушкой, имеющей значение потолка, поколику это отвечает интересам продолжения вида?

— Нет, нет и нет... — застонало что-то в глубине души Привалова, точно там билась смертельно раненная птица.

С другой стороны, для Привалова сделалось ясным все то, чего он раньше не понимал в Надежде Васильевне, а также и то, что рядом с Лоскутовым, этим исключительным человеком, он, Привалов, со всеми своими планами и широкими замыслами, самый заурядный простец. Последняя мысль точно придавила Привалова, и он жалко съезжился в своем кресле.

p

С. 162. Вместо «В кабинете Ляховского весело и дружелюбно беседовали» — «пока в гостиной Зоси происходил вышеприведенный философский диспут, в кабинете Ляховского, по-видимому, весело и дружелюбно беседовали».

С. 167. Вместо «то смотрела усталую и скучающею» — «то имела такой усталый, скучающий вид».

После слов: «все же лучше будет» — Ну, а что твоя мельница? — с натянутой улыбкой спрашивал Василий Назарыч на прощанье.

— Пока еще на плане только существует. Вот по первопутку поеду место искать...

— Так... — протянул Василий Назарыч, что-то стараясь припомнить. — «Уж если ты действительно мельницу хочешь, так тебе одному за незнакомое дело приниматься неловко: ошибешься. Надо подыскать какого-нибудь хорошего человека... Понимаешь? У меня много знакомых из мучников... Ах да, вот и вспомнил: Илья Гаврилыч Нагибин. Отличный старик... Вот прямо и ступай к нему, так и скажи ему, что я тебя послал.

— Очень вам благодарен, Василий Назарыч...

— Ну, поблагодаришь после, когда муку свою будешь молотить. Ты спроси его, Илью-то Гаврилыча, у кого-нибудь из мучников: всякий его знает».

С. 168. После слов: «Тут что-нибудь кроется, — думал Привалов». — «Сейчас за домом Привалова тянулся громадный старинный сад, походивший на настоящий английский парк. Он занимал целый квартал, и по его широким аллеям из берез, пихт и тополей Зося часто гарцевала на своем скакуне. Привалов полюбил этот старый, заброшенный сад и уходил сюда подышать свежим воздухом. Особенно он любил укромное местечко на берегу круглого пруда, затянутого зеленой плесенью. Здесь росла группа вековых кедров, бывших, вероятно, еще остатком того леса, который когда-то рос на месте теперешнего сада.

Забравшись в зеленую запущенную глушь, куда-нибудь в полуразвалившуюся беседку, Привалов проводил здесь целые часы в созерцательном настроении, которое он особенно любил и которого здесь ничто не нарушало. Дышать этим воздухом, напоенным острым, смолистым запахом пихт, без конца смотреть на море темной зелени, слушать птичий беззаботный гам — все это было так необходимо для него в виду старого приваловского дома, который каждый раз нагонял на него тяжелую тоску... Сюда же приносил Привалов свою наболевшую думу о Наде, той Наде, о которой он как-то боялся даже думать. Он любил ее тихой созерцательной любовью, которая всецело наполняла все его существо, привязывая каждое движение, каждую мысль к заветному имени. На самом дне души Привалова, как светляк в густой зеленой траве, тихо тлело и светилось счастливое молодое чувство, которым в состоянии были согреться даже пустые стены полуразвалившегося дома и исторический хлам, который скопился в нем. Привалов чувствовал, что в его жизни пробивается теплой струйкой новая сила, и имя этой силе: Надя!.. Может быть, вот этот самый старый дом с ненавистными для Привалова воспоминаниями сделается колыбелью его счастья, тем более, что Привалов чувствовал, что именно здесь, в этом доме, для него все должно выясниться и разрешиться. В

разгоряченном мозгу уже вставали, одна за другой, самые заманчивее картины: весь дом переделан заново, для себя оставил он только небольшой уголок, а все остальное помещение занято хлебными складами, конторой, школой, мастерскими. Какая жизнь закипит здесь, сменяя теперешнюю пустоту и мерзость запустения!.. «А если она не захочет принимать участие в осуществлении этого счастья?» — вставала в голове Привалова мысль, и он переживал все те муки, какие создавало его расстроенное воображение.

Перебирая свои воспоминания, Привалов напрасно искал в них хотя проблеска чувства к нему Нади. Правда, она относилась к нему с большим участием, любила говорить о его планах, но и только. Дальше этого дело не подвигалось. Но думать о Наде, как думают вообще о любимых девушках, Привалову казалось просто пошлостью... Разве она походит на тех женщин, каких встречал Привалов, за исключением, может быть, одной мисс Строттер? Холодная, слишком эффектная красота Зоси только лучше вытеньяла в глазах Привалова образ Нади, этой единственной девушки, без сомнения. Даже самое слово «любовь» как-то совсем не подходило к тому, что переживал Привалов. Ведь всякая любовь выстроена на самом грубом эгоизме, а любовь мужчины к женщине пропитана таким эгоизмом от начала до конца в особенности. Эта и была та «зоологическая правда», о какой Привалов просто боялся думать. Нет и нет! В Привалове как-то все возмущалось против такой «зоологической правды»; он хотел видеть в Наде человека, лучшую часть самого себя, то неизмеримое, чего ему недоставало и чем вся жизнь его сделается полной и глубоко счастливой. Зачем же такая любовь, зачем этот эгоизм жизни, зачем грязь и холод человеческого существования? «Ты моя» — вот та роковая формула, в которую укладывается любовь мужчины к женщине, и наоборот. Таким образом, в другом человеке каждый любит прежде всего и больше всего только самого себя и приносит в жертву собственному эгоизму свои лучшие побуждения, лучшие чувства и самые светлые минуты существования».

р

С.169. После слов: «пожалуй, смешного ничего и нет»: «Самый звук слов: Гуляевы и Приваловы для них имел с детства магическое значение. Это своего рода рабство, но рабство очень тонкого свойства, потому что с ним связано слишком много самых дорогих воспоминаний. Этим рабством пропитано и связано целое мирозерцание. У матери это выражается проще и рельефнее: она создала культ этим двум фамилиям и живет в нем; отец старается стать выше своего воспитания, выше гуляевских и приваловских идеалов, и это иногда удается ему. Но в отце нет уже этой цельности, поэтому он и опаснее, как человек, который под впечатлением минуты может наделать что угодно. Он, например, любит Привалова, а между тем при первом противоречии оттолкнул его...

— Самодур...

— Хотя и тяжело сознаться в этом, но это так... — печально проговорила Надежда Васильевна.

— Если отец самодур, тогда ему ничего не значит помириться с нами. Сначала, конечно, посердится, а потом и стихнет. Отчего ты не хочешь, чтобы я сам переговорил с ним обо всем?

— Ах, какой ты глупый человек... — засмеялась Надежда Васильевна. — Ведь я же тебе объясняю, что именно этим ты все дело испортишь. Все равно, что дразнить медведя раскаленным железом, так и тебе говорить с отцом. Зимой как-то он был в очень хорошем настроении и очень ласкал меня. Мы долго проговорили с ним о разных разностях, а я, между прочим, и спросила его: «А что, говорю, папа, ты сказал бы мне, если бы я вышла за Лоскутова?» Он даже побледнел весь, а потом и сказал: «Надя, я не для того тебя вырастил, чтобы выдать за сумасшедшего»... Понял?

Молодые люди весело засмеялись.

— Но ведь все люди — люди факта, они преклоняются перед фактом, — заговорил Лоскутов. — Раз явится убеждение, что дела не поворотить по-своему, тогда остается только помириться с фактом.

— Все-то у тебя теории в голове, Максим, — с любовным укором отвечала девушка. — Ты на людей смотришь, как на какие-то математические выкладки... А ты представь себе, что в этом простом арифметическом действии, в каком-нибудь сложении, каждая цифра не только имеет свою волю, но эта воля еще окрашена тысячью предрассудков, предубеждений и симпатий. Ведь тогда бы самый гениальнейший математик потерял голову... Так и теперь: ты смотришь на них с своей точки зрения и поэтому жестоко заблуждаешься.

— Но ведь мы все-таки, надеюсь, имеем дело с разумным существом, одаренным таким же умом, как и все другие люди.

— Все это верно, все это так... в теории. Но представь себе, что ты совсем «не ко двору» Бахаревых, то есть являешься фальшивой нотой в тысяче тех мелодий, из которых сложилась жизнь этого дома. Помирился бы ты когда-нибудь с собственным больным зубом в собственной своей челюсти? Нет? А тут требуешь, чтобы люди помирились с чужим больным зубом, каким ты явись для них. На каждой вещи в доме, на каждой привычке, на каждой мысли есть известный отпечаток, свой характер, — наконец, если хочешь, свой запах... Ведь это целый мир, маленький, но все-таки мир, к которому люди приросли каждой каплей крови, и вдруг этот мир, эта наружная оболочка семьи, должна разрушиться в одно прекрасное утро. Ты только представь себе, что тебе пришлось бы расстаться с твоим заветным, дорогим для тебя миром своих собственных симпатий к известным людям, мыслям, явлениям, наконец, просто, симпатий к неодушевленным предметам, — расстаться во имя совершенно посторонней причины, которую вдобавок ты и не любишь, и считаешь сумасшедшей.

— Я понимаю, что тебе жаль отца, Надя... И мне его жаль, но я все-таки не понимаю этого странного мира, в котором люди хотят жить наперекор всему на свете.

— Да взять хоть одно то, что ты не признаешь брака?

— Что же из этого, Нолли? Если бы я встретил Василия Назарыча, я объяснил бы ему очень хорошо и доказал, что брак как таинство не должно вообще служить источником каких-либо прав, а тем более — таинство не должно служить к увеличению прав одной стороны на счет другой. Это очень легко доказать, потому что весь дух христианства заключается в свободе, а не в рабстве. А браком закрепощается слабейшая сторона в пользу сильнейшей.

Я объяснил бы твоему отцу, что как честный и порядочный человек я только не хочу воровать твоих прав в свою пользу...

— А дети?

— Да ведь беспоповщинская секта признает сводные браки, а следовательно, признает и детей от таких браков? Я с удовольствием согласился бы, чтобы наш союз благословил какой-нибудь раскольничий старец и старица. Такое благословение имеет нравственный смысл: раз, оно указывает на важность совершаемого брачующимися сторонами поступка, затем, оно не поражает ничьих прав и, таким образом, остается на своей высоте.

— Опять все это хорошо только в теории, с чем, вероятно, согласился бы и отец. Но ведь практика — совсем другое дело... Люди и умные, и честные по-своему десять раз согласятся, что все это так, а сделают как раз наоборот, потому что сами являются только послушным материалом унаследованных привычек и заблуждений. Нет, Максим, жизнь такая страшная и тяжелая вещь, когда приходится смотреть ей прямо в глаза... **Р**

— Надя, милая Надя, — прибавил Лоскутов ласковым шепотом, — ты попала между двумя мирами, которые не могут никогда помириться между собой, а между тем ты любишь их и разрываешь себя... Это действительно страшная вещь.

— Уж такая, видно, наша бабья доля, — ласкалась девушка. — Но, милый мой, хороший... Я с одним тобой только счастлива и около тебя только спокойна!

— А как хорошо теперь, Надя, на приiske... Только и недостает тебя, мое счастье!

— Да? А как я скучаю без тебя... Ведь это глупо, если посмотреть со стороны, а между тем такая тоска, такая тоска... А тут еще из головы не выходит мысль, что я должна одним словом испортить отцу остаток жизни. Ведь он теперь особенно нуждается в уходе, в спокойствии, а тут... Несколько раз я шла к нему в кабинет с мыслью, что скажу ему все. Но как он начнет меня ласкать, обрадуется мне, — так я пожалею его опять и замолчу. Послушай, мы с тобой порядочно заболтались... Нужно идти. Тут еще этот Привалов. Он какой-то странный такой все эти дни, я его иногда боюсь... А между тем в нем есть что-то такое, совершенно особенное, чего в других нет.

— Тебе он нравится, Надя?

— Д-да... нравится тем, что не походит на других, а так, сам по себе. Есть что-то в нем...

Молодые люди ушли, а «этот Привалов» остался в своей засаде, под столетней елью.

— Все кончено... все!.. — тихо проговорил Привалов, чувствуя, как его охватывала какая-то мертвая пустота.

В темной зелени ели, над самой головой Привалова, звонко заливалась какая-то птичка; солнце давно уже стояло над головой; на пруду широкими полосами вспыхивала легкая рябь.

— Куда теперь? — спрашивал самого себя Привалов, обглядываясь кругом; после короткого раздумья, он, пошатываясь, как пьяный, побрел в сто-

рону приваловского гнезда, но потом остановился в раздумье, махнул рукой и с глухими рыданиями повалился на зеленую траву». **р**

С. 170. После слов: «особенная зловещая тишина»: — «Такая тишина была страшнее всякой бури, и все в доме чувствовали на себе гнет этой тишины. Не первый раз такая тишина черной тучей накатывалась на бахаревский дом, но потом все миновало и мало-помалу налаживалось на старый лад». **к**

После слов: «сидит в своей каморке старый Лука»: — «неизменное копье, как иногда в шутку называет его Василий Назарыч. Давно уже старый Лука не улыбается». **к**

После слов: «подходит к нему каждое утро»: — «и долго про себя шепчет молитву, прежде чем достать газеты и письма. Эти письма Лука любит и ненавидит в одно время; он долго и подозрительно смотрит на них своим безграмотным оком, напрасно стараясь разгадать то, что кроется под обложкой конверта. И конверты бывают разные: одни атласные, узенькие, с цветными вензелями — этих конвертов Лука не боится и смело несет их в кабинет к Василию Назарычу. А бывают конверты, сделанные из простой серой бумаги и всегда запечатанные большой бурой печатью, — этих конвертов Лука боится как огня. Старик давно присмотрелся к неправильному почерку, каким написан всегда адрес на таком конверте.

— Из Сибири письмо пришло, — всегда вслух скажет Лука и внимательно посмотрит письмо со всех сторон. — Ох-хо-хо... Много таких писем в последнее время приносил Лука в кабинет Василия Назарыча, и каждый раз ожидал, пока Василий Назарыч прочтет это письмо. Бахарев нетерпеливо разорвет письмо, пробежит глазами грязный, захватанный листочек серой бумаги и только поморщится». **к**

Вместо «На Варваринском прииске плохо». — «На Варваринском прииске шахту водой залило». **р**

После слов: «точно кто придавил рукой прежнее веселье» — «В душе Луки жила непоколебимая уверенность, что все напасти творятся именно письмами. Главное, скверно было то, что ста хороших писем как не бывало, когда получалось одно нехорошее. «В прежние времена этих самых писем и звания не было, — рассуждал про себя Лука. — А ведь еще как жили-то. Вон взять хоть Павла Михайлыча. Эх, да что тут говорить!»

Чтобы хоть немножко отвести душу, Лука с особенной яростью накидывался на Игоря:

— Ну ты чего свою челку-то поганую расчесываешь, а? Тебе ведь все равно, хоть трава не расти... Только бы тебе хорошо было!.. У вас с Воронком одна вера-то: есть овес, и ржете. Ох, не глядели бы глазонки, дожили!.. **к**

После слов: «в каждую щель» — «По ночам Лука с кряхтением ворочается в своей каморке, прислушиваясь, как гудет и стонет ветер, точно какая темная сила, которая хочет непременно ворваться в бахаревский дом и все перевернуть в нем». **к**

С. 171. Вместо «прислушиваясь к каждому звуку» — «к каждому звуку, какой доносился». **к**

После слов: «верховодит немая Досифея» — «По грому и стуку кастрюль, который доносился из кухни, Лука всегда безошибочно заключал о

положении дел: если Досифея сильно гремит кастрюлями — дело дрянь, а если утишилась — ничего, налаживается. Но в последнее время кастрюли Досифеи гремели все сильнее и сильнее, и Лука только морщился. Особенно караулил старик тот момент, когда Досифея возвращалась из покоев «самой», т. е. Марьи Степановны. Тогда Лукой овладевало нестерпимое любопытство, и он с кряхтением ковылял через двор в кухню, чтобы заполучить от Досифеи самые последние и свежие новости». **к**

После слов: «и никто не знает»: «— Ох, кабы руки на себя не наложил, Досифеюшка, — стонет Лука, делая отчаянный жест. — А я так полагаю, что беспрерывно что-нибудь у Сереженьки и барышни промежду себя вышло... Это уж верно!..

— Вышло, вышло... — мычит Досифея, — и «сама» то же говорит.

— Куда мы теперь с нашей жар-птицей денемся, Досифеюшка?

— «Сама» Богу молится... Бог пошлет...

— Да еще вот эти письма, чтобы им пусто было!

— И о письмах «сама»-то молится, долго молится, и все в землю.

— Молитва, оно, конечно, первым дело, Досифеюшка, — резонирует Лука, — а вот поклонами-то воду не откачаешь из шахты на Варваринском... Да. Вот ножку бы только выправить Василию-то Назарычу: все дело бы оборудовал!

Надежда Васильевна, по выражению Луки, как-то совсем «пришипилась» и ходила по дому как в воду опущенная. Хорошо еще, что Василий Назарыч пока ничего не замечает, а то как раз вместо одной беды нажили бы две. Доброе сердце Луки предчувствовало, что какая-то неминуемая беда грозит бахаревскому дому, и старик со страхом заглядывал в лицо своей жар-птицы, когда она проходила мимо него.

«Эх, вырастили красоту: всему миру на украшение, — думал Лука, качая головой. — Только без красоты горе, а с красотой — вдвое... Ох-хо-хо!.. Омманул ты нас, Сереженька, всех омманул: от тебя вся эта и сухота на нас навалилась! Выстроил ты нам, голубчик, мельницу...» **к**

С. 172. После слов: «не с неба упал на тебя» — «Ах ты старый кот». **к**

Вместо «а то испугаешь еще» — «а то испугаешь еще». **к**

Вместо «коротко сказал Данила Семеныч» — «коротко отрезал Данила Семенович». **к**

С. 173. Вместо «его калмыцкие глаза совсем исчезли» — «его калмыцкие глаза совсем исчезали». **к**

С. 174. Вместо «подняв глаза, он улыбнулся» — «подняв глаза от газеты, он улыбнулся». **к**

Вместо «Мне показалось» — «А мне так показалось». **к**

Вместо «Нет, голубка» — «нет, голубчик».. **р**

После слов: «по его косым глазам вижу»: «Как он вошел в переднюю, я так и отшатился от него: думаю, блазнит мне, оборотень объявился». **к**

С. 175. Третья глава в рукописи начинается так: «Известие о приезде Данилы Семеныча молнией облетело весь бахаревский дом, начиная от Досифея и кончая Виктором Васильичем; на половине «самой» оно произвело настоящий переполох, так что Марья Степановна даже перекрестилась, а Верочка

стремглав кинулась на отцовскую половину. В столовой она встретилась с сестрой.

— Куда ты, Верочка?

— Я... меня послала мама, ты видела Данилу Семеныча?

— Да. Он теперь в кабинете.

— Надя, голубчик, я чуточку только послушаю, — умоляла Верочка, краснея по своему обыкновению до ушей. — Можно? Я чуточку...

— Если есть желание подслушивать — ступай.

— Не подслушивать, а только чуточку послушать... И мама просила.

— Не понимаю...

Между Марьей Степановной и старшей дочерью уже давно установились полуофициальные отношения, а в последнее время эти отношения перешли в холодность. Мать подозревала, что у Надежды Васильевны с Приваловым непременно вышел какой-нибудь «случай», и что Привалов перестал бывать у них именно по этой таинственной причине; упрямая старуха несколько раз вплотную принималась допрашивать свою дочь и даже пыталась поначалить ее, но из такой попытки решительно ничего не вышло, — стороны остались при своем. «Ну, ты у меня смотри... Не сносить тебе головы без материнского благословения», — заключила Марья Степановна свои препирательства с дочерью и еще больше рассердилась на Василия Назарыча, который во всем потакал своей любимице. Теперь, когда Надежда Васильевна вошла в комнату Марьи Степановны, вместо обыкновенных расспросов что и как — последовало упорное молчание.

Девушка отправилась в свою комнату, но за ней сейчас же прибежала Верочка». **к**

С. 175. После слов: «бегом бросилась к кабинету» — «Луки в зале не было, старик убежал в свою каморку и поскорее затеплил пред образом Скорбящей неугасимую». **к**

После слов: «не помня себя от ярости» — «бледный, как полотно» **к**

После слов: «жилы из тебя вытяну» — «из подлеца». **р**

Вместо «девушка села на диван и ждала» — «девушка спокойно села на диван и терпеливо ждала». **к**

После слов: «из бесвязного потока проклятий»: «и ругани». **р**

С.176. Вместо «пока наконец Василий Назарыч с глухими рыданиями не бросился в свое кресло» — «пока Василий Назарыч с глухими...». **к**

Вместо «а потом и обсудить все обстоятельства» — «а потом и обсудить спокойно все обстоятельства». **к**

После слов: «вскакивая с своего кресла» — «— Я слышала это, папа. Девушке стоило больших усилий усадить отца на прежнее место. Пароксизм бешенства заметно проходил, проявляясь отдельными вспышками». **к**

После слов: «грезить наяву»: «в таком положении Надежде Васильевне еще ни разу не случалось видеть отца, и в ее ушах еще стоял тот нечеловеческий крик, какой она слышала в их столовой; она не замечала, что ее бьет лихорадка и руки были холодны как лед». **к**

После слов: «Я один, один» — «мне нечем заменить... а эти подлецы». **к**

После слов: «О, Боже мой !!» — Надежда Васильевна просилела в кабинете отца за полночь. Василий Назарыч лежал на диване, закинув руки за спину

и плотно сжав губы; он умоляюще смотрел время от времени на дочь, точно боялся, что она уйдет из кабинета и оставит его одного, с неотступной, черной думой в голове.

— А ведь я все это предчувствовал, Надя, — в раздумье говорил старик, начиная смотреть на свое горе издали. — Да, бывают такие предчувствия. Впрочем, это может быть и от болезни от моей... Днем-то чувствуешь себя совсем настоящим человеком: голова работает правильно, испытываешь такое бодрое настроение, а как навалилась ночь — и пошло все вверх дном. Ты еще молода, голубчик, и представить себе не можешь, какую муку приносят эти страшные ночи нам, старикам... Точно в тебе все перевернется и начнет чудиться такая дрянь да мерзость, ты просто жизни, кажется, своей не рад. Да...

— Отчего же ты не разбудишь никогда меня ночью? Я посидела бы с тобой, все же веселее двоим-то скучать...

— Ах, не то, голубчик, не то... Мое — стариковское дело, а тебе надо силу копить. Мало ли, как доведется на веку-то маяться... Вот, были мы с тобой богаты, а теперь...

— Опять, папа, за старое? Разве сгоряча можно что-нибудь говорить о таком важном деле: сначала успокойся, а там еще успеем наговориться обо всем. Давеча вон какой крик поднял...

— Хорошо, будь по-твоему, — с тупой покорностью выбившегося из сил человека согласился Бахарев.

— Ты вот лучше расскажи, о чем по ночам-то думаешь?

— Думаю, деточка, много думаю, и все думаю о вас же...

— Чего же так думать о нас, папа? Мы, слава Богу, на своих ногах и можем сами себе зарабатывать на хлеб. Знаешь, что я тебе скажу: богатство меня всегда давило, я от души завидовала тем бедным девушкам, которые сами зарабатывают себе хлеб... Ведь богатство еще не приносит счастья.

— Да, да... — застонал старик, хватаясь за голову. — И с бедностью люди счастливо живут... Но, голубчик, чего стоит такое счастье? Ты сказала: своим трудом... Легко это только выговорить, а на практике ой как трудно: не дай Бог! А особенно женщине своим-то трудом куда горько приходится... Видал я, голубчик, видал и таких. Сами мы виноваты, сами: балуем вас, холим, лелеем, а потом и охаем. Ну, какую ты работу будешь работать, например?

— Я... открою школу, поступлю приказницей в магазин, — да мало ли дела найдется.

— Так, так... Ох-хо-хо! Только один шаг сделать, Надя, а там уж бедность да нищета и обойдет со всех сторон: тут неладно, там порвалось, здесь валится — а взять негде. И спать жестко, и есть, чего Бог послал, и в одном платьишке перебиваться по два года... Ты будешь колотиться как рыба о лед, а тут просунется еще болезнь либо какое горе... Трудно, деточка, в двадцать-то лет этакой воз на себе везти, трудно.

Старик задумался.

— Помнишь Катю-то Колпакову? — заговорил он после долгой паузы.

— Да, помню...

— Мне неловко бы рассказывать тебе, девушке, такие истории, да, видишь, знать их нужно. Все нужно знать: неизвестная беда в тысячу раз хуже знае-

мой... Вот я про Катю-то начал. Она ведь чуть-чуть постарше тебя, а когда родилась, тогда еще сам-то Колпаков жив был и в полной силе, — ну, из пушек стреляли по случаю рождения Кати, шампанское рекой лилось. Дом — полная чаша, и жить, кажется, так не изжить всякого добра, а потом куда что девалось: богатство-то все растаяло как вешний снег. Да... Осталась Катя со старухой матерью и пришлось добывать кусок хлеба иголкой. Павла-то Ивановна перетерпела беду, известно, старый человек покрепче молодого, а вот Катя... Ох, жаль мне ее, бедняжку, так жаль! Часто вот о ней по ночам-то думаю и все вижу ее, какой она была еще маленькой-то: хорошенькая да беленькая, да ласковая девчурка была, а волосики на голове точно золотые, и все кудряшками, все кудряшками; глазки голубенькие да светлые такие, так в душу и смотрятся... И этакая-то девочка погибла ни за грош ни за копейку!

— Отчего же, папа, ты тогда не помог Кате?

— Хотел помочь, да не умел... Чужая-то бедность все чужой останется, а Павла Ивановна вон какая неприступная: за каждый пустяк обижалась. Видишь, у бедных-то амбиция развивается, как бы их нищими не сочли... Так и Павла Ивановна: не хочу ничего чужого, буду своим трудом жить и дочку заставлю к труду привыкать, к своему куску хлеба, чтобы после не боялась бедности. Старуха-то правильно рассуждала... Все ее за характер уважают, а вот поди ты: вышло дело-то не по-старухиному! Стала Катя подрастать, а сама так и расцветает... Ну, легкое ли дело гнить да сохнуть за работой, когда хочется жить каждой жилкой? Стала наша Катя задумываться, стала задумываться... А потом и ушла совсем из дому, бросила мать. Я нарочно ездил тогда к Кате-то, уговаривал ее вернуться к матери, обещал ей обставить ее, как она хочет, — куда тебе?! Она же на меня накинулась, да ведь как накинулась: гордость в ней заговорила, т. е. собственно и не гордость, а отчаяние. «Я, говорит, милостыней вашей не хочу жить, а хоронить себя заживо — тем больше...»

— К чему ты это все говоришь, папа?

— Да вот ты спрашиваешь, о чем я по ночам думаю, — я и рассказал тебе. Конечно, я не хочу сказать этим, что ты с Верочкой будете... Ох, тяжело, Надя!.. Голубчик... Наконец, вас с матерью Костя не оставит... А я вот про себя-то все это и передумываю: ведь кланяться придется, унижаться, выпрашивать деньги у чужих людей. А потом начнешь проекты выстраивать разные, несбыточные, да утешаться цветными бумажками, как Полуянов... Ах, как просто это делается, голубчик: как по лестнице человек начнет спускаться, так ступенька за ступенькой и опустится на самое дно...»

С.176. Вместо «крещеный киргиз» — «крещеный калмык». **к**

Вместо «обезумевшие от голода родители с большим удовольствием продали шустрого ребенка за мешок муки и пару плохих сапог» — «шустрого калмычонка за мешок муки и пару плохих сапог обезумевшие от голода родители отдали с большим удовольствием. Что за фантазия была у заводчика брать к себе этого степняка — трудно сказать; может быть, Илья Привалов взял к себе умиравшего с голоду калмычонка из чувства сострадания, но вернее всего, что это было самое обыкновенное проявление той специальной блажи, какой страдали в той или другой форме все уральские заводчики, как страдали ей во времена крепостного права помещики. Как-никак, но...» **к**

Вместо «степняк-киргизенок» — «степняк-калмычок». **р**

Вместо «по своей натуре Шелехов» — «по своей дикой, неукротимой натуре Шелехов». **к**

После слов: «достоинств и недостатков»: «больше последних, чем первых». **к**

Вместо «как нельзя больше соответствовали его характеру» — «как нельзя больше отвечали его азиатской натуре». **к**

С. 177. После слов: «не знал соперников» — «и старик Бахарев коротал с ним много снежных ночей по Саяну». **к**

После слов: «советовался с ним в трудных случаях» — «Находились такие суеверные люди, которые глубоко были убеждены, что у Данилы Шелехова относительно золота есть особенный нюх, что он слышит носом заветные местечки. Во многих специальностях вырабатываются такие типы, как Шелехов, и вера в их чудеса держится единственно благодаря неискоренимой привычке людей под самые простые явления подкладывать непременно таинственные причины. В сущности, Данила Шелехов и старик Бахарев были ягоды одного поля, с той разницей, что первому недоставало той выдержки характера и чисто административных способностей, какие были у Василия Назарыча». **к**

Вместо «но к правильному труду он положительно был не способен» — «но к правильному в европейском смысле труду он положительно был не способен и мог работать с грехом пополам только под чим-нибудь сильным влиянием». **к**

После слов: «вылетит из кармана последний грош» — «Как только эта неизбежная метаморфоза совершалась, Шелехов поневоле расставался с трактирами, игорными притонами и девицами легкого чтения. Каждое появление Шелехова в Узле было как две капли воды похоже одно на другое и всегда заканчивалось или скандалом, или просто какой-нибудь историей, из которой его выручать приходилось тому же Василию Назарычу. Иван Яковлич, Ломтев, Лепешкин и компания всегда встречали Шелехова с распростертыми объятиями, пока у него в кармане шевелились деньги».

После слов: «отпустили в чем мать родила...»: «— Так и следует. Разве тебя кто гонит каждый раз куда не следует?» **к**

Шелехов только взмахнет своей короткой рукой и смолкнет. Впрочем, эти превращения не всегда встречались Бахаревым мирно, иногда над головой Шелехова проносилась жестокая буря, и он терпеливо выслушивал град упреков, наставлений, советов и просто ругани». **к**

Вместо «Марья Степановна глубоко веровала в гений Данилы Семеныча» — «К глубоко верующим в гений Данилы Семеныча принадлежала прежде всего Марья Степановна». **к**

Вместо «Как все там пойдет шиворот-навыворот» — «как все там пойдет «на вонтарары». **к**

Вместо «после вспышки со стороны Василия Назарыча» — «после каждой распечки со стороны Василия Назарыча». **к**

Вместо «Данила Семеныч увлекался наполовину «самой» — «Данила Семеныч каждый раз увлекался на половину «самой». **к**

С. 178. После слов: «натакался на местечко-то» — «оно в горе, надо шахту ударить... Без двадцати тысяч и не подходи к нему». **р**

Вместо «так запаливал» — «так запаливал, так запаливал».

к

С. 179. Глава 5 в рукописи начинается со следующего отрывка: «Мы оставили Привалова в саду, когда он, как смертельно раненный, не чувствовал определенной боли, а только сознавал одно, что для него навсегда порвалась туго натянутая струна жизни, оставив впереди безотрадную пустоту. Только за этим сознанием охватило его гжучее чувство страшного горя, уступив, в свою очередь, место глухой, мертвой тоске, которая как могильный червь день и ночь сосала его сердце. Привалов испугался ошеломившей его пустоты, которая как его alter ego* следовала по его пятам и жила теперь с ним в одной комнате.

«Для чего жить? Для чего работать?» — эти вопросы бессвязно мелькали в голове Привалова, и выбитая из своей колеи мысль не давала на них никакого ответа».

к

С. 180. После слов: «рассеялся, как туман»: «Один удар — и вся картина разлетелась вдребезги, нет, не картина, а долгая-долгая жизнь, из которой, как он пишет, вынули живую душу. Привалову хотелось уйти от самого себя, чтобы изгладить из памяти до последнего штриха все пережитое и пережитое им, но разве человек в состоянии позабыть неиспытанное счастье? Иногда Привалову казалось, что он сходит с ума, и болезненно настроенный мозг, как испорченная машина, работает в счет собственного уничтожения. Ему как сквозь сон представлялся ход собственных мыслей до того рокового момента, когда в нем со страшной силой вспыхнула жажда обладания и то «желание желаний», которое, как поток лавы, на своем пути превращает в пепел идеальнейшие построения и самые возвышеннейшие мечты. Выкладки голый мысли и логические выводы являлись каплями холодной воды, которую лили на выбритую голову сумасшедшего.

«Но ведь она одна... одна и одна!.. — кричал какой-то внутренний голос, разбивая вдребезги всякую логику. — Другой такой нет и не может быть...»

Сквозь этот вопль наболевшей души, как мягкий ласкающий ветерок, просачивалась предательская мысль: «А ведь, может быть, еще не все потеряно? Может случиться, что Надежда Васильевна разлюбит этого Лоскутова, может быть...» Странно, Привалов не чувствовал никакой вражды к этому Лоскутову, которого знал только по восторженным отзывам Ляховского. Что это за человек? Откуда он явился на Урал? Что заставило Надежду Васильевну отдаться этому странному человеку? Да и любила ли она его? Не были ли эти чувства самым обыкновенным проявлением того железного закона природы, против которого Привалов еще так недавно протестовал? Лоскутов — совершенно чужой для того мира, неотъемлемую часть которого составляет Надежда Васильевна. Она это сознает сама, и это сознание откроет ей глаза».

Пока Привалов переживал все эти терзания и нравственные муки в своих трех комнатках».

к

После слов: «в тысячах предположений» — «догадок и гипотез. С одной стороны, для нее было совершенно ясно, что тут замешана какая-то женщина, а с другой...Одним словом, получалась невообразимая каша. Вдобавок, оби-

---

* двойник (лат.).

женная коварным поведением Марьи Степановны, Хиония Алексевна не решалась навести справки из первых рук, то есть нагрязнуть на бахаревский дом и выведать там всю подноготную». к

Вместо «нет, этого не могло быть» — «нет, этого не может быть». к

После слов «эти ненавистные Бахаревы, Половодовы, Ляховские» — «Разведка Матрешки решительно не приводила ни к чему, и бойкая девка только напрасно трепалась по всему городу». к

После слов: «никого не принимать, даже Nicolas Веревкина» — «— Следовательно, соваться к Привалову в такую критическую минуту значило прямо лезть под обух». к

После слов: «Уж вы не заперли ли его в своем пансионе под замок?» — «Почтенная дама только закатила глаза и передернула плечами.

А безжалостное время идет да идет: неделя, другая, третья... Наконец, это черт знает, что такое получалось: Хионии Алексевне нельзя было показывать глаз на улицу, все засыпали ее вопросами о жилье. По городу стали ходить какие-то темные слухи, знакомые при встречах с Хионией Алексевной начинали улыбаться двусмысленно и делали разные прозрачные намеки на что-то. Заплата долго крепилась и отшучивалась, потом начала огрызаться и говорить дерзости, потому что все, что говорили о Привалове, она принимала на свой счет. Одним словом, положение выходило самое фальшивое. Даже интимный институтский друг Заплатиной, Агриппина Филиппевна, прямо сказала ей:

— Знаете, что я скажу вам, Хиония Алексевна? Я никогда, конечно, не решилась бы высказать прямо этого, если бы... Вы понимаете? В городе ходят слухи, что вы знаете всю подноготную про Привалова и скрываете... Конечно, это говорят, чтобы уязвить мое самолюбие и испытать мою веру в вас, но все-таки, согласитесь, мое положение выходит самое странное.

Это было уже слишком...» к

После слов: «В голове Хионии Алексевны наконец мелькнула счастливая мысль» — «которую она и постаралась немедленно осуществить. Когда Заплатины сидели за завтраком, и Виктор Николаич меланхолично жевал вчерашнюю котлетку (Хиония Алексевна только себе позволяла лакомиться свежинкой, ее супруг, увлеченный тайнами европейской политики, совсем не замечал, как она всегда завтракала свежей котлеткой: это делалось так незаметно и в такой безобидной форме, и только одна Матрешка знала этот безобидный секрет), Хиония Алексевна совершенно равнодушным тоном проговорила как о деле, давно решенном:

— Я думаю, что ты сегодня сходишь к Сергею Александрычу.

Эта фраза бросила европейского политика в холодный пот, а проклятая вчерашняя котлетка встала поперек горла, так что бедный Виктор Николаич кашлял, чихал и сморкался, по крайней мере, с четверть часа. Выброшенный из гимназии Anatole разделял родительскую трапезу и чуть не лопнул от душившего его смеха: очень уж ловко тапан смазала рара... «У старичины душа в пятки ушла», — весело думал молодой человек, наслаждаясь происходившей пред его глазами семейной сценой. Хиония Алексевна тоже была довольна произведенным ее фразой эффектом и тем же тоном продолжала...»

С. 181. После слов: «упавшим голосом проговорил Виктор Николаич» — «вперед застегивая на все пуговицы свой затрапезный сюртук». **к**

Вместо: «Как зачем? Вот мило...Снеси газеты и извинись, что раньше не догадался этого сделать... Понял?» —

«— Как зачем? Вот мило...

— Матап, ты разве не видишь, что рара трусит, — помогал Anatole.

— Я? Я трушу?..— вспыхнул оскорбленный отец и, приняв вызывающую позу, проговорил: — Я сейчас же пойду и познакомлюсь... Эка невидаль, подумаешь: миллионер... Да мне плевать на него. Это только вам он кажется черт знает чем: такой же человек как и мы, грешные...

Виктор Николаич, конечно, раскаялся сейчас же, пока договаривал свою воинственную тираду, но глупое слово вылетело, а Хиония Алексевна глядела неумолимым взглядом сфинкса. Вероятно, каждому из нас приходилось испытывать подобные глупейшие положения, когда за одну, нечаянно сорванную с языка фразу приходилось платиться самым жестоким образом.

«Ведь повернулся же проклятый язык...», — думал Виктор Николаич, отправляясь одеваться.

«Будем посмотреть, как старичина выкрутится», — думал Anatole, целуя ручку матап.

В это время Виктор Николаич выглянул в двери из столовой: на лице его было начертано столько неподдельного горя и душевных мук, но сфинкс был неумолим. Это бесчеловечное отношение жены ожесточило политика, и он с остервенением принялся за свой туалет, утешая себя теми размышлениями, какие обыкновенно приходят людям в его положении: «Да вель Привалов меня не съест, в самом-то деле?.. В самом деле, не крепостное право! Познакомлюсь, и только...» Почтенный супруг расходился до того, что даже подумал, как бы ему насолить своей милой половине... Ведь недурно было бы, черт ее возьми, четырнадцать раз с разом!..

Виктор Николаич в новом суконном сюртуке с гордостью вошел в гостиную, но здесь на него опять напала такая робость, что он вернулся в столовую и бессильно опустился на стул, махнув рукой.

— Дурак... идиот! — прошептала Хиония Алексевна, тыкая в нос мужу пачкой газет. — И этого не мог сообразить: на, снеси газеты и извинись, что раньше не догадался этого сделать... Понял?

Виктор Николаич схватился за газеты и, не говоря ни слова, исчез в гостиной». **к**

После слов: «улыбка Привалова спасла его»:

«— Вы курите, Виктор Николаич?

— Да, то есть, нет...»

После слов: «решительно неспособным «к словесности»:

«— А ведь мы думали, что вы больны, — добродушно говорил Виктор Николаич.

— Да, немножко... Это со мной иногда случается: нервы, хандра...

— Скучаете в нашем городе... Хе-хе!..

— И этого не могу сказать, а так как-то...

— Что же, это иногда бывает... Со мной раз, знаете, такой был случай...

Виктор Николаич осторожно хихикнул в руку и покрутил головой.

— Это я не над случаем смеюсь, а над той... — оправдывался Виктор Николаич, кивая в сторону своего пепелища. — Ей-богу... Начала меня пугать давеча, что будто я вас боюсь... Хе-хе!.. Ну, скажите, ради бога, чего мне вас бояться... Надоем, скажете — я и уйду... Скучно покажется сидеть одним в четырех стенах — пошлите за мной. Я сейчас прибегу. А Хина моя совсем ума решилась... Вы уж ее извините, пожалуйста!

— Помилуйте, мне не в чем извинять вашу жену.

— Нет, серьезно вам говорю: извините... Она в сущности добрая женщина, а вот относительно языка да этой бабьей привычки везде совать свой нос... Ну, скажите, пожалуйста, зачем она меня послала к вам?

— Право, не знаю.

— Я тоже... «Ступай, говорит, познакомься». Ну я натурально пошел, хотя и трусил немножко. Ей-богу, трусил...

В приваловских комнатах целый час продолжалась довольно оживленная беседа, то есть говорил больше гость, а хозяин слушал. При таком удобном случае Виктор Николаич не преминул погрузиться в глубины европейской политики и посвятил Привалова в ее сокровеннейшие изгибы и самые запутанные комбинации. Между прочим, гость несколько раз ругнул жену и прошелся на ее счет не без остроумия.

— Заходите, когда вам свободно, — говорил Привалов на прощанье.

— С большим удовольствием, если позволите, а то сидишь-сидишь, одиното, читаешь-читаешь эти газеты, даже одурь возьмет... Так я забреду как-нибудь!..

— Очень буду рад.

Привалову пришлось недолго ждать следующего визита Виктора Николаича. Дня через два, когда Привалов вечером пил чай, голова Заплата таинственно показалась в дверях.

— Можно-с?..

— Да, счастливый, к чаю.

— С первого раза Привалов заметил какую-то особенную таинственность, которая сквозила во всей фигуре его гостя: в его лице, взгляде, в осторожных, нерешительных движениях, точно он пришел навестить больного. За чаем, как и в первый свой визит, Виктор Николаич поговорил о политике, вскользь ругнул жену, немного помолчал, точно выжидая какого-то вопроса со стороны хозяина, а потом неожиданно начал прощаться.

— Да куда вы торопитесь? — уговаривал Привалов.

— Дел особенных нет, а все-таки...

Виктор Николаич с прежним, таинственным видом распрощался и пошел к двери, но с полдороги вернулся и проговорил:

После слов: «с утра треплется по городу» — «ужо навезет новостей». к С. 182: Вместо: «кассир у них с деньгами убежал»: «кассир у них с деньгами бежал, да шахту водой залило.

— А вы это верно знаете?

— Вернее смерти. Моя Хина все знает, а откуда — уж не могу вам объяснить. Этим бабам точно сорока на хвосте новости приносит». **р**

С. 182. В рукописи шестая глава начинается так:

«— Ну, что Привалов? — накинулась на мужа Заплата, когда он вернулся с приваловской половины. — Да ты ему говорил ли о Бахаревых?

— Сказал одно слово...

— Ну, что же он?

— Ничего... Молчит.

— О Шелехове-то говорил?

— Вот о Шелехове-то я и позабыл сказать... Еще дорогой думал, перебирал в уме, а тут и вышибло.

Хиония Алексевна безнадежно махнула рукой на мужа: он решительно был не в состоянии выполнять ее поручения. Из двух его визитов к Привалову она решительно ничего не узнала, а между тем черт его знает, что этот дурак болтал там у Привалова. А между тем...» к

С. 182. После слов: «не к прежней Марье Степановне» — «Собственно говоря, Заплатину больше всего интересовало то, как ее примут у Бахаревых. Как все ограниченные эгоистические натурашки, она в каждом деле прежде всего и после всего заботилась только о себе, а остальные люди шли между прочим, как гарнир к редкому кушанью». к

Вместо: «относилась с совершенно новым чувством к той обстановке» — «отнеслась с совершенно новым чувством к той обстановке». к

С. 183. После слов: «приобрести за бесценок» — «Василий Назарыч каждый раз, когда бывал на китайской границе, всегда привозил жене какой-нибудь интересный подарок. Хина, как щука, попавшая в аквариум с мелкой рыбой, торопливо бегала глазами по комнате, заблаговременно выискивая самую лакомую добычу, и даже успела сообразить, какие вещи она приобретет из этой обстановки, когда в этом доме все пойдет с молотка. В ушах почтенной дамы уже раздавались торопливые шаги тех хищников, которые ворвутся в старое бахаревское гнездо и, камень за камнем, с истинно человеческой жестокостью разнесут здесь все... Даже в душе Хины шевельнулось что-то вроде жалости ко всему окружающему, что сложилось в такое гармоническое целое». к

После слов: «и оборвалось в груди» — «Оставленный на поле битвы умирающий, вероятно, испытывает нечто подобное, когда завидит первого воюна». к

После слов: «со своей обыкновенной гордой улыбкой» — «Какого присутствия духа и какого страшного напряжения воли требуют иногда самые ничтожные действия, — это домашнее геройство, которое знает только грудь да подоплека». к

Вместо «награждая хозяйку поцелуем» — «награждая хозяйку поцелуем Иуды». к

После слов: «покачала головой» — «— «А старуха напустила на себя всю гордость, — с злорадством думала Хина, — подожди, матушка, всю спесь как рукой снимет!». к

После слов: «Что же тут особенного?» — «Этот ответ заставил Хионию Алексевну прикусить язык, но она не унялась...» к

С. 184. После слов: «проглотила молча» — «Между двумя женщинами, разделенными всего чайным столом, теперь закипела самая жестокая война,

какая бывает только между женщинами: ни о снисхождении, ни о пощаде не могло быть и речи, игра велась не на жизнь, а на смерть». к

Вместо «В течение целого часа она точно сидела на угольях» — «В течение целого часа Марья Степановна выдерживала страшную пытку, точно сидела на угольях, но ни одним звуком, ни малейшим движением не выдала себя». к

Вместо «Она одну минуту усомнилась, не ввали ли ей про разорение» — «Она посомневалась, уж не наврала ли ей...» к

После слов: «допивая чашку» — «и набивая рот вареньем». к

После слов: «До свиданья, дорогая Марья Степановна» — «Ах, да скажите, пожалуйста, говорят, Данило Семеныч здесь? — равнодушным тоном прибавила она, делая серьезное лицо.

— Нет, это вам наврала, Хиония Алексевна... На днях приезжал с приисков поверенный, а Даниле Семенычу не до того.

Отбитая на всех пунктах Хина наконец оставила гостиную, не зная, как принимать ответы Марьи Степановны: за чистую монету или за подвох. «О нет, врет, старая раскольница. Все врет, до последнего слова!» — решила она, испытывая неприятное чувство за неудавшийся визит.

А Марья Степановна, когда Хина исчезла, с глухим стоном повалилась в кресло: ее теперь грызла мысль, что она, Марья Степановна, связалась с такой шлюхой... Теперь ей было страшно не разорение, а тот позор, который ждал впереди всю семью. Вот эта самая Хина, с которой она советовалась раньше, которую вот сейчас угощала вареньем, — эта самая Хина бросит в нее первый камень.

Пока Марья Степановна переживала глухой приступ гордого отчаяния. к

Вместо «и смотрел каким-то необыкновенно спокойным взглядом» — «и смотрел таким необыкновенно спокойным взглядом». к

После слов: «спрашивал он» — «не снимая верхнего пальто». к

С. 185. После слов: «Да, я действительно был болен» — «Что вы так на меня смотрите, Данило Семеныч? — спрашивал Привалов, начиная чувствовать себя неловко под режущим взглядом режущих глаз Данилушки.

— Я-то?.. Да вот смотрю на вас и думаю, в кого вы лицом пошли: в батюшку или в матушку?

— Вероятно, сам в себя пошел...

— Нет, в матушку, Сергей Александрыч. Я ведь ее хорошо помню... Как же!.. Вас еще по третьему годку на руках, бывало, нянчил, когда еще Павел-то Михайлыч, покойничек, был жив...» к

После слов: «прикрывало страшную внутреннюю борьбу» — «Старый Лука заметил это с первого раза и, хотя немного был сердит на Привалова за жарптицу, но от души пожалел его и даже покачал головой.

— Видел? — печально спрашивал Лука Данилушку.

— Видеть-то видел, — хрипло ответил Данилушка, почесывая за ухом. — Оглашенный какой-то...

Лука только тяжело вздохнул и сотворил про себя обычную молитву». к

Вместо «которая для него навсегда была потерянной» — «которая для него навсегда была потеряна». к

После слов: «Мне можно ее видеть? — Да...» — «Привалов чувствовал, как Верочка провожала его насмешливым, злым взглядом; она не двинулась с ме-

ста, не повела бровью, но в ее глазах Привалов был потерянный и пустой человек. Верочка не умела прощать обид и отнеслась к Привалову, как к врагу». к

После слов: «читала «Кириллову книгу», сост. Стеф. Зизанием». к

С. 186. Вместо «величая и спокойная, как всегда» — «величая и спокойная». к

После слов: «обменялись взглядами» — «стараясь разгадать друг друга». к

После слов: «Гость будешь» — «— Благодарю». к

Вместо «По зиме-то, видно, с сыном на прииски вместе уедут...» — «По зиме-то, видно, с отцом на прииски вместе уедут...» р

Вместо «Открытая неприязнь Верочки» — «Открытая ненависть Верочки». к

После слов: «раскольничья политика — гордость старухи» — «Я ни в чем, ни в чем не виноват, — думал Привалов, не слушая того, что рассказывала ему Марья Степановна. — За что вы меня ненавидите? Я любил и люблю вас всех... Всех до одного! Но не могу сказать того, что змеей заползло в мое сердце...». к

С. 187. После слов: «кончая геранями и белыми занавесками на окнах» — «Здесь он играл в преферанс с Павлой Ивановной, здесь встречался с ней... Самые стены, кажется, говорили Привалову о той, увидеть которую еще раз он и боялся, и желал, как человек, который наклонился над самой пропастью и которого подталкивает невидимая сила наклониться еще ниже... Голова у него кружилась, кровь стучала в висках, и...» к

После слов: «что-то невпопад»: «— Везде недоразумение... Господи, да будет ли этому когда-нибудь конец?» к

После слов: «что мы разорены» — «за вычетом, может быть, каких-нибудь крох, оставленных на черный день». к

С. 188. После слов: «которое он хотел подавить в себе»:

«— Вас, может быть, удивляет мое слишком спокойное отношение к положению отца? — спросила девушка, пылливо наблюдая выражение лица своего собеседника. — Вы даже, может быть, сочли меня за холодную, безучастную натуру, которая слишком эгоистична для чужих страданий...»

— Нет, я просто думал о том, что вы уж чересчур спокойно относитесь к своему собственному положению...

— К собственному положению? Да ведь я давно чужая в этом доме, Сергей Александрыч, — тихо заговорила девушка, обводя комнату глазами. — Если бы дело касалось только одной меня, то развязаться со всяким богатством — моя заветная мечта... Но здесь замешаны старики, которым трудно будет переломить себя. Посмотрите, например, как мама отнеслась к вам... А между тем она уверена, что вы пришли к нам с добрыми намерениями.

— Я, с своей стороны, тоже не имею права обижаться таким отношением лично ко мне... Я слишком много обязан им, чтобы считаться за всякие пустяки.

— Да, да... Все это понятно, но положение стариков почти безвыходное». к
После слов: «не согласится на это»: «— А вы убеждены, что если мне самому это не удобно сделать сейчас, так нельзя ли подготовить?» к

После слов: «остается только ждать»: «— Да, все это недоразумения, — думал Привалов с тоской. — Только одно недоразумение никогда не прой-

дет: это моя любовь к тебе, мое безумие, мое счастье, о котором никто и никогда не узнает, как и ты сама...».

После слов: «Надежда Васильевна заговорила о Шелехове, которого недолюбливала» — «за его неистовую азиатскую натуру».

Вместо «не в силах расстаться с ним» — «не в силах расстаться с Данилушкой».

С. 189. В рукописи восьмая глава начинается так: «— О чем это ты говорила с Сергеем Александрычем? — спрашивала Марья Степановна старшую дочь на другой день после визита Привалова.

— Да так, мама... Не помню.

— Что-то больно у тебя коротка стала память-то. Прямо сказать, девичья...

Надежда Васильевна ничего не ответила на эту брошенную мимоходом колкость, как ничего не отвечала и раньше, когда мать приставала к ней с допросами по поводу того, не вышло ли у ней какого случая с Приваловым».

После слов: «обидело гордую старуху»: «— Точно обегает меня, — думала она с сокрушением. — Ведь я не чума какая-нибудь».

Вместо «казался совсем спокойным» — «казался на вид совсем спокойным».

Вместо «— Не возьму я у Привалова деньги» — «Поэтому я и не возьму у Привалова деньги».

С. 189–190. Вместо «если бы мое время не ушло» — «если бы мое-то время не ушло».

С. 190. Вместо «обратиться к Ляховскому» — «обратиться даже к Ляховсколму».

После слов: «Опять пауза и молчание» — «Василий Назарыч нетерпеливо потирает больное коленко рукой, но Надежда Васильевна не хочет замечать этого вызова. Она понимает, о чем думает отец, но не хочет первая заговорить.

— В угол разве обратиться? — заговорил старик с больной улыбкой. — К тем...

Углом Василий Назарыч называл узловских дельцов последней формации, потому что их богатые дома занимали совершенно отдельный квартал в Узле. Этих новейших дельцов старик не любил за то, что в них не было никакого духа, то есть они наживали свои капиталы при разных удобных случаях и затем сидели на деньгах, не предпринимая ничего нового. По своей промышленной, энергичной натуре старик Бахарев чувствовал себя врагом этого богатого мужичья. В них не было даже тени того, что суровый старик привык ценить в людях.

— Нет, Надя, если я уж с вами не могу сварить каши, так с теми и подавно, — в раздумье заговорил старик. — Разве это люди? Разве они могут что-нибудь понять? Есть и промышленники между ними, и золотопромышленники, а то, да не то... Да! Старик Бахарев не пойдет в угол никогда... Они сами по себе, а мы сами по себе. Это маклаки, которые спекулируют на случайную или на эксплуатацию. Расчет, в сущности, самый верный: с миром по нитке, голому — рубашку. Поэтому я даже доволен, что Привалов берет за свою мельницу и торговлю. Мысль-то сама по себе хорошая, да только не Сергею воевать с углом...

— Почему ты так думаешь, папа?

— Да так... Пороху не хватает. Ведь тут нужно подсиживать каждую гривну, выколачивать каждую копейку из мужика при случае, а разве Сергей на это способен? У него в голове и невесть какие планы ходят...

— А знаешь, папа, что я скажу тебе, — с оживлением заговорила девушка. — Я, конечно, не желаю тебе разорения, а чем больше думаю, тем сильнее убеждаюсь в том, что мы не будем несчастнее от нашего разорения.

— Ну, это пустяки, моя милая. Богатство богатству — рознь...

Василий Назарыч всякий раз начинал хмуриться, когда Надежда Васильевна заводила речь о разорении.

— Тебе бы по-настоящему с Сергеем жить, — отшучивался он, — два сапога — пара... Вон как у вас фантазия-то играет. Только слушай...».

Вместо «отца, который предчувствовал многое» — «отца, который, конечно, предчувствовал многое».

После слов: «отнеслась к Хионии Алексеевне с особенным вниманием» — «справилась о состоянии ее здоровья, долго жала ей руку и с особенной любезностью посмотрела ей в глаза».

С. 193. Вместо «Ах, я, право, совсем не интересуюсь» — «Ах, душечка, я, право, совсем не интересуюсь».

После слов: «не ожидала именно такого действия своей тактики» — «И кто же поднимает на нее руку? Агриппина Филиппевна. Эта маленькая сценка заставила Хионию Алексеевну задуматься».

После слов: «а каши не сварить» — «Уж наверно у него что-нибудь вышло с этой Nadine, голову готова прозакладывать! Может быть, Василий Назарыч тогда вытолкал его просто в шею вместе с его дурацкой мельницей... И взбредет же человеку такая дикая фантазия. Мельницу строить... тьфу!.. Хорош, нечего сказать. «Чем занимается ваш жилец, Хиония Алексевна?» — «Он мельницу строит...» Понятно, что все смеются, вот и Агриппина Филиппевна...

— Много твоя Агриппина Филиппевна смыслит в таких делах, — ядовито замечал Виктор Николаич, потому что его дражайшая половина имела хорошую привычку думать вслух. — Как свинья в апельсинах, так и вы с ней... Вы благодарите Бога, что он еще разговаривает с вами. Привалов... это... это, я тебе скажу, такой человек, такой человек... Да!.. Это, я тебе скажу, политик... А вы с своей Агриппиной Филиппевной трещите, как сороки на дожде: «Привалов, Привалов, Привалов...»

— Дурак!

— Хоть и дурак, а все-таки умнее вас.

— Ты все видишь, что тебя не спрашивают, а только под носом у себя ничего не замечаешь... Ну, пустая твоя голова, как ты теперь думаешь раздельваться с Приваловым по размежеванию башкирских земель... а?.. Ведь Nicolas это дело поднимает ??! А ??!

— Э, матушка, хватила... За башкиров пусть Ляховский отдувается, а я маленький человек, с голого, как со святого, — не много возьмешь.

— Опять дурак!..

— А ты чучело гороховое, помелом написанное!

К довершению всех неприятностей, валивших на голову Хионии Алексевны, ее первенца Anatol'я сюрпризом выключили из гимназии. Чадолуби-

вая мать так была огорчена этой несправедливостью гимназического начальства, что в пылу материнской скорби отлупила Матрешку на все корки, не в пример прошлых лет, а Виктору Николаичу бросила прямо в лицо тарелку с супом. Хорошо, что этот предусмотрительный человек, ухищренный на дипломатическом поприще, вовремя успел нырнуть под стол, и тарелка пролетела безвредно над самой его головой».

С. 194. После слов: «с хлыстом бегал за голубями» — «Хиония Алексевна давненько была должна этому Нагибину, но это к делу не относится... Относительно платежей Заплата не любила тревожить себя, который день прошел — и слава Богу! Итак, Привалов свел знакомство с прасолом, но...». к

После слов: «битых две недели» — «Что, наконец, могли подумать о самой Хионии Алексевне? У ней бывает образованное общество, у ней пансион, у ней, наконец, дети в таком возрасте, когда дурное общество оставляет в человеческой душе неизгладимые следы... Хиония Алексевна до такой степени была возмущена легкомысленным поведением своего жильца, что готова была с ним объясниться начистоту, но после, во-первых, следовало, и во-вторых». к

Вместо «Наконец в одно прекрасное утро» — «Именно в одно прекрасное утро». к

После слов: «Ипат выносит маленький чемоданчик»: «— Этот Ипат глуп, как сорок тысяч баранов». к

После слов: «все мои заботы, тревоги, волнения» — «Я заботилась о Привалове больше, чем о родных детях, и благодаря этим хлопотам совсем погуляла своего Anatole'я». к

После слов «что немного успокоило Хионию Алексевну» — «и пролило в ее огорченную душу луч сладкой надежды». к

После слов: «и они опять уехали в одной повозке»: «чуть не обнявшись» к

Вместо «Заплата приняла это известие так безучастно»: «Заплата отнеслась к этому известию совершенно равнодушно». к

После слов: «оставив в душе мучительную пустоту» — «Почтенная дама находилась в таком меланхолическом настроении, что даже Виктор Николаич выказал к ее горю самое трогательное участие: он за обедом наливал рюмку коньяку и подносил ее жене, которая выпила коньяк и... все-таки не утешилась». к

С. 195. Вместо «Хиония Алексевна готова была даже заплакать от волнения и благодарности» — «У Хионии Алексевны даже защипало в носу от этой неожиданности, и она с трудом сдержала слезы благодарности, готовые брызнуть из ее глаз». к

После слов: «унаследовала от своей тата» — «с ней влетела в гостиную Хионии Алексевны пахучая, ароматная струя настоящих духов, по десяти рублев флакон». к

Вместо «с той женщиной» — «с этой цветущей женщиной». к

После слов: «не все кончено»: «Голубь, принесший старому Ною в его ковчег масличную ветвь, вероятно не так обрадовал этого благочестивого старика, как обрадовал Хионию Алексевну визит Половодовой». р

После слов: «ничего не ответила» — «Дамы поболтали с полчаса о разных пустяках, и Антонина Ивановна снизошла до того, что даже посоветовалась с

Хионией Алексеевной, как лучше отделать ей платье к имеющему быть балу. Это говорила та Половодова, за которой бегают лучшие городские модистки, чтобы только сказать, что они работают на Антонину Ивановну. Хиония Алексеевна даже осовела при таком неожиданном обороте дел и про себя пожалела, что немножко резко отозвалась о Привалове. Если разобрать, так Антонина Ивановна неспроста приехала к ней...» **к**

С. 197. После слов: «когда-нибудь «взвеселить» опекунов»: «— Ну, будем их ждать.., — неохотно соглашался он, хлопая глазами. — Где наше не пропадало...

— Да уж лучше будет подождать.

— Много ждали, а немного подождать и Бог велел. Будем обтачивать терпение...» **к**

Вместо «печи выметавшие» — «печи выметывавшие». **к**

После слов: «дома заводских служащих и мастеровых» — «Шатровский завод Привалов помнил как сквозь сон. Собственно, в его памяти сохранился только деревянный дом дедушки, Павла Михайлыча, но он давно сгорел, и теперь его место было занято черными угольными валами. Привалов с любопытством рассматривал крытые тесом избы, когда его повозка бойко катилась по широкой заводской улице. Очевидно, рабочему люду жилось здесь недурно, сравнительно с другими заводами, какие Привалову случалось видеть раньше». **к**

С. 198. После слов: «и прищуренными глазами» — «Как всегда, любил Привалов это некрасивое, но характерное лицо, эти широкие, всегда плотно сжатые губы, этот выпуклый лоб с густыми, сросшимися бровями». **к**

После слов: «Константин Бахарев был именно таким человеком»: «хотя едва ли когда-нибудь задавал себе вопрос, что он за человек в самом-то деле и какое ему место принадлежит в живой человеческой лестнице...

— Так вот как, брат, приехал, — не торопясь проговорил Бахарев, в свою очередь разглядывая друга детства.

— Да, приехал, — с рассеянной улыбкой отвечал Привалов, чувствуя себя как-то глупо-хорошо.

— Из Узла?

— Да...

Бахарев потер в раздумье себе переносицу и проговорил:

— Что же мы стоим тут в передней, пойдем в столовую... Или, может быть, ты хочешь умыться с дороги? Ну, все равно, успеешь после... Так вот как, брат, приехал, а?».. **к**

С. 199. После слов: «окурки папирос» — «всевозможных формаций. Прислуга не смела прикасаться здесь ни к чему, и кабинет оставался неубранным от одного приезда Надежды Васильевны до другого.

«Славный этот Костя, — думал Привалов, припоминая крошечную комнату в глубине Васильевского острова, где было пережито столько хороших моментов счастьем годов». **к**

«После слов: «заметил Бахарев с неопределенной улыбкой»:

— А с тобой старик ничего не говорил?

— Нет... то есть... Я тебе сказал, что мы с ним немного разошлись, то есть, вернее сказать, он рассорился со мной...

— Гм... это другое дело». к

Вместо «а затем сказал, что строит мельницу» — «а затем неожиданно проговорил:

— А я мельницу строю...

— Слышал... Что это тебе вздумалось?

— Да так... каприз.

— Гм... Что же, в добрый час. Кажется, Надя что-то такое писала о какой-то мельнице, — старался припомнить Бахарев, наливая стаканы». к

После слов: «холодный тон, каким умел говорить Костя Бахарев» — «По первым словам разговора он почувствовал в Косте самого сильного противника». к

После слов: «Против планов Привалова» — «и теперь последнему оставалось выдержать медленную и мучительную пытку». к

После слов: «не могли понять друг друга» — «Как последнее ни странно, но чего не бывает на белом свете. Привалов мог только завидовать прямолинейному направлению всех мыслей своего друга детства». к

С. 201. После слов: «тысячи блестящих искр» — «Ну что тут интересного, — думал Привалов, наблюдая операцию». к

Вместо «в разных отрывочных разговорах» — «в разных бессистемных разговорах». к

После слов: «образовавшуюся за время их разлуки пустоту» — «Собственно, они плохо понимали друг друга, потому что каждый хотел смотреть на вещи только исключительно с своей точки зрения.

— Так ты серьезно похерил заводы? — спрашивал Бахарев за ужином.

— Нет, я этого не говорил и не думаю.

— А все-таки у тебя, брат, все еще фантазии в голове бродят... Ты не обижайся, если я не выдерживаю немного общепринятой вежливости. Да, я надеялся, что ты изменился... к лучшему.

— Мои фантазии касаются меня одного, это мое личное дело, а говорить о заводах пока можно только в проекте. Кто знает, чем кончится все это дело с нашей опекой. Может случиться и так, что опекуны сведут нас, наследников, на нет, как говорят портные, и делу конец.

Бахарев молчал; он пил стакан за стаканом английский портер, который всегда очень любил». к

С. 202. После слов: «глаза заметно суживались»:

«— Я забыл тебе сказать, — заговорил Привалов, когда они вышли из-за стола. — Ты помнишь Веревкина?

— Ну?

— Это еще который в университете шумел в аудиториях больше всех...

— Ну?

— Он приехал ко мне в Узле... и предложил мне быть поверенным по этому делу с опекунами.

— И ты его взял?

— Да.

— Опять не понимаю». к

С. 203. Вместо «здесь складывались золотые сны» — «здесь складывались слова любви и золотые сны». к

После слов: «и мириадами страданий...» — «И Привалов со страхом глядел куда-то внутрь себя, где в розовом гнездышке лежала сосавшая его сердце змея. Ему хотелось плакать, и вместе было стыдно за свое малодушие. Но что же было ему делать?» **к**

После слов: «любит с безумным отчаянием» — «А если разобрать, так я действительно порядочная дрянь, — думал Привалов, ворочаясь в своей постели. — И никогда ничего не сделаю порядочного... Костя прав... Ну, что я делал в течение этого лета в Узле? Решительно ничего... Просто тянул изо дня в день, пока... Э, да не все ли равно? Одним дураком больше, одним меньше...»

На Привалова накатило самоуничтожение, какое испытывают все нервные натуры после напряженной деятельности. Эти люди слишком нерасчетливо расходуют свои силы и потом выкупают их припадками слабости.

Перебирая свои отношения к Косте, Привалов и в них находил много обидного для себя, хотя всегда любил этого Костю, как брата. Теперь к этому чувству примешивалось неприятное сознание того, что этот друг детства относился всегда к нему, Привалову, в немного обидном, покровительственном тоне, даже свысока. Эта незаметная дружеская опека теперь лежала тяжестью на душе Привалова, как неопровержимое доказательство его собственной душевной слабости и неумения поставить себя даже с близким человеком. Ведь Привалов насквозь видел этого Костю, со всеми его недостатками: самонимение, слепое упрямство, вечная жажда поставить непременно на своем... Сам Привалов любил сознаться в сделанной ошибке и сейчас же старался исправить ее, а Бахарев с ног до головы был всегда безгрешным человеком и отстаивал иную (?) несправедливую идею, если раз делался ее сторонником. В душе Привалова до последнего момента жила какая-то детская уверенность, что именно Костя Бахарев поймет его планы, но сегодняшний день превратил эту надежду в кучку пепла, какая остается от сгоревшего бумажного домика.

«Один, один и один, — думал Привалов, перебирая воспоминания детства и юности. — Всегда один... Ни одной живой души около!»

Была одна душа, но и та принадлежала другому.

После слов: «и боялся их» — ««Да ведь ты наш, — слышались чьи-то хриплые голоса. — В тебе течет наша, приваловская кровь...» Точно из тумана выплывало скуластое знакомое лицо с грозными сросшимися бровями... «Это он, дедушка», — со страхом думал Привалов, вглядываясь в старика.

— Эх, Сергей, Сергей... — укоризненно качал головой дедушка. — Разве так люди живут? Ты делай так, как я с бабушкой... Понял? А то распустил юни по-бабьи». Грозное лицо улыбнулось, брови поднялись...» **к**

После слов: «меня давят ваши миллионы...» — Мы уже сказали, что приваловский дом и по внешнему виду и по плану построек походил на цитадель, — он и был крепостью. Чтобы понять последнее, мы должны вернуться назад, к половине восемнадцатого века. Петр Великий вполне понял настоящее значение Урала для всей России и по-своему распорядился его богатствами. Остатком его политики была покровительственная система горнозаводскому делу, во имя которой жертвовались целые области лучшей земли в свете в одни

руки, приписывались крестьяне к заводам и т. д. Но основой этой системы служила совершенно здравая мысль: государственная польза. Первые заводчики, за все милости и льготы царя, обязаны были доставлять казне по уменьшенным ценам железо, гаубицы, фузеи, алебарды и воинский снаряд. Покровительствуя развитию горнозаводского дела на Урале, Петр упорно преследовал одну цель — иметь свое дешевое железо и постепенно выступить конкурентом иноземных государств. При жизни Петра, действительно, было создано несколько горных округов, и Урал сослужил государству большую службу.

Преемники Петра совершенно исказили его идею: они оставили покровительственную систему, а государственная польза осталась только на словах. Урал является во времена владычества временщиков и фаворитов только лакомым куском, который рвали на части все, кому было только не лень протянуть руку: Бирон, граф П.А.Шувалов, граф Чернышев, графы Воронцовы — все забирали уральские земли миллионами десятин и присваивали себе целые горные округа. В сумятице и треволнениях придворной жизни, вместе с падением и возвышением «случайных людей», менялась и судьба захваченных земель — они переходили из рук в руки, оставались без хозяина, отбирались в казну и отчуждались по частям. Только некоторые из вельмож удержали за собой захваченные земли, а большинству было не до них; земли и заводы постепенно раздробились между наследниками и в этом виде дошли до частных предпринимателей, умевших воспользоваться удобным случаем.

Родоначальник фамилии Приваловых, знаменитый в летописях Урала горнозаводчик Тит Привалов родился и вырос именно в это мудреное время. Он был из приписных крестьян к заводам Севостьянова. Положение крепостных сравнительно с положением приписанных к заводам крестьян могло показаться просто раем. Нынешняя каторга только отчасти может показать тот гнет, какой вынесли на своих плечах эти приписные крестьяне. Рабство в худшем значении этого слова, с одной стороны, и ничем не сдерживаемый произвол — с другой, создали такие условия жизни, нравы и характеры, которые нам кажутся просто чудовищными. Если мы вспомним про те ужасы, которые творились в течение восемнадцатого века в столицах, то уж по этому одному можно судить о том, что делалось на далеком Урале, где неистовствовала всесильная кучка заводчиков. Воспоминанием об этом страшном времени осталось мнение, которое еще теперь живет на Урале, именно, что все горные заводы выстроены на костях человеческих, как село скудельниче, куплено ценой крови. Тит Привалов прошел эту тяжелую школу, из простого заводского рабочего возвысился до звания заводского управителя, оставаясь в то же время крепостным. Что были за люди, эти крепостные управители, и чему они были обязаны своим возвышением над остальной массой заводских рабочих — это понятно само собой: требовалось не столько звание заводского дела или исключительные способности, нет, требовались те железные характеры, которые могли гнуть в бараний рог тысячи людей.

Такие именно характеры были созданием своего века, самым ярким воплощением всех его недостатков, потому что вырабатывался под железным давлением дикого произвола и не сглаживался даже трудом, у которого, как у

всякого подневольного крепостного труда, было отнято всякое нравственное значение, всякий смысл. Самые достоинства в этой суровой школе превращались в вопиющее зло, а крепостные управители — квинтэссенцией этого зла, его последним словом. Собственно, в основу этого явления тогдашней жизни была заложена верная психологическая мысль, которую мы можем проследить в самые отдаленные эпохи, именно: только ренегат является безответным исполнителем воли господина и только ренегат в состоянии высосать последнюю каплю крови из своих недавних товарищей по рабству. Руководствуясь этой идеей, греки и римляне назначали управителями своих имений отпущенников; торговцы невольниками, плантаторы, тюремщики, наши помещики — все придерживались той же системы и назначали управителями не свободных людей, а своих рабов или крепостных. Из всех неволь и зол власть раба — самое ужаснейшее зло.

Тит Привалов, добившись звания заводского управителя, явился каким-то исчадием своего ужасного, века и с бессердечием дикого зверя играл жизнью своих жертв. В его могучей гениальной натуре совмещались вместе с пронизательным умом, русской сметкой и железной волей в грандиозных размерах самодурство, эгоизм, бессердечие, зверство — эти живые цветы крепостного права. По рассказам, он ходил по своему заводу не иначе, как с заряженным пистолетом в кармане и стрелял всякого, кто «учинился в услужении». Кнут, батоги и плети работали «нешадно», но и этого было мало — в случае бунтов, которые периодически вспыхивали среди приписного к заводам населения, рабочих поджаривали у раскаленных горнов и топили в прудах. Когда заводчики не могли справиться с бунтовщиками домашними средствами, на помощь являлись воинские команды.

До чего доходил произвол крепостных управителей. Можно судить по сохранившейся в народе легенде, что Тит Привалов изжарил в доменной печи одного исправника вместе с тройкой лошадей и кучером». — (к, кроме вставок, относящихся к тексту рукописи).

Савостьяновы почему-то захудали, и заводы пошли с молотка. Титу Привалову какими-то судьбами удалось укрепить за собой Шатровский завод, и здесь он показал себя с другой стороны, именно, как гениальный заводчик, не только поднявший свой завод на небывалую высоту, но главным образом как создавший почти из ничего целый горнозаводский округ. Это дело происходило у всех на глазах, и имя Тита Привалова загремело по всему Уралу. Самым слабым местом у этого заводчика было то, что под заводами было занято земли всего тысяч сто десятин; но и здесь он вывернулся. Именно к этому времени относится покупка Титом Приваловым трехсот тысяч богатейшей башкирской земли за пару сапог, два фунта кирпичного чая и несколько рублей ассигнациями. Такие покупки были заурядным явлением для того времени и никого не удивляли. Башкиры, конечно, опомнились в свое время и протестовали сначала по судам, а затем с оружием в руках. Эти башкирские бунты, вместе с волнениями приписных к заводам крестьян, составляют самую кровавую страницу в летописях Урала. Замирение башкир стоило целых рек башкирской крови, а число убиенных в открытом поле в смертном бою с воинскими командами достигает страшной даже для того времени цифры в

сто тысяч... А сколько погибло детей цветущей Башкирии на заводской работе, в глубоких шахтах и в застенках — этого, вероятно, не сосчитает никакая статистика, благо никто не составлял башкирских синодиков, и этот скорбный лист является несуществующим в русской истории. Вот против этих сынов степей и бунтовавших крестьян Тит Привалов и выстроил свой дом-крепость, в котором отсиживался самым спокойным образом, пока окрестные селения находились в огне и мятежники проникали в самый Шатровский завод. В это бурное время Шатровский завод выгорал и выстраивался сызнова несколько раз, и только один приваловский дом оставался неуязвимым. Башкирские стрелы не оставляли на нем даже царапин, а из окон-амбразур на номадов сыпался целый град картечи. Фузеи и гаубицы сослужили дорогую службу. Только один раз этот дом находился в такой опасности, что сам Тит Привалов считал все дело погибшим и готовился к смерти. Но и тогда он не оставил своего дома, предпочитая погибнуть вместе с ним. Это было в тот момент, когда белое знамя пугачевских эсаулов с красным раскольничьим крестом развевалось уже в двух шагах от Шатровского завода и башкирские наездники, как стаи волков, рыскали по окрестностям. Пугачев очень рассчитывал на приписных к заводам крестьян, которые глухо волновались по всему Уралу. Но план Пугачева воспользоваться этой силой был разрушен, и буря пронеслась мимо.

Таков был Тит Привалов, оставивший после себя широкий след в летописях Урала. Конечно, никакой писаной биографии после него не осталось, а рассказы и воспоминания переходили из одного поколения в другое устно. Сергей Привалов знал о прадеде из самых разнообразных источников, а главным образом от Марьи Степановны.

С. 203: «После слов: «с головною болью»:

«— Вероятно, опекунов видел во сне? — шутил Бахарев, когда они сидели за чаем.

— Нет, хуже... Дедушка все снился.

— Который?

— Тит...

— Ага... Кстати, не желаешь ли осмотреть парадную половину? Я вчера елел натопить ее на всякий случай.

— Пожалуй... Там, кажется, были портреты?

— Да, есть. Очень интересная коллекция. Я ничего не трогал и старался все сохранить в неприкосновенном виде.

Парадная половина занимала второй этаж, куда Бахарев повел Привалова после чая.

Первое, что поразило Привалова, когда они поднялись по лестнице, — это тяжелый, спертый воздух, каким отдает из старых, непрветриваемых шкафов. Первая комната, большая и светлая, очевидно, служила приемной, где происходили торжественные выходы и те веселые праздники, на какие так таровата была гулливая старина. С потолка спускалась бронзовая, почерневшая люстра — эта неизбежная принадлежность богатой старины; пол, покрытый желтой охрой, потемнел и растрескался, обозначив свои широчайшие половицы из настоящего кондового леса. Стены были выкрашены зеленой, выцветшей краской с голубыми и желтыми разводами. Меблировку составля-

ли ломберные покоробившиеся столы из карельской березы, такие же диваны и тяжелые кресла с сафьянной обивкой бурого цвета.

— Вот и Тит Привалов, — проговорил Бахарев, указывая на большой портрет, писанный масляными красками. — Типичное лицо...

Этот портрет занимал главное место, прямо над диваном. Из золоченой облупившейся рамы глядел седой старик с узкими прищуренными глазами и широким выпуклым лбом. Губы были сжаты плотно, длинная седая борода покрывала всю грудь; в одной руке старик держал толстую палку с массивным серебряным набалдашником. Длиннополый кафтан придавал всей фигуре строгое подвижническое выражение. Чем-то тяжелым, неприветливым веяло от этого старика, который и в своей усталой позе дышал нестарческой силой.

— Очень типичное лицо, — любовался Бахарев. — Заметь, какой твердый взгляд... Дедушка умел постоять за себя.

— Да.

— А вот и бабушка... Ведь красавица была старушка!

Рядом с портретом Тита Привалова висел такой же работы портрет его жены, Авдотьи Марковны, знаменитой красавицы в свое время, кончившей очень печально. На портрете ей было едва за тридцать лет. Богатый уродливый кокошник, сплошь униженный жемчугом и самоцветными камнями, придавал ей гордый вид. Эти светло-русые волосы, яркий румянец и прозрачные карие глаза делали Авдотью Марковну записной красавицей, только в углах рта притаилось что-то недосказанное и болезненное. Привалов от души пожалел бедную бабушку, которая так дорого заплатила за свое счастье носить фамилию Приваловых. Ее история очень несложна: Тит Привалов заподозрил жену в интимных отношениях с иноземным доктором и в наказание живьем похоронил на одном из зеленых островов, в глубине Шатровского пруда. Там были поставлены для бабушки деревянные хоромы, и Тит Привалов как феодал навещал ее раз или два в год. Другой вариант передает эту историю несколько иначе, именно, что Авдотья Марковна пала жертвой увлечения своего мужа какой-то другой женщиной. Во всяком случае, эта история оставалась неразъясненной за исключением того, что Авдотья Марковна высидела на своем острове лет двадцать и там же умерла.

На соседних стенах висел целый ряд других портретов, где с полотна глядели мужские и женские лица за целое столетие. Это были представители четырех поколений, и по ним можно было шаг за шагом проследить постепенное вырождение этой крепкой мужицкой семьи. Последним висел портрет Александра Привалова с усталыми полузакрытыми глазами, бледным лицом и наморщенным лбом; отдельно от других помещались портреты Павла Михайлыча Гуляева и матери Привалова. Отец и дочь являлись освежающим элементом среди изношенных фигур последних представителей приваловской семьи.

Что-то роковое лежало в судьбе этих женщин, которые соединяли свое имя с фамилией Приваловых, освежая ее своей кровью. Эти красивые женские лица казались такими печальными, точно поблекшие преждевременно цветы.

Узкая дверь вела из этой комнаты на железный заржавевший балкон, с которого открывался великолепный вид на весь Шатровский завод и далекую горную панораму.

— Вот с этого балкона твой прадедушка отстреливался во время пугачевщины от башкир, — заметил Бахарев. — Очень предусмотрительный был человек...

Остальные комнаты не представляли по своей обстановке ничего особенного, кроме парадной спальни Авдотьи Марковны с тяжелым штофным балдахинном над резной, из красного дерева, кроватью. Жилые помещения находились внизу, а верх служил только для парадных случаев. Привалов заглянул в одно окно, которое выходило на двор, и долго рассматривал низкое здание с толстыми кирпичными стенами и высокой железной крышей.

— Это, кажется, были конюшни? — спросил Привалов.

— Да...

Эти конюшни заменяли застенок, и Тит Привалов из окна спальни мог спокойно наблюдать, как наказывали в них провинившихся мастеровых.

— Теперь пойдем завтракать, — предлагал Бахарев, когда парадная половина была осмотрена. — А после завтрака можем и делом заняться...

— Каким?

— Вот это мило... Зачем же ты сюда-то ехал ?

— С тобой хотел повидаться...

— Нечего сказать, одолжил. Нашел невидаль... Нет, мы с тобой серьезно позаймемся денька два-три нашими заводскими делами.

— Ах, да... Ну, хорошо. Только ведь я вполне полагаюсь на тебя во всем и ничего тебе не могу сказать нового.

— Все-таки... Ум хорошо — два лучше того. А ты как-никак причитаешься заводовладельцем.

— Фиктивным...

— Это уж от тебя, душа моя, зависит...

Завтрак был подан в столовой.

к

с. 203. После слов: «и опять принялся читать» — «Это фамильярность покорибила Привалова. Очевидно, Лоскутов был здесь как у себя дома, и горничная не считала нужным докладывать о его появлении».

к

с. 203. Вместо «у Ляховских встречались» — «у Ляховских в Узле встретились». к

с. 203. После слов: «кажется, совсем не замечал Привалова» — «Всякое счастье эгоистично, чтобы замечать страдания других, и эта мысль больно кольнула Привалова в сердце.

— Выпьемте водки, — предлагал Бахарев. Лоскутов отказался, а Привалов выпил две рюмки.

— Что, хороша? — спрашивал Бахарев с улыбкой, прожевывая ломтик сыра.

— Ничего... А что?

— Это произведение почтеннейшего Игнатия Львовича... Всю губернию спаивает... И притом с замечательной последовательностью, как все, что он делает. Относительно этой водки Ляховский просто гениальнейший человек, некоторый кабацкий Ришелье.

Лоскутов улыбнулся и оставил книгу.

— Ты, кажется, увлекаешься Ляховским? — заметил Лоскутов.

— Конечно, увлекаюсь... Помилуйте! Да разве легко устроиться так, как он устроился? Он создал государство в государстве, на него вся наша губерния работает. Посмотрите, например, какую выработал он гениальнейшую систему оборонительных и наступательных средств. Это такой тактик, каких поискать. Ведь водка — лакомый кусок в наше пьяное время, самый легкий путь для наживы, и поэтому о торговле водкой мечтают тысячи очень умных и проницательных людей. Значит, является конкуренция, и Ляховский всегда выходит из нее победителем. Да ведь еще как: по миру пустит всякого, кто только протянет лапу к водке.

— Да ведь Ляховский не один в нашей губернии имеет винокуренные заводы, — заметил Привалов.

— В том-то и дело, что кажется, что он не один, а в действительности он один. Есть человек пять винокуренных заводчиков, но те так, по мелочам, и то только по неизреченной милости Игнатия Львовича существуют. Из-за его спины кое-как дышат. Это тоже маленькая военная хитрость со стороны Ляховского: он оставляет человек пять из мелких заводчиков, чтобы на него не тыкали пальцами, как на монополиста, — и только. А чуть кто покрупнее сует нос в водку — Ляховский утопит. Тут все у него пойдет в ход: и армия сидельцев, и приговоры общества, и акцизные, и адвокаты, и дешевка... Словом, зарежет человека без ножа...

— Да, но чего это ему стоит?

— Гораздо меньше того, что он проиграл бы при существовании сильного конкурента. Расчет, батенька, самый вернейший. Это в оборонительном отношении, а в наступательном — здесь опять у Ляховского целая система. Нужно посмотреть, какая тонкая работа в каждом штрихе... Он создает рынки и постоянно открывает Америку. Целые села спились с кругу под давлением этого режима. Про заводы и прииски, конечно, и говорить нечего. В последнее время некоторые сельские общества не хотели давать приговоров на открытие кабаков, и Ляховский все-таки победил. Даже устроил назло по два кабака, где был раньше один. Старшины, сельские писаря, старики и мужики — все было пущено в ход. Да, это гениальнейший человек в полном смысле этого слова.

— Чему же ты сочувствуешь в Ляховском? — удивился Привалов.

— Энергии, голубчик, энергии... Конечно, спаивать народ нехорошо, но поставь этого же Ляховского на другое место, где он мог бы развернуться пошире и с пользой для других, — получился бы совершенно другой результат. Вон он как запутал вашу опеку: ни начала, ни конца. Уж не чета таким проходимцам, как Половодов. Этот просто украдет при случае, и был таков.

— Ты ошибаешься в Половодове, — вступился Привалов. — Он совсем не так глуп, как может казаться с первого раза.

— Для тебя же хуже.

— К сожалению, да».

Р

Далее в рукописи: «Завтрак, против всякого ожидания, прошел очень оживленно, и Привалов заметно успокоился. Разговор вертелся на общих знакомых, университетских воспоминаниях и событиях последнего дня. Привалов заметил, что Бахарев, хоть и подшучивал над Лоскутовым, но относился к

нему с особенным уважением. Это был редкий пример, граничивший почти с самоуничтожением, потому что Бахарев, как и большинство других людей, принадлежал к завзятым и неисправимым скептикам. Привалову сделалось немного совестно за то невольное предубеждение, какое выросло в его душе относительно Лоскутова.

— А меня недавно насмешил один знакомый купец, — рассказывал Бахарев, потягивая свой портер. — Было, видите ли, у него какое-то дело в узловском суде, он и обратился к Николаю Веревкину. Хорошо... Тот, конечно, взялся за дело, выиграл его, получил следовавшие по гражданскому иску доверителя деньги и сейчас же спустил их. Бросился купец к нему: так и так, пожалуйста деньги. Веревкин водил-водил его за нос, а потом в одно прекрасное утро и говорит: «Вы напрасно только время теряете: я, как девушка, не могу вам дать больше того, что сам имею... Будут деньги — сам отдам!» Ведь хорошо сказано? Ха-ха!.. Это я, Сергей, не к тому говорю, чтобы опорочить твоего поверенного, а просто так, без всякой задней мысли. Как юрист Веревкин — золотая голова, а держать его в руках — твое дело.

— Да, это очень остроумный человек, — соглашался Лоскутов. к

С. 204. Вместо «и этот человек был его соперник» — «и этот человек был его враг». к

После слов: «возражал Привалов» — «Русский человек редко умеет говорить складно и хорошо. Привалов тоже был плохой оратор». к

Вместо «или в применении к западу» — «или в применении к загранице». к

С. 205. Вместо «вместо развития промышленности» — «вместо развития горной промышленности». к

С. 206. Вместо «все было предусмотрено и, где следует, выговорено и оговорено» — «все было предусмотрено, взвешено и, где следует, выговорено и оговорено». к

После слов: «был обработан с особенным мастерством» — «по закону горнозаводское население делится на мастеровых и сельских работников; в последний разряд входят все те рабочие, которые не работают собственно на фабриках, а занимаются вспомогательными заводскими работами: заготовкой угля и дров, перевозкой и т.д. Мастерские по закону получают даром свою усадьбу и одну десятину покосов (собственные росчисти* и покосы купленные сюда не входят); сельские работники, кроме усадьбы и покосов, получают еще земельный надел с платой заводладельцу оброка и с правом выкупа полученного ими надел земли. Кроме этого, и мастеровые, и сельские работники, получают известное количество леса и выгоны. Вот из этих данных Уставная грамота устроила то, что, во-первых, при заводах совсем не оказалось никаких вспомогательных работ, а следовательно, не оказалось и сельских работников, которым следовало отвести земельный надел; затем, вопрос о лесе и выгонах был оговорен тем, что заводладельцы позволяют пользоваться и им, и другим впредь до усмотрения, точно так же относительно покосов и т.д. Словом...» к

После слов: «от рокового «впредь до усмотрения»»:

---

* росчисти — места, расчищенные от лесов (*прим. ред.*).

«— По-моему, мастеровым и не нужна земля, — говорил Бахарев.— Для них совершенно достаточно будет одной заводской работы, тем более, что эти работы неизбежно должны расширяться с каждым годом, а вместе с тем должен увеличиваться и спрос на рабочие руки.

— Нет, это неверно, — спорил Привалов. — Представим себе только такой случай, что заводы, увеличивая производство, постепенно заменяют ручной труд машинным. Ведь это неизбежный исход дела, днем раньше или днем позже. Куда же денутся все эти лишние руки, которым не будет работы на заводах? Это раз, а второе, и самое главное заключается в том, что обезземеленные крестьяне теперь в совершенной кабале у заводов: не имея земли, они должны идти на заводскую работу и брать ту плату, какую им дают. Именно в последних видах и устроено такое обезземеливание сельских работников, а не для чего-нибудь другого. Расчет действительно самый верный...» к

После слов: «подписано какими-то «старичками»» — Очевидно, здесь был устроен тот же самый маневр, какой теперь практикуется всеми кабатчиками, когда им необходимо добыть приговор сельского общества». к

С. 207. После слов: «как именно теперь» — «— Да это, наконец, в интересах заводов наделить сельских работников землей, — говорил он, — потому что к ним отойдет земля, которая совсем не нужна для заводских целей, а между тем имея эту землю, рабочие будут иметь свой хлеб, который всегда будет дешевле покупного, а вследствие этого понизится и плата за труд.

— Опять утопия... Известно, что когда хлеб дешев, мужик дорог, и наоборот.

— Это один из экономических софизмов. Действительно, при дороговизне хлеба из страха голодовки рабочий берет всякую цену, а когда хлеб дешев, он будет работать только за плату, которая для него выгодна. Но существует предел повышения цены на труд, и в высшей степени важно определить ту норму. Когда взаимная выгода уравнивается.

— Такой нормы не может существовать, потому что в интересах заводов только одно правило: получить за минимум платы максимум работы.

— Опять та же ошибка, о которой говорили и раньше, именно, что заводчики не могут убедиться в солидарности своих интересов с интересами рабочих. Ведь хорошему хозяину выгодно же хорошо держать и кормить рабочую скотину, чтобы получить максимум дешевого труда, — неужели мастеравые хуже такой скотины? Я уже не говорю о том, что обязаны сделать заводчики, если будут руководиться гуманными взглядами на свое дело.

Кроме дела об уставной грамоте, которая представляла чертову городьбу...» к

Вместо «услужливый человек, посредник» — «услужливый человек, посредственник». к

С. 209. Вместо «Привалов и Бахарев надрывались над работой» — «Привалов вместе с Бахаревым надрывались над работой». к

С. 209. После слов: «Но что он мог в его дурацком положении сделать для этих людей?» — «Ничего, кроме бесплодных и никому не нужных сожалений». к

После слов: «когда шли бесконечные споры обо всем» — «Появление Лоскутова как-то сразу сгладило все неровности в обращении друзей детства, хотя они каждый раз спорили напропалую на бесконечную тему о заводах».

к

С. 210. После слов: «за такими людьми идут в огонь и в воду»: «— Мне странным кажется только одно, — в раздумье проговорил Привалов, — что держит Лоскутова именно на Урале и отчего он не едет за границу, если здесь ему негде развернуться, как говоришь ты...

— Да, да... Я несколько раз спрашивал его, но он отмалчивается. Одним словом, в конце концов, я опять повторяю, что решительно не понимаю многого в Лоскутове... Например, хотя этот его мистицизм? С его эрудицией, с его светлой головой — и вдруг все эти бредни о правде, о душе... Черт знает, что такое получается!..

— Это можно объяснить тем, что, за исключением практического приложения, деятельность мысли и чувства уходит в область фантазии.

— Пожалуй... Если смотреть с этой точки зрения, то Лоскутов действительно является поврежденным. Или, вернее сказать, мы все поврежденные рядом с ним».

С. 210. После слов: «щемящее, неприятное чувство» — «Это было смутной борьбой чувства зависти к счастливому сопернику и желание быть справедливым к нему».

к

С. 210. После слов: «потому что она любит его» — «Привалов напрасно старался не думать о ней, о своей любви, о страшном открытии, какое он сделал в саду».

к

С. 212. После слов: «на продолжающее существовать зло...» — «Так? — Да».

к

Вместо «Лоскутов заговорил о систематической подготовке» — «Лоскутов заговорил об органической подготовке».

к

С. 213. После слов: «точно свалил гору с плеч» — «Привалов с смешанным чувством страха и удивления слушал одушевленную речь своего собеседника, который с особенным увлечением принял развивать теорию необходимости страданий для органической подготовки.

— Нет такого дела, которое пробило бы себе дорогу без страданий, — ораторствовал Лоскутов. — Страдания — это неизбежные родильные муки всякого живого начала.

«Это сектант», — с ужасом подумал Привалов, когда Лоскутов ушел от него.

«Неужели..» — Привалов боялся продолжать свою мысль до конца. Его доброе простое сердце сжалось теперь не за себя, а за судьбу другого человека, который шел за Лоскутовым с завязанными глазами. Но как спасти ее, эту девушку, которая с радостью шла на страдания?»

к

Вместо «в доме Ляховского шли деятельные приготовления к балу» — «в доме Ляховского действительно шли деятельные приготовления к балу».

к

Вместо «Предстоящая «забавка» была для Альфонса Богданыча самым серьезным делом» — «польская кровь сказала, потому что предстоявшие «забавки» для Альфонса Богданыча были самым серьезным делом».

к

С. 214. После слов: «стоит только открыть ротик» — «За этим уже следовало изложение дела, то есть ряд глубокомысленных соображений относительно выбора и расположения цветов и зелени или расстановки мебели. Выслушав мнение Зоси с почтительно склоненной головой, в позе купальщика, готового броситься в воду, Альфонс Богданович на лету успевал поцеловать беленькую ручку паненки и с быстротой пушечного ядра устремлялся по всему дому, насвистывая на ходу:

Chalupeczka niska,
Ojciec matke sacka.

— От-то-крев!.. — с восторгом прибавлял Альфонс Богданович уже вслух, припоминая советы Зоси. — От-то есть идея... Дали буг, пенькна штука!.. Отлично...

Альфонс Богданович даже подпрыгивал от удовольствия и, хлопая себя рукой по жирной ляшке, вскрикивал: «Голе-ля!».

С. 214. После слов: «создавать из ничего» — «Нужно сказать, что пани Марина от всей души ненавидела Альфонса Богдановича и иначе не называла его, как «индык».

— А, индык... — встречала она его каждый раз, принимая величественную позу театральной королевы.

— Муя дрога пани, муя кохана... — лебезил Альфонс Богданович, шаркая ножкой и целуя руку. — До вас, муя пенькна...

— Вон! — отвечала пани Марина, величественно указывая рукой на дверь.

— Уйду, сейчас уйду, только вот пришел... Извините, пани Марина, если я беспокою вас. — Вон...»

После слов: «чего хотел пан Игнатий» — «венцей ниц»*.

С. 215. После слов: «Паненка Зося не знает про кавалера»: «пенькна штука».

С. 216. Вместо «стараясь придумать какое-нибудь средство» — «стараясь придумать такое средство».

С. 217. Вместо «Ему было не до того» — «Магнату было не до того»

С. 219. Вместо «дела у Василя Назарыча швах!» — «дела у Василя Назарыча совсем швах!».

С. 220. Вместо «Это плохое доказательство» — «Это еще плохое доказательство».

Вместо «т.е. узловский beau monde» — «т.е. beau monde».

После слов: «тонкой сообразительности и находчивости»: «и вообще того, что называется в совершенстве владение предметом».

После слов: «только и видел»: «— Да-с».

Вместо «и теперь, кажется, одумался» — «и теперь одумался. Нашел соковище, нечего сказать!».

С. 221. Вместо «что увидит сегодня Надежду Васильевну» — «что опять увидит Нолли, будет с ней говорить, чувствовать ее присутствие».

Вместо «не показалась из своей комнаты» — «сама не показалась...».

* «больше ничего» (прим. ред.)

После слов: «задевал ногами за мебель»:

— Ты что так вздыхаешь? — спрашивал Привалов, поправляя пред зеркалом белый галстук. — Не здоров?

— Да уж что говорить, — глухо отозвался Ипат, отмахиваясь рукой с таким видом, точно он что-нибудь потерял. — Хотя сейчас ложись и умирай.

— Что так рано собрался? Поживи еще, — шутил Привалов.

— Да вон все та... Ржавчина-то! — выговорил наконец Ипат, мотнув головой в сторону покоев Хины. — Житья нет, когда вы уедете...

— Ржавчина? — смеялся Привалов.

— Чистая ржавчина...

Последнее слово как-то так понравилось Привалову, что он повторял его всю дорогу, пока ехал до Ляховского, и каждый раз улыбался. к

После слов: «вдыхал полную грудь морозный воздух» — «перспектива увидеть сейчас Нолли приятно возбуждала, и он опять смеялся над остроумным словом, которое придумал Ипат. «Нужно сказать его Веревкину...» — думал Привалов, выскакивая из саней у подъезда. к

Вместо «по нервным движениям» — «по нервным движениям рук». к

Вместо «и точно мешали, когда хотелось вспорхнуть» — «и даже, кажется, мешали, тогда как хотелось вспорхнуть». к

С. 222. Вместо «Это она идет с ним под руку...» — «Это Нолли идет с ним». к

После слов: «Шестие замыкали Хиония Алексевна и Виктор Николаич»: «Платье Хионии Алексевны цвета «свежепросоленного орудца», как определил Моисей, было шито с претензией на некоторое кокетство, хотя ни шея, ни рук Хиония Алексевна открыть не могла по некоторым, не зависящим, но тем не менее очень уважительным причинам. Другое дело Агриппина Филиппевна, конечно, у ней передние зубы были вставные, чем особенно утешала себя Хиония Алексевна, но зато полные белые плечи Агриппины Филиппевны могли еще постоять за себя. Даже Nicolas, когда увидел свою маман в бальном платье, заметил: «Черт возьми, мутерхен, я и не подозревал, что у тебя такие аппетитные плечи!.. Ведь ты еще, мутерхен, хоть куда». Иван Яковлич был несколько иного мнения, потому что все-таки, как вы хотите, а у Агриппины Филиппевны спина была круглая, талия потеряла свою гибкость и грудь совсем расплылась. Конечно, Иван Яковлич уважал свою жену, но это не мешало ему знать толк в других женщинах». к

С. 224. После слов: «замечания, какие делаются в таких случаях» — «Грудь... а? Видели, какая у ней грудь? А шея, плечи, руки...», — тянулся хвостом восторженный шепот вслед за Антониной Ивановной. В это время на хорах музыка заиграла вальс». р

С. 225. После слов: «унесла и эту пару» — «после Моисея Половодова начала переходить из рук на руки, от одного кавалера к другому, спокойная, как всегда, немного ленивая». к

Вместо «сменилось неопределенным, тяжелым чувством» — «сменилось чувством тяжелой скуки». к

С. 226. Вместо «посмотреть на него» — «посмотреть на наследничка». к

После слов: «что-то тихо рассказывала ему» — «Она была в бархатном платье цвета медвежьего уха». к

После слов: «как будто он неожиданно наступил на змею» — «Ржавчина», — подумал Привалов и глупо повернул назад». к

Вместо «пьяненький горный инженер» — «пьяненький горный ревизор». к

После слов: «одначе здорово народу-то понаперло», — проговорил Веревкин» вместо канонического текста на стр. 227—228 от слов: «Привалов здоровался со знакомыми» до слов: «кое-как выбрался из буфета» в рукописи был следующий текст: «... проталкиваясь к незанятому столику.

— Сергей Александрыч, садитесь...

В течение какой-нибудь минуты Веревкин познакомил Привалова почти со всей этой публикой, которая как-то вдруг приумолкла и немного искоса смотрела на Привалова как на какого-то заморского зверя. Скоро появился Половодов и притащил с собой председателя суда. Горный инженер подсел тут же и нес какую-то ужасную пьяную чепуху, над которой и смеялся первый же сам дряблым пьяненьким смехом. Nicolas добыл-таки монашеский ликер и с наслаждением потягивал его из маленькой граненой рюмки на тонкой высокой ножке.

— И зачем это вы законопатились в деревне, Сергей Александрыч? — говорил полицмейстер тоном давно знакомого человека. — Охота вам...

— А вот погодите, Аркадий Аркадьич, — отвечал Половодов. — Мы женим Сергея Александровича, тогда другая песня начнется...

— Женим! — подхватил ревизор, болтая ногами на своем стуле.

— Нужно осмотреться, господа, — возражал Привалов, немного смущенный общим вниманием.— Это дело слишком серьезное... Я — новый человек между вами и могу легко ошибиться.

— Ното povus!.. В-е-е-pp-но, — крикнул ревизор. — Клюква... женился медведь на корове... К черту!.. Сергей Александрыч, вы не слушайте их, потому что все они дураки... Ах, виноват: Аркадий Аркадьич не дурак, мамочка, бутончик! Аркадий Аркадьич такого казачка хватит... Вот те и клюква! А председатель — ну, если у него хоть признаки ума, если он кроме сельтерской воды ничего не пьет. *In vino veritas**, председатель.

На пьяного ревизора, конечно, никто не обращал внимания, потому что все были слишком заняты Приваловым. Он едва успевал отвечать на сыпавшиеся на него со всех сторон вопросы. Откуда-то появилась бутылка шампанского, и Привалова заставили выпить несколько бокалов.

— Мы ведь тут живем одной семьей, — докладывал какой-то неизвестный господин, стараясь схватить Привалова за пуговицу фрака. — Се что добро и что красно, но еже жити братии вкупе...

Оказалось, что неизвестный господин был редактором «Узловской мухи».

— Э, да что тут толковать! — решил Половодов. — Мы сегодня же закатимся в «Магнит»... Сейчас, после бала. Не правда ли, Сергей Александрович? Нужно же вспрыснуть новичка... А Иван Яковлич там припас одну пикантную штучку, черт возьми. Цыганские песни как поет...

Чтобы как-нибудь избавиться от овладевшей им компанией, Привалов дал обещание ехать после бала в «Магнит». Старика председателя давно уже не было в буфете; он ушел сейчас же, как появилось на столе шампанское. Nicolas

---

* Истина в вине (*лат.*)

глупо хлопал глазами. Один Половодов оставался самим собой и успевал говорить за десятерых и даже взял на себя труд на многие вопросы отвечать за Привалова». к

С. 229. Вместо «который сдавал карты» — «который со спокойствием истинного философа сдавал карты». к

После слов: «шла очень серьезная игра» — «Бал шел в середине, значит, самый разгар». к

После слов: «Зачем сейчас знакомился с этими людьми и пил шампанское?» — «и вдобавок пообещал поехать в «Магнит». к

С. 230. Вместо «какой-то седой старик отбивал такт ногой, пьяный инженер, прищелкивая пальцами и языком, вскрикивал каким-то бабым голосом» — «Старик, председатель окружного суда отбивал такт ногой, ревизор прищелкивал пальцами и языком, вскрикивая каким-то бабым голосом». к

После слов: «Лихо, Кухцинский!» — «Ревизор даже принялся забавно топтаться на своем месте, выкидывая плохо слушавшими ногами антраша». к

С. 231. После слов: «наш председатель. Да!» — «О чем, бишь, я хотел говорить? Ах, да... Остальная братия, которую вы имеете удовольствие созерцать — подлец на подлеце. Ей-богу! Вон видите горного инженера с лысиной, постоянно улыбается... Это, брат, хищник чистойшей воды: десять лет грабил народ. Да тут их целое гнездо инженеров — горное гнездо... Понимаете: иудейская закуска. Ежели бы раскрыть их подвиги, так волосы дыбом встанут. Живым мясом рвут!.. Э, ну их, к нелегкому!.. А вон видите, молодой человек приличной наружности... это наш homo novus. Из ничего выбился в помощники директора Узловского банка, правая рука Половодова... Тоже, батенька, вор, только еще не оперившийся. Недели три тому назад в один вечер просадил Ломтеву и папахену двенадцать тысяч... Подведет ужо банку животы, и еще придется защищать его!.. А вон золотопромышленники... Это опять воры, только по-своему. Возьмет прииск и отдает старателям: старателю заплатит два рубля за золотник, а сам этот же золотник сдаст в казну за пять рублей. Ну, теперь считайте, сколько он получит за здорово живешь с прииска, если намоет только три пуда... А пуд — около четырех тысяч золотников, значит, с каждого пуда он и положит в карман. А всем рискует мужик-старатель: он и золото отыщет, и промоет, и голодом и холодом насидится... Подлецы! А вон наша братия адвокаты... Один другого лучше, так и видно по глазам, что всем им одна дорога — в Сибирь! Да, ежели разобрать, так все мы порядочные подлецы и свиньи... Вон Игнатий Львович, Половодов... Бери краски и рисуй места не столь отдаленные... Ха! А у меня в голове, брат, подтаяло здорово». к

С. 233. Вместо «по обнаженным плечам» — «по голым плечам». р

С. 234. После слов: «И вот единственный человек, которого я уважала..» — до последней степени». к

Вместо «шею Лоскутова» — «шею философа». к

После слов: «покрыла безумными поцелуями его лицо» — «так в тропическом девственном лесу ползучие лианы обвиваются вокруг деревьев и с безумной щедростью покрывают их своими огненными цветами». к

С. 235. Вместо «Что случилось?» — «Что сделалось?». р

После слов: «пробежал побледневший доктор куда-то во внутренние комнаты» — «с чем-то белым в руках». **р**

Вместо «публика... поплыла к выходу» — «публика... поплыла из всех зал к выходу». **к**

Вместо «да, кстати, наденьте шубу» — «Да, пожалуйста, наденьте шубу». **к**

Вместо «когда мы подъедем, ты выйди» — «когда карета подъедет к дому, ты выйди». **к**

С. 236. После слов: «только утром» — «Да, я знаю». **к**

С. 237. В рукописи начало первой главы части четвертой иное. Вместо фрагмента от слов: «Тяжелые дни переживались в старом бахаревском доме» до слов «Курсы Василия Назарыча в среде узловской денежной братии...» в рукописи читаем: «В старом бахаревском доме переживалась одна их тех житейских драм, без которых жизнь была бы не полна. Роковое кольцо нужды суживалось все более и более и затягивало старый дом мертвой петлей. Страшная незваная гостья заглянула уже во двор и тихо постучалась во все двери. Старик Бахарев не раз просыпался по ночам под вой злившейся бури и чутко прислушивался к доносившимся разрозненным звукам; его расстроенному воображению казалось, что даже в щели его дома, как вода, врывается эта страшная сила, имя которой — нужда!

Детские деньги ушли в тот же провал, в котором были похоронены раньше сотни тысяч: прииски требовали денег, а денег не было. Шелехов слал письмо за письмом и с каждым разом требовал денег все настойчивее, угрожая в противном случае ликвидировать дела». **к**

Вместо «отказался учить» — «отказался дисконтировать». **р**

Вместо «Петля затягивалась» — «Узел затягивался». **к**

Вместо «чтобы по самому последнему зимнему пути уехать на прииски» — «Чтобы самому по последнему зимнему пути уехать на прииски». **к**

После слов: «на прииски» — «Нужда в деньгах проникла уже в мелкие домашние расчеты, о которых раньше никто не думал и которых никто не замечал. Жалованье прислуге, содержание лошадей, расходы по кухне, в булочную, мяснику — везде требовались деньги и деньги; задерживать платежи по этим маленьким счетам было немыслимо, потому что десятки маленьких людей, которые перебивались около бахаревского дома, в одну минуту разнесли бы по всему городу о его разорении. Пока ходили только слухи, которым верили вполнину, а тогда всем было бы ясно, что пробил последний час бахаревскому богатству. Как Василий Назарыч всеми силами хлопотал о том, чтобы поддержать свое реноме в коммерческом мире, так Марья Степановна блюла домашний распорядок и зорко следила, чтобы ни в чем не было каких-нибудь подозрительных упущений. Лошади ели прежнюю порцию овса, расходы по кухне не сокращались, по-прежнему в бахаревском доме обедала толпа раскольничьих старцев и стариц, по-прежнему рассылались явная и потайная милостыня по больницам и местам заключения. Это была последняя ложь, которой старики обманывали только самих себя, как это делали все эти Размахнины, Колпаковы, Полуяновы. Марья Степановна никогда не была так требовательна и так неприступна, как теперь; она нарочно ездила на своем сером рысаке по лавкам и магазинам, чтобы показать себя в прежнем положении.

На основании этих же соображений она потребовала, чтобы обе дочери непременно были на святочном бале Ляховского.

Однажды, когда Василий Назарыч сидел в своем кабинете, зарывшись в бумаги и счеты, дверь в кабинет неслышно растворилась, старик поднял голову и обомлел от ужаса: на пороге в коротеньком ваточном пальто, перевязанном старым платком, стоял старик Полуянов. На одной ноге у него была наде- та старая резиновая калоша, а на другом — валенка с проношенным носком, из которого вылезала солома; голова была подвязана маленьким платочком. Усы и борода были занесены инеем и покрылись ледяными сосульками. Видно было, что старик ужасно продрог и теперь с детской улыбкой согревал собственным дыханием покрасневшие на морозе руки.

— Вот я и пришел, Василий Назарыч, — торопливо зашептал старик, делая шаг к Бахареву. — Как же... Слышал, что ты меня с осени ждешь. Ну, ничего, теперь, слава Богу, и у тебя дела не хуже моих... Вот ужо заживем с тобой!

Сумасшедший тихо засмеялся своим детским смехом, вытащил из-за пазухи заветный сверток разноцветных бумажек и торопливо начал их развертывать, приговаривая:

— Я тебе сейчас покажу, как идет мое дело... все отлично. С часу на час жду решения. Как же!.. А теперь с тобой вдвоем веселее будет.

Старик весело подмигнул и пошел к столу. Бахарев так был поражен этим неожиданным визитом, что сначала совсем растерялся, а потом хотел позвать кого-нибудь, но голос порвался, и он только застонал. Лука услышал этот стон и опрометью кинулся в кабинет, куда вместе с ним вбежала Надежда Васильевна. Картина, которую они увидели, заставила их вздрогнуть: Василий Назарыч лежал в своем кресле бледный как полотно и страшными глазами смотрел то на Полуянова, то на его бумажки.

Сумасшедшего старика увели кое-как из кабинета, а с Василием Назарычем сделалось дурно. Надежде Васильевне пришлось долго отваживаться с ним, пока сознание не вернулось в полной силе. Старик со слезами на глазах жаловался дочери на Луку, который будто бы нарочно пропустил к нему Полуянова.

— Вот сейчас провалиться, Василий Назарыч, — клялся и божился старый слуга, обиженный таким подозрением до глубины души. — Да я... ах, пресвятая Богородица! Да неужто уж я...

— Нет, это ты пропустил, ты! — горячился Василий Назарыч. — Я знаю, что тебе все равно...

— Служил я вам верой и правдой, а теперь вы меня вот какой напраслиной обнесли, — жаловался Лука со слезами на глазах. — Видно, уж больше я не слуга вам, Василий Назарыч...

— Да будет вам, — успокаивала расхोдившихся стариков Надежда Васильевна; ей было и тяжело, и вместе смешно смотреть на это старческое ребячество.

Только когда оказалось, что Полуянов пробрался в кабинет Василия Назарыча не через переднюю Луки, а прошел незаметно через моленную и половину Марьи Степановны, старикам ничего не оставалось, как только помириться.

— Ну, выжили, видно, мы с тобой из ума, Лука, — с печальной улыбкой проговорил Василий Назарыч.

Бахареву было совестно перед дочерью за свое ребячество, и он несколько времени молчал, опустив голову.

— Меня так перепугал этот Полуянов, — заговорил он наконец. — Хочу крикнуть — голосу нет; а он все ближе, все ближе ко мне... Смерти, кажется, так не испугался бы!..

— Я не понимаю, папа, чего страшного в таких пустяках: пришел случайно жалкий сумасшедший старик, наговорил какого-то вздору — и только.

— Нет, он не вздор говорил... Мы, говорит, теперь с тобой вместе... Да! Нет, он недаром...

— Да перестань, папа... Право, это одно ребячество. Да и чего нам бояться?

— Как чего? А бедность, нищета...

— Ты хочешь сказать о том, что мы не будем жить так, как жили раньше — это, право, еще невелика беда. Ведь проживем помаленьку, стоит только отказаться от ненужной роскоши — не держать дорогих лошадей, убавить число прислуги, сократить расходы по дому. Ну, отказаться от разных тряпок, глупых выездов, приемов...

— Да, тебе хорошо так говорить, а спроси-ка мать или Веру Васильевну... Я ее третьего дня с заплаканными глазами видел, а про мать и говорить нечего.

— И мама, и Верочка сначала поплачут, поскучают, а потом и помирятся с новой обстановкой. Ведь живут же миллионы людей в тысячу раз хуже нашего, отчего же мы не можем жить тихо и скромно... Лично мне, папа, всегда было тяжело пользоваться удобствами нашей роскоши, потому что в это же время тысячи людей должны были отказывать себе в самом необходимом, может быть, в куске хлеба. Мысль об этих бедняках отравляла всегда мне все удовольствия, и я даже рада, что наконец мы будем жить скромнее... Будем учиться работать, трудиться.

— Все это, Нолли, так, все это верно... в теории! Если мы будем беднее, от этого еще никто не разбогатеет, и беднякам от нашей нищеты легче не будет... Так я говорю? Богатый человек всегда может помочь бедному...

— И никогда не помогает... Разве это помощь, если мама кормит своих старух и стариков. Ведь это все равно, что выбросить за окно остатки от своего обеда, но самое нехорошее здесь заключается в том, что эта ложная благотворительность делается с корыстными целями. Да. Раз, этими крохами успокаивается собственная совесть, а затем имеется в виду за эти же жалкие крохи получить возмездие в будущем...

Старик молчал, опустив голову.

— Нет, я серьезно буду рада более скромной трудовой обстановке, которая поневоле избавит нас от ненужной суеты и чванства. А главное, папа, не нужно будет на каждом шагу проделывать ложь...

— Какую ложь? — вспыхнул старик.

— Да ту ложь, на которой выстроена жизнь всех богатых домов.

— Где же нашла правду-то? В бедности?..

— Да, трудовая бедность всегда честнее сытого богатства. Конечно, бывают исключения, но они не могут идти в счет. И в Евангелии сказано, помнишь,

о верблюде и игольных ушках. Богатство незаметно засасывает человека и делает его бессердечным.

— Ну, все это хорошо, все это так, — соглашался старик с улыбкой, — пусть будет по-твоему... А ты-то откуда узнала все это?

— Слышала от людей, читала...

— И ты уверена, что эти люди, которые говорят все это и пишут, и живут так же, по-писаному?

— Д-да... Есть и такие люди, папа.

— Ты их своими глазами видела?

— Да.

Старик пылливо посмотрел на дочь и задумался.

— Это уж не Сергей ли Александрыч в герои попал, — с улыбкой презрения заметил Василий Назарыч, заглядывая в глаза дочери.

— А хоть бы и он? — с веселой улыбкой ответила девушка. — Ну, подумай, чем этот человек провинился пред тобой? Решительно ничем... А я, с своей стороны, всей душой сочувствую его планам, — горячо закончила девушка, блестя глазами и вызывающе посмотрела на отца.

— Видишь, Нолли, мудреное это дело, — тихо заговорил старик, беспокойно перебирая пальцами. — Все эти молодцы высоко летают, да только садиться не умеют.

— Пусть так, но они для себя садиться не умеют, папа; а ты-то на что сядишься?

— Я-то? — переспросил старик. — А вот за что: сделай это не Привалов — мне-то какое горе? А ведь это, понимаешь, Привалов... Ты думаешь, и легко мне было разойтись с ним?.. Нет, голубчик, вот он где у меня сидит, твой Привалов, — при последних словах Василий Назарыч указал на свой затылок. — Я тогда действительно погорячился... не стерпел. А какую муку я принимаю из-за него каждый день, ты это знаешь? Вот то-то и есть... О ком у меня болит сердце день и ночь? О ком я по ночам думаю?.. Ты думаешь, так это и легко, обругал человека, и кончено. Нет, голубчик, мне самому легче разориться, чем дожить, как Сергей Александрыч с Константином Василичем спустят Шатровские заводы с молотка... Ты думаешь, я ничего не вижу и не знаю? Теперь завели это дело о наделе землей мастеровых, размежевании башкир... Так ведь?.. Ну, рассуди, разве это не глупость: нужно опеку сломить, а потом уж и устраивайся на заводах, как знаешь, а они... Опекунам это и на руку: время идет да идет, авось Ляховский подстроит такую каверзу, что Сергей Александрыч и совсем не увидит заводов как своих ушей.

— И ты, папа, рассорился с Приваловым в такую критическую минуту из-за таких пустяков?

— И я был не прав, Нолли... Сначала-то не прав... Ну, а теперь мне до себя: стар стал, дай Бог со своими делами управиться. У самого веревка на шее». к

С. 238. После слов: «чтобы дух захватывало» — «Для коренных сибиряков зима — истинный праздник, и Василий Назарыч переживал счастливую здоровой бодростью минуту...» к

С. 241. После слов: «когда вы поправитесь»: «А теперь всякое волнение отравляет вас». к

Вместо «кожа потемнела» — «кожа пожелтела».

к

После слов: «не спал и трех ночей» — Нервная горячка усложнялась психическим состоянием больной, которая по десяти раз на день переходила от надежды к отчаянию, от полного равнодушия ко всему к страстной жажде сохранить колебавшуюся жизнь.

р

С. 242. После слов: «оставалось только ждать..» — Какое страшное слово «ждать»! Все равно, что смотреть с берега на утопающего и не иметь возможности подать ему помощи; но здесь утопающий бьется у вас на глазах, вы слышите его дыхание, чувствуете жар, которым пышет точно раскаленная кожа. Все достоинства и недостатки человека точно исчезают, а пред вами остается только сам человек, которого спасти подвигает вас лучший инстинкт, присущий человеческой природе, — сострадание. Все равно, хороший человек или дурной умирает на ваших глазах, для вас важен сам человек, без всякого отношения к его достоинствам и недостаткам. Болезнь безжалостно уравнивает всех — героев и мерзавцев, красивых и безобразных, старых и молодых, мужчин и женщин, людей гениальных и дураков, злых и добрых, честных и подлецов — в этом философия всех болезней.

Однажды глубокой ночью Зося успокоилась и долго лежала с закрытыми глазами; доктор подумал, что она спит, и незаметно задремал в своем кресле. Прикосновение чьей-то руки к его волосам заставило его вскочить.

— Это я вас разбудила, милый доктор, — с улыбкой проговорила больная. — Мне очень тяжело... тяжело на душе. Мне хотелось бы с кем-нибудь поделиться своим горем... Оно давит меня ...

Доктор ждал такого признания и терпеливо выслушал бессвязный рассказ пациентки о ее любви к Лоскутову, о ее муках и одиночестве...

— Я догадывался об этом, — сдержанно проговорил доктор, стараясь успокоить больную. — Но ведь вы еще так молоды, и ваше счастье впереди. Ошибки и увлечения — наш общий удел.

— И даже ваш, доктор? — проговорила Зося, задумчиво глядя прямо в глаза доктору.

— И даже мой...

— Странно... я даже как-то ни разу не подумала о такой возможности. Конечно, это эгоизм с моей стороны... я видела в вас только доктора и не хотела замечать человека. Да, непростительный эгоизм... Скажите, вы любили кого-нибудь, доктор?.. Опять глупо... Ну, конечно, любили, там, в прошлом... девушку в том семействе, где студентом давали уроки, свою кузину, какого-нибудь друга детства... интересную пациентку... Любили, да?

— Д-да...

— Но кого? По глазам вижу, что питали страстишку к какой-нибудь пациентке... Ради бога, доктор, расскажите, как вы любили, чтобы мне проверить и сравнить собственное чувство. Ведь вы расскажете? Конечно, я не требую собственных имен...

— Хорошо, я вам расскажу, — тихо заговорил доктор, опуская голову, — только с условием: вы будете лежать тихо...

— О, непременно, доктор!

— Это было очень давно, — начал свой рассказ доктор, немного изменив-

шимся голосом. — Я действительно любил свою ученицу, когда был еще студентом...

— Доктор, я вас перебыю: ваш рассказ не будет новым лекарством для меня?

— Нет, я постараюсь рассказать вам одну правду. Да. Итак, я полюбил мою ученицу, когда ей было всего двенадцать лет...

Зоя тихо засмеялась и застонала.

— Продолжайте, продолжайте, — упрашивала она с настойчивостью больных. — Это очень интересно, девочка двенадцати лет. Что же, вы объяснились с ней в этом почтенном возрасте?

— Если вы меня будете перебивать, я замолчу.

— Молчу и слушаю. Только один вопрос: она была очень красива?

— Да. Если бы можно было выразиться так, я сказал бы про нее, что она была безумно красива. Я был влюблен в детские платья, которые она носила, в красную ленту, которой она собирала по утрам свои волосы, любил ее беззаботную болтовню, детский смех, выражение глаз, улыбку, всякое движение... Это было что-то идеальное, по ошибке родившееся в форме маленькой девочки, моей ученицы. Впрочем, нужно сказать, что я полюбил ее с первого раза, когда еще не знал ни ее характера, ни привычек, ни склада ума. Есть такие картины, в которых видишь одни хорошие стороны и не хочешь и даже не можешь видеть недостатков. Так делал и я, хотя мое маленькое совершенство, конечно, было не без крупных недостатков, как и все другие люди. Эти недостатки росли вместе с ней, но я любил в ней даже эти недостатки... С годами в моем идеале вместе с красотой увеличивалось тщеславие и пустота всех хорошеньких девушек, легкомыслие и эгоизм. Мои уроки к шестнадцати годам кончились, но я не упускал из виду моей ученицы и незаметно следил за каждым ее шагом. У ней было очень много поклонников, и мой идеал позволял себе некоторые вольности с ними, но это было не опасно: эта девушка обращалась с своими чувствами, как дети обращаются с растениями, — посадит в землю семя и по десяти раз на день выкапывает его чтобы посмотреть, много ли оно выросло...

— Доктор, это очень хорошо сказано!

— Наше условие?

— Молчу...

— Чтобы полюбить, моя героиня требовала себе героя, а кругом были только обыкновенные люди... Она безжалостно разбила несколько сердец в этих поисках, — извините, я выражаюсь тем языком, какой был в моде в литературе и в жизни в то время. Потом наконец встретила одного человека, который показался ей героем. Это был действительно недюжинный человек — я его тоже любил от души, но беда в том, что он любил другую женщину. Помните у Гейне: «Юноша любил девушку, девушка же любила другого, а другой любил другую и женился на ней...» Такие запутанные комбинации иногда случаются не в одной математике.

— Доктор, я имею полное право на один вопрос: отчего же вы не сделали предложение вашей возлюбленной?

Доктор с минуту молчал, а потом заговорил.

— Нет, я вам расскажу все по порядку... Моя возлюбленная с горя захворала, а потом, конечно, поправилась и нашла то, что находят все разборчивые люди — такого же человека, как и все другие. Отчего я не сделал предложение моей возлюбленной? Очень просто: она не могла быть счастлива со мной... Я был простой человек, не обладавший ни счастливой наружностью, ни особенными талантами. Она просто соскучилась бы со мной, а где скука — там нет любви.

— И ваша возлюбленная никогда не знала о вашей любви?

— Да.

— А после вы как относились к ней?

— Все так же.

— То есть?

— Я люблю ее и теперь... Она иногда пишет мне письма, как своему старому другу.

— Не понимаю... я не могла бы так любить, доктор, — задумчиво проговорила Зося. — Я слишком эгоистка... Я никогда не прошу моей сопернице... Нолли будет наслаждаться счастьем, а я умирать — это несправедливо. Я знаю, что Нолли хорошая девушка, гораздо лучше меня — вот за это-то я и ненавижу ее... Но я желала бы, чтобы меня кто-нибудь хоть капельку любил так же, как вы свою бывшую ученицу. Послушайте, доктор, когда мне будет лучше, я непременно отыщу вашу возлюбленную и расскажу ей, какой вы отличный человек и как вы ее любите... Меня удивляет только одно: неужели она не могла заметить сама? Догадаться?

— Это иногда случается...

— Она, вероятно, такая же эгоистка, как я... Но ведь вы очень несчастны, доктор? Ведь всякий хочет видеть хоть краешек собственного счастья... Неужели счастье — призрак?

— Нет, счастье — не призрак, а только слишком растяжимое понятие, которое всякий понимает по-своему... Вся задача сводится на то, чтобы каждому угадать свое счастье.

Зося задумалась, она совсем не слушала объяснений доктора. Эти минуты задумчивого просветления, которые находили на Зосю иногда, были самыми счастливыми минутами в жизни доктора. Девушка являлась пред ним в таком хорошем свете, и он на время забывал о ее недостатках. В этих порывах сказывалась богатая женская натура, которой не доставало только выдержки. Чувствовалась настоятельная необходимость в чьем-то сильном влиянии, в авторитете, который владел бы всеми чувствами девушки. Она слепо пошла бы за ним, даже не спрашивая, куда он ведет ее. Доктор иногда думал, что, может быть, Лоскутов и был бы при других обстоятельствах именно таким человеком». к

Вместо «Раз ночью» — «Раз тоже ночью». к

После слов: «Она металась на своей подушке» — «точно последняя была набата не гагачим пухом, а булыжником». к

С. 243. После слов: «как жизнь поденки» — «а за ней вечное ничто, темная неизвестность». к

Вместо «старался уверить самого себя» — «хватаясь за голову, старался уверить самого себя». к

После слов: «Появление Привалова удивило и обрадовало Агриппину Филиппьевну»: «Nicolas не было дома, и он сидел в ее будуаре василькового цвета, стараясь быть любезным и внимательным к хозяйке.

— Не правда ли, бал прошел так удачно, если бы не этот припадок с Зосей?— спрашивала Агриппина Филиппьевна, взглядывая на Привалова немного прищуренными глазами». к

С. 244. После слов: «опустилась в угол дивана» — «Пока она сымала перчатки, Привалов не смел поднять глаз и сидел как на угольях. Появление этой женщины зажгло в нем бурю желаний, и он чувствовал, как билось в груди его сердце». к

После слов: «вот они и отправились его доканчивать» — «Половодова была одета сегодня в серое суконное платье, обливавшее ее статную, высокую фигуру, как перчатка; волосы были собраны в самую простую прическу, открывая белый низкий лоб и края розовых ушей; белая шея красиво была вытেনена кружевами и тоненькой черной бархатинкой. Она еще никогда не была так красива...» к

После слов: «протянутую душистую руку» — «Этот особенный запах, которым дышала вся фигура Половодовой, со вчерашней ночи засел в голове Привалова навсегда, и теперь у него тихо и сладко закружилась голова». к

Вместо «— Послушай, — заговорила Антонида Ивановна» — «— Послушай, — фамильярно заговорила Антонина Ивановна». к

Вместо «прильнул губами к ее шее» — «прильнул губами к ее точеной шее». к

Вместо «от прилива счастья» — «от прилива безумного счастья». к

Вместо «готов был расцеловать даже Агриппину Филиппьевну» — «готов был расцеловать саму Агриппину Филиппьевну со всем ее величием и бонтонностью». к

После слов: «дурачилась, как институтка» — «Привалову оставалось только удивляться, откуда она черпала каждый раз новый пикантный костюм, тысячи новых ласк, новый запас анекдотов и самых смешных названий, которыми осыпала его вперемешку с поцелуями». к

Вместо «С каждым днем Привалов сильнее и сильнее привязывался...» — «каждый раз Привалов сильнее и сильнее прирастал». к

После слов: «чарами любви» — «Сколько было тут смешных капризов, беззаботного смеха и самого пикантного остроумия. Отдаваясь Привалову, Антонина Ивановна являлась для него точно новой женщиной». к

С. 245. Вместо «в настоящую минуту» — «в данную минуту». к

Вместо «податливой душой» — «податливой натурой». к

Вместо «жгла две жизни» — «жгла чувство своего любовника». к

После слов: «чтобы она была вполне счастлива»: «Это было какое-то бешенство, которое сначала пугало Привалова, и он не подозревал, с какой быстротой он мчался вперед по торной дорожке всех любовников. Любовь не бесконечна, и каждая новинка в этой поэме выдается в кредит грядущих разочарований. Человек по своей натуре стремится не к тому, что у него уже есть, а к тому, чего он не испытал. Гамма любовных наслаждений и восторгов для всех любовников одна и та же, но вся сила любви заключается в новых

комбинациях уже известных тонов. Из этих аккордов складываются миллионы новых мелодий, которые бесконечны, как время, разнообразны, как фигуры в калейдоскопе, и не доступны для исследования, как те тени и смутные призраки, которые неизвестно откуда и неизвестно для чего являются у нас во сне. Не бойтесь, сударыня, что явится когда-нибудь на свет такой ученый, который поместит ваше чувство куда-нибудь в реторту, разложит его на составные части и свяжет какой-нибудь химической номенклатурой, предоставив вам только удовольствие сделать выбор той или другой любовной партии. Если сосчитали лучи планет и количество морских песчинок; если определили с помощью спектрального анализа составные элементы всех звезд; если мысль человеческая молнией опоясывает землю и передает наши слова, — все это детская игрушки по сравнению с теми чудесами бесконечно обширнейшего мира, который родится и умирает, по словам поэта, с каждым человеком и над разгадкой которого напрасно будет биться из века в век неугомонная человеческая мысль. Если бы даже когда-нибудь явилась наконец такая разгадка, которая сделает нашу внутреннюю жизнь таблицей умножения, то, право, тогда не стоит труда жить, и наш многогрешный мир погибнет не от огня, а от тоски...

Половодов был необыкновенно доволен, когда Привалов оставался обедать. Антонина Ивановна принимала свой скучающий вид, появлялась Анна Павловна, иногда Nicolas счастливо своим присутствием. После трех рюмок водки, которые Половодов выпивал пред обедом на английский манер, т.е. сначала закусывал, а потом пил, он делался необыкновенно разговорчив и любил распространиться о материях важных. После обеда полупьяный Половодов уводил Привалова к себе в кабинет, усаживал его на горнее место и изо дня в день угощал одними и теми же разговорами о женщинах.

— По моему мнению, всех лучше русский тип женщины, — говорил Половодов, сладко потягиваясь в своем кресле. — Какая-то она совсем особенная: наполовину европейская, наполовину восточная... Ласковая, порывистая, немножко ленивая, с детским суеверием. А мне, знаете, что больше всего нравится в ней: любит она без расчета, очертя голову... Западный тип выродился, измельчал, а здесь так и обдаёт девственной свежестью.

Привалов слушал этот расслабленный бред, переживая самые тяжелые минуты. Его фальшивая роль давила его, связывая по рукам и ногам, но выхода никакого не предвиделось даже в отдаленном будущем. К мучениям совести прибавились еще муки ревности: каждая ночь для Привалова была настоящим адом. Он видел спальню Половодовых, раздетую Антонину Ивановну и Александра Павлыча в роли ее законного мужа... Вся кровь бросалась Привалову в голову, и он глухо стонал в своих трех комнатках; в нем часто загоралось дикое желание идти и разом покончить с этим Половодовым. Он отлично представлял себе, как он схватит эту вытянутую серую фигуру и задушит просто руками. В эти минуты молчаливого бешенства Привалов начинал бояться самого себя: в нем сказывалась дикая приваловская кровь.

— Тонечка, я не могу, — шептал не раз Привалов, задыхаясь от душившей его злобы. — Я не могу делить тебя с другим...

— Это еще что за глупости? Ребячество...

— Нет, не ребячество! Если бы ты знала, какие ночи я провожу...

— А ты не думаешь о том, какие ночи я провожу?

Привалов только скрежетал зубами и рвал на себе волосы. Но как-то всегда случалось так, что в несколько минут Антонина Ивановна успевала его успокоить совсем. Самый звук ее голоса действовал убаюкивающим образом на его раздраженные нервы.

— Ты рассуди: давно ли ты был для меня совсем чужим человеком, — уговаривала она его, как маленького. — Ведь ты не смел поцеловать моей руки, а теперь я принадлежу тебе вся — и тебе мало?

— В том-то и дело, что не вся...

Половодова закрывала рот своему любовнику поцелуями и тушила начинавшийся пожар своей голубиной воркотней; эта комедия повторялась изо дня в день, доставляя обоим то мучительное, захватывающее счастье, каким счастлива одна тайная любовь.

— Однако я желала бы знать, чего бы еще желал?— спрашивала Половодова, возвращаясь к той же теме.

— Как чего? Разведись с мужем...

— Это невозможно, Сергей!

— Просто уйди от него...

— Куда?

— Ко мне.

— А потом?

— Будем жить, как многие другие живут.

— Нет, покорно благодарю за такое удовольствие: я еще не совсем с ума сошла.

— В таком случае дело кончится тем, что или я убью твоего мужа, или он убьет меня...

Половодова начинала хохотать как сумасшедшая и, ласкаясь к Привалову, полонившим его шепотом говорила:

— Милый мой, зачем так беспокоиться о пустяках... Можно обойтись и без убийств, если благоразумнее смотреть на вещи. Кто знает, что у нас впереди: будем жить настоящим, мой хороший Отелло!..

V

Слишком частые свидания в половодовском доме делались неудобны. Анна Павловна начинала коситься на Привалова, лакей внушительной наружности — тоже. Однажды, когда Антонина Ивановна сидела на коленях у Привалова, в соседней комнате прошуршало платье горничной.

— Ничего, — успокаивала Половодова, едва успев соскочить с колен и поправить растрепанные волосы.

— Как ничего: горничная если не видела, так могла слышать.

Антонина Ивановна только засмеялась и молча вытащила из кармана Привалова бумажник; раскрыв его, она достала сто рублей и спрятала к себе в карман.

— Это я подарю Насте, и можешь быть покоен: нет такой прислуги, которую бы нельзя было купить.

— Возьми еще денег.

— Нет, это лишнее... Баловать прислугу — это петля на шею. Пока будет... Послушай, какие мы с тобой глупые?!

— А что?

— Отчего же ты не зовешь меня к себе?

— Тонечка, да разве это возможно?.. Эта Хина сплетница, каких свет не производил. Да она разнесет по городу бог знает что!

— Ах, глупый, глупый... Завтра же в двенадцать часов я буду у тебя. Понимаешь, — в твоих комнатах. Хочешь? Ха-ха! Ты, кажется, серьезно боишься? До завтра!

Почтенная Хиония Алексевна только улыбнулась, когда на другой день у ее домика остановились американские сани Половодова. Ее чуткий нос уже успел кое-что пронюхать о частых визитах Привалова к Половодову и о встречах его с Антониной Ивановной у Веревкиных; человеческая природа почтенной даме была известна досконально, а женская природа — в особенности. Одним словом, Хина ждала этого визита и встретила гостью в передней самым любезным образом.

— Вы как снег на голову, Антонина Ивановна, — уверяла она свою гостью, прикладываясь к ее цветущему лицу своими мощами. — Вот уж не ожидала-то...

— А вы так совсем не хотите меня знать? — ласково пеняла Половодова.

— Знаете, Антонина Ивановна, что я вам скажу, — заговорила Хина, заглядывая гостью в глаза, — в эти три недели вы так помолодели и расцвели... Право, природа совсем несправедливо распределяет между людьми свои дары! Одним дает все, а другим — ничего.

Половодова сделала серьезное лицо и перевела разговор на другую тему. Через десять минут в гостиной Хионии Алексевны показался Привалов... Да, сам Привалов! Одно из самых заветных желаний Заплатиной наконец сбылось, и она, как Симеон-богоприимец, могла сказать: «Ныне отпускаеши...» В течение всего времени, пока Привалов жил у Заплатиной, он ни разу еще не бывал у Заплатиной, а тут сам пришел. Итак, в гостиной Хионии Алексевны на сиреневом диванчике сидела Антонина Ивановна, а на кресле — Привалов; Матрешка подавала кофе, вскидывая глазами на барыню, как цыганская лошадь. Из соседней комнаты в замочную скважину выглядывал Виктор Николаич и думал в умилении сердца: «Да не Хина ли... Ладно, какого бобра убила: Привалова к себе затащила в гостиную и Антонину Ивановну». Матрешка смотрела на гостью с разинутым ртом, потому что это была настоящая барыня, сама Половодиха, у которой одна шуба стоит три тысячи рубликов.

Хина с тактом светской женщины умела поддержать самый непринужденный, интересный разговор и раза два на несколько минут оставила своих гостей с глазу на глаз, чтобы посмотреть в щель, что они будут делать без нее, и не перекинутся ли некоторыми телеграфическими знаками. «Нет, хитры...» — решила она про себя, когда Привалов и Антонина Ивановна преспокойно разговоривали о каких-то пустяках, не прибегая к помощи телеграфа.

Вернувшись в гостиную, Заплатина завела разговор об общественном клубе, который, и т.д. Половодова внимательно выслушала эту горячую защиту

«нашего» клуба, и у ней в голове мелькнула счастливая мысль: записаться членом этого клуба, где удобно видется с Приваловым чуть не каждый день.

— Я предлагала мужу записаться в ваш клуб, — проговорила она равнодушным тоном, — он, кажется, ничего не имеет против этого...

— А я уже несколько месяцев состою членом общественного клуба, — прибавил от себя Привалов.

— Да разве вы записались, Сергей Александрыч?— удивлялась Хиония Алексевна, не веря своим ушам.

— А то как же? Ведь вы же сами меня записали, Хиония Алексевна?...

Ястребиные глаза Хины засверкали от удовольствия; положительно сегодняшний день был для нее днем счастливейших неожиданностей. Привалов и Половодова — члены общественного клуба... Это чего-нибудь стоило, и в голове почтенной дамы пронеслись радужные перспективы ее будущих подвигов.

— Какой у вас хорошенький рояль, Хиония Алексевна, — когда кофе был кончен.

— Нет, так себе, Антонина Ивановна, — скромничала Хина. — Простой, кабинетный... Вот у вас так настоящий, парижский, от Эрбера. Ах, Антонина Ивановна, я не смею просить вас...

— В чем дело, Хиония Алексевна?

— Вы так прекрасно поете, Антонина Ивановна... Вот и Сергей Александрыч в восхищении от вашего пения!

Половодова не заставила себя просить и с простотой настоящей аристократки, стоящей выше предрассудков обыкновенных смертных, поместилась за рояль. Привалов встал у пюпитра, чтобы перевертывать страницы нот. Скоро гостиная Хины Алексевны огласилась веселыми малороссийскими мотивами; на этот раз Антонина Ивановна пела просто, как поют по заказу. Но достаточно было уже одного того, что она пела именно в гостиной Хионии Алексевны.

Сейчас после пения Половодова собралась домой. В передней Привалов помог ей надеть шубу и незаметно придержал ее полную руку повыше локтя; Антонина Ивановна только опустила глаза и улыбнулась.

— Я буду ждать вас, Хиония Алексевна, слышите? — настаивала Антонина Ивановна, поправляя на голове крошечную шапочку из серебристого соболя.— А это ваше помещение, Сергей Александрыч? — прибавила она, показывая головой на дверь.

— Да... Не хотите ли взглянуть? — предложил Привалов, отворяя дверь.

— Нет, как-нибудь в другой раз... Когда вас не будет дома. Ах, как бы мне хотелось взглянуть на портрет вашей матери... Вы позволите?

— Я сейчас вам принесу его...

— Нет, зачем же вам беспокоиться... Я сама войду, если позволите.

Половодова как была, в шубе, прошла в кабинет Привалова и оттуда несколько раз ахнула, удивляясь вкусу Хионии Алексевны. Пока она рассматривала портрет матери Привалова, Заплата незаметно улизнула и в щель увидела наконец, как Антонина Ивановна порывисто поцеловала Привалова, припав к его плечу своей красивой головой.

— Так вот оно как, — зашипела Хина, наблюдая в ту же щель, как Половодова с улыбкой переставляла все вещи на письменном столе Привалова, приводя все в художественный беспорядок; Половодова хоть на несколько минут хотела быть хозяйкой в этой комнате и с вниманием любящей женщины осмотрела занавески, ковер, картины и даже заглянула в спальню, где стояли нечищенные сапоги Привалова.

— Отлично! — торжествовала Хина, когда Половодова в последний раз улыбнулась ей из саней. — Вот тебе и гордец... Ха-ха-ха!..

Она торжествовала. к

После слов: «табачным дымом» — «и свежим запахом вспотевшего человеческого тела». к

С. 246. Вместо «он прислушивался» — «он чутко прислушивался». к

После слов: «переложены шубы от моли»:

«— Вот не ожидал, — проговорил над ухом Привалова чей-то знакомый басок.

Это был полицмейстер; рядом с ним стоял пьяненький горный ревизор, с которым Привалов познакомился на балу Ляховского.

— Ну, батенька, удивили вселенную! — фамильярно заявил ревизор, крепко пожимая руку Привалова. — А вот что, Евгений Васильич, — обратился он к полицмейстеру, — ведь это что-нибудь да неспроста... Как ты думаешь, мамочка? Ведь неспроста занесло Сергея Александрыча в нашу трущобу? Хе-хе... Нет ли какой жар-птицы, черт возьми...

— Да будет тебе молоть! — остановил полицмейстер своего приятеля. — А вы, Сергей Александрыч, пожалуйста, не обращайтесь на него внимания, потому «мели, Емеля, твоя неделя».

— Нет, постой, ларец с секретом, — упрямо болтал ревизор, пошатываясь и размахивая руками. — А в механике и я чего-нибудь да стою... Вот те и клюкwa-ягода! А я, брат, Привалов, черт тебя возьми совсем, очень полюбил тебя... Ей-богу! Послушай, брат, какую ты там мельницу выдумал строить, черт тебя возьми?

Привалов кое-как освободился от пьяного ревизора, чтобы идти наверх, в царство дам». к

После слов: «одной пыли» — «Это у нас временная зала для танцев, — объясняла Хиония Алексевна, заметив неблагоприятное впечатление, произведенное на Привалова залой. — Наша публика нетребовательна и довольствуется самыми скромными удовольствиями. А вот здесь есть другие комнаты». к

С. 247. После слов «пригодиться в будущем» — «Да это какой-то кабак, — с тоской подумал Привалов, осматривая толпившуюся пред буфетной стойкой публику; ему хотелось убежать отсюда от набравшегося сюда человеческого хлама и оборышей, но бежать было нельзя — Антонина Ивановна обещала непременно быть здесь сегодня». к

После слов: «и все дело поправим. Понял?»: «— Я слышал, что Василий Назарыч поправился здоровьем? — Да...» к

С. 248. После слов: «она слегка покачивалась на высоких каблуках» — «Тонкая талия, роскошно сформированная грудь с покатыми плечами и непринужденная грациозность всей фигуры делали Колпакову львицей сезона.

— У нас с Давидом горе, — объяснял «Моисей», поднимаясь с места, — у него сестра умирает, у меня отец разорился... р

После слов: «тебе это нужно знать» — «плутишка ты этакий...» к

После слов: «наблюдал публику» — «которая, без сомнения, составляла царство Хины» к

Вместо «заседали отцы семейства» — «заседала основательная часть — отцы семейства» к

«После слов: «ей одной» — «А кто лучше Хины мог прикрыть девичий грех? Бывали и такие случаи в практике Хины...» к

Вместо «поднимались Половодовы» — «поднималась чета Половодовых». к

После слов «чета Половодовых» — «Александр Павлыч в своей черной фракной паре походил на тех нотариусов, какие обыкновенно фигурируют на сцене, Антонина Ивановна опиралась на его руку и легкими кивками головы здоровалась с встречавшимися знакомыми. На ней было надето шелковое платье цвета сиреневых почек; волоса зачесаны по-детски спустившимися прядями на лоб; на шее блестело в золотой оправе аметистовое кольцо». к

С. 249. После слов: «поднял в знак удивления плечи» — «Tuoque Brutus*», — проговорил он наконец. к

После слов: «подбирая правой рукой трэн платья» — «почему ей показалось, что Привалов сердится на нее — она и сама не знала, а сам язык проговорил пустую фразу, полную женской ласки.

Они выбрали уголок потемнее, где-то в зеленой угловой комнате, где было мало огня и публика не так толкалась прямо под носом. В этом грязном уголке, где тянуло от окна сыростью, они могли наконец остаться одни, счастливые даже своим молчанием. Они едва успели перекинуться несколькими фразами...» к

С. 250. Вместо «Привалов не слушал его» — «Ипат был непроходимо глуп, и Привалов не слушал его». к

После слов: «Ну, научи...» — «Я не понимаю одного, как бросить одно дело, чтобы делать другое. Это будет вечная погоня за двумя зайцами. У тебя теперь строится мельница, а ты вдруг бросишь все и уедешь в Петербург.

— Однако что же мне делать?» к

После слов: «осталась в Узле» — «чтобы иметь возможность следить и за мельницей, и за заводами, и за опекунами». к

После слов: «Это великодушие и эта покорность победили Привалова» — «Начни Антонина Ивановна просить его остаться в Узле — он уехал бы, но она не удерживала, и это сразило любящее сердце Привалова». к

С. 251. После слов: «сам черт ногу переломит»: «— Мне кажется, что вам просто кажется.

— Да, есть некоторое предчувствие». к

Вместо «все той же Агриппиной Филиппьевной» — «все той же великосветской Агриппиной Филиппьевной». к

С. 252. После слов: «видел ее в первый раз» — «С одной стороны, он немного побаивался ее, т.е. собственно не побаивался, а испытывал самое

---

* И ты, Брут (*лат.*)

неловкое чувство при мысли: «А, а что, если она ничего не подозревает, и вдруг, в одно прекрасное утро, все раскроется?»

После слов: «подумать что-нибудь дурное»: Привалов бывал в доме Веревкиных чуть не каждый день, быстро освоился с его оригинальной жизнью и даже открыл существование знаменитого коридора, где совершался растительный процесс дворянского дерева Веревкиных. Маленькие дети сначала смотрели на Привалова в щели, потом в полуотворенных дверях начали показываться их улыбающиеся детские лица, и наконец самая маленькая из девочек, Бебе, забавно переваливаясь на своих пухлых ножках, первая с детской конфузливостью подошла к Привалову и сейчас же положила свою курчавую шелковую головку к нему на колени. Привалов очень любил детей вообще, а маленьких девочек в особенности, и всегда был очень рад повозиться с маленькой Бебе. Впрочем, эта девочка, после Аллы и Вадима, была большим баловнем в доме и пользовалась громадным преимуществом сравнительно с другими детьми, которые не были так забавны или переживали тот неблагоприятный возраст, когда они были «ни в больших, ни в маленьких», как говорила кормилица Веревкиных. За Бебе показались и другие дети: два мальчугана и девочка лет шести. Последняя научилась уже у сестер кокетничать и делать глазки; мальчуганы были проще и быстро сошлись с Приваловым на самую короткую ногу, одолевая его своей детской болтовней и маленькими просьбами показать это, сделать то, помочь такому-то горю.

— Вы совсем испортите моих детей, Сергей Александрыч, — говорила иногда Агриппина Филипповна, улыбаясь счастливой улыбкой.

В минуты ожидания Половодовой дети являлись для Привалова большим развлечением. Если он приезжал часам к двенадцати, когда Алла пила кофе или разучивала что-нибудь на рояли, Привалов выпивал с ней маленькую чашечку и перевертывал ноты, когда она садилась за рояль.

— Как жаль, что вы не играете, — говорила Алла иногда, — мы с вами могли бы играть в четыре руки... Пожалуйста, будьте внимательнее, когда я кивну головой, вы сейчас же перевертывайте страницу.

Привалов мог собственным опытом убедиться в той простой истине, что в жизни всякое искусство находит свое приложение, и он не раз чистосердечно пожалел о том, что в юности не научился играть на скрипке. Играть дуэт с Аллой все-таки было не в пример интереснее, чем изображать из себя жертву откровенного детского эгоизма и по целым часам вырезать из газетной бумаги апокалипсических зверей. Ему иногда казалось, что Алла относится к нему немного свысока и потихоньку посмеивается над ним, когда дети откровенно пользовались своим правом сильного. Сама Алла очень нравилась Привалову не своей наружностью, а тем, что была вылитый портрет мамы и оставалась всегда загадочной и непроницаемой.

Иногда Алла расспрашивала Привалова о Петербурге, о столичных удовольствиях; на щеках у нее появлялся слабый румянец, глаза темнели и она задумчиво говорила:

— На вашем месте я никогда не похоронила бы себя заживо в каком-нибудь Узле!..»

Р

После слов: «приводили в какое-то бешенство» — «кого бы вы думали? Да Хионию Алексевну, нашу уважаемую Хионию Алексевну». **к**

С. 253. После слов: «на кончике языка» — «роковое словечко, именно, что она видела всю сцену в кабинете Привалова, но она вовремя удержалась». **к**

После слов: «в самом веселом расположении духа» — «наконец-то она начала присасываться к половодовскому дому, и в ней заискивают, в ней нуждаются...

С Приваловым Заплатаина держалась как всегда и ни одним движением не хотела выдавать своих истинных чувств. Если она постоянно враждовала с Бахаревыми, Ляховскими и Половодовыми, то потому, что они игнорировали ее, Хионию Алексевну; а Привалов совсем другое... Разве о нем можно судить, как о других людях? По этому поводу Хиония Алексевна в собственное назидание припомнила последний свой «случай», когда возроптала на Привалова за его мельницу — и ошиблась. Замечательнее всего было то, что на все на свете Заплатаина смотрела с узко корыстной точки зрения, и только по отношению к Привалову она не могла упрекнуть себя в этом. На его отношения к Антонине Ивановне она взглянула очень снисходительно, потому что отчего же Привалову и не позволить себе маленького развлечения, а что касается Антонины Ивановны, то Заплатаина рассуждала так:

«Так гордецу и надо!.. Этакая женщина будет киснуть с такой копченой селедкой... Тьфу!.. Надо же бабе отведать шилом патоки, нечего смотреть на таких мужей, как Александр Павлыч: сам любовницу держит и волочитя за каждой горничной. Поделом вору и мука... Эка, подумаешь, беда, что жена позволит себе близкие отношения с одним человеком, да еще с каким: с Приваловым; это ведь не то, что как нас меняют на всякую дрянь! Вот хоть мой муженек...» **к**

Вместо «перебиваются кое-как» — «перебиваются где-нибудь в полутемной каморке». **к**

С. 254. После слов: «охота припала девке к шитью» — «Хитрая старуха раза два пробиралась на босу ногу к комнате Надежды Васильевны, чтобы подсмотреть в замочную скважину, что такое могла шить дочь; но эти вылазки остались без успеха, потому что двери были заперты на замок и замочная скважина была задвинута медной накладкой. «Уж больно сторожится чего-то! — ворчала старуха, пробираясь восвояси. — А все же уж лучше девке шить, чем в книжку задарма смотреть... Может, за ум взялась наша Надежда Васильевна. Будет дурить-то в самом деле... Может, оттого и счастья Господь не посылает что больно уж мудрит с отцом-то. Не умела ловить Привалова-то, так подожди-ка другого-то женишка: ой, не сладко в христовых-то невестах отсиживаться!..» **р**

С. 255. После слов: «потер свое колено»:

«— Отчего ты такая бледная, моя деточка? — ласково заговорил старик, стараясь обнять дочь за талию. — Ну, подойди ко мне... Головка у тебя горячая? Нет?.. Да говори же, наконец, что у тебя на уме!

— У меня на уме, папа, вот что, — тихо заговорила Надежда Васильевна, бессильно опускаясь на ближайший стул». **к**

После слов: «как-то испуганно посмотрела на отца» — «на доброе выражение его лица: ей тяжело было наносить роковой удар». **к**

После слов: «есть сын и дочь» — «заговорила она уже твердым голосом». к
Вместо «у него является ребенок» — «сын приживает с этой девушкой ребенка». р

С. 256. После слов «презрение общества» — «собственный стыд» к

После слов: «должны беречь себя» — «Нет, папа, к несправедливости природы, которая всю тяжесть произведения детей складывает на одну женщину, здесь присоединяется еще большая человеческая несправедливость». к

После слов: «У меня нет больше дочери» — «у меня есть позор. Господи! Это этого еще только недоставало?! Ты осрамила мою седую гололву... Нет больше у меня дочери! Понимаешь, она умерла. Сейчас умерла... Вот здесь умерла». к

После слов: «Нет, ты не уйдешь...» — «Я прежде тебя убью. О, Господи, Господи! Нолли, Нолли, скажи кто?! Назови имя человека, который тебя обманул... Я задушу его сейчас своими руками!.. Я его убью!» к

С. 257. После слов: «капли слез» — «Ты скрываешь, змея!— зарычал, как разъяренный зверь, старик. — Честный человек так не сделает... Это подлец! Он хотел посмеяться над моими седыми волосами... Над моей старостью. Боже, дай мне на коленях приползти к этому извергу!.. Я зубами разорву его!..» к

После слов: «спокойно?! Боже мой...» — «И это говорит мне змея, которую я вскормил на собственной груди». к

После слов: «не увидишь света Божьего» — «Чтобы я отпустил тебя к твоему любовнику? Ха-ха.. Что я тебе скажу на прощание? Мое проклятие. Слышишь, мое отцовское проклятие!! Вам обоим проклятие, вам не будет счастья на земле... Вас до гробовой доски будет оно преследовать... Да! Да! Да!». к

После слов: «как дрожало все его тело» — «она покорно и молча ждала, когда он схватит ее, как кошку, и вышвырнет, как кошку, за порог. Старик совсем вышел из себя и, потеряв голову, разразился страшными проклятиями». к

После слов: «Еще раз прошу тебя» — «поговорим спокойно». к

Вместо «Это полный мольбы и нежности голос» — «Это полный любви и просящий ласки голос». к

Вместо «этим колесом» — «этим нероковым колесом». к

Вместо «не испугалась его гнева» — «не испугалась отцовского гнева». к

С. 258. После слов: «милый папа» — «Девушка на коленях ползала около отцовского кресла и в припадке обезумевшей нежности целовала полы его платья». к

После слов: «тяжелое молчание» — «прерываемое всхлипываниями, тяжелыми вздохами». к

После слов: «все та же» — «твоя Нолли». к

После слов «будет любить меня всегда» — «и без внешних пут». к

После слов: «никто не смеет отнять у меня» — «Я признаю брак как таинство, но таинство не должно порождать гражданских последствий на пользу мужчины и в ущерб женщине». к

Вместо «простишь меня» — «простишь твою Нолли». к

В рукописи далее следует текст: «— Никогда, никогда... Ты идешь против религии: я могу простить тебя, как отец, но я не могу тебя простить как отступницу от своей веры...»

— Я от веры не отступаю, папа... Я верую в Бога, который завещал любить друг друга, прощать обиды, совершать великий подвиг любви к ближнему. Ты смешиваешь веру с обрядами господствующей церкви...

Бахарев долго молчал.

— А ты подумала о том, как твой отец будет теперь смотреть в глаза честным людям? Ты подумала, что скажет мать?

— Мать никогда меня не простит... я это знала.

— Нолли, ты уносишь из отцовского дома великий грех: ты не любишь своей матери... Помни, у тебя будут свои дети, и от них ты получишь себе отрицание.

— Папа, я люблю маму, но... ты сам знаешь, какая это женщина. Я люблю ее, и еще больше боюсь. Она не способна вынести ни одного противоречия и никогда не помирится с тем, что не согласно с ее собственными взглядами. Ты видишь, я принесла свою вину к тебе, а не к матери, хотя люблю ее...

Опять наступила тяжелая пауза.

— Нолли, скажи мне еще одно, — заговорил старик. — Скажи, как своему отцу: ты не отступила от Бога?

— Нет.

— Еще скажи, твой отец не учил тебя отступать от обрядов той церкви, которую ты называешь «господствующей»?

— Нет.

— Еще один вопрос: ты не уйдешь в секту, противную Закону Божию?

— Нет.

Старик долго молчал; девушка чувствовала, как у него дрожали руки. Наконец он собрал последний остаток своих сил, поднялся с кресла и положил на ее склоненной голове свои руки.

— Господи, — заговорил старик, поднимая свои глаза к образу. — Ты один видишь, как я любил и люблю ее... Но вся моя любовь не могла удержать ее в моем доме... Господи! В твои руки отдаю мою дорогую дочь, и да будет воля Твоя над ней...

Надежда Васильевна, закрыв лицо руками, тихо рыдала.

— Нолли, голубчик... будь счастлива... А когда тебе делается слишком тяжело... на свете слишком много злых людей... не забывай, что у тебя есть отец, который отдаст за тебя последнюю каплю своей старой крови... Я не спрашиваю, кто твой избранник: дай Бог, чтобы ты не ошиблась в нем...

Старик поднял дочь с полу, положил свои руки ей на плечи и долгим пристальным взглядом смотрел на это дорогое заплаканное лицо, точно стараясь навсегда запечатлеть в своей памяти дорогие черты... Вся любовь, все душевные силы старика вылились в этом долгом взгляде, и он наконец бес- сильно прошептал:

— Ну, иди с Богом... Я не гоню тебя, но у тебя теперь есть свои собственные обязанности. Прощай...

С рыданиями и диким криком, как смертельно раненная птица, обхватила девушка в последний раз своими руками шею отца и в смертной тоске припала своей головкой к груди, в которой билось горячее, бескорыстной любовью к ней великое сердце».

к

С. 259. После слов: «дочь-невеста на руках» — «Вдобавок Надежда Васильевна не выходит замуж за Лоскутова, а живет с ним гражданским браком и уже... Вот вам как отличились наши образованные барышни! Я по крайней мере во всей этой истории решительно ничего не понимаю...

— Мне странным кажется одно, как вы решается распространять о девушках подобные слухи? — сурово заметил Привалов. — Ведь еще никто и ничего не знает, а между тем такие слухи должны отразиться на репутации девушек...

— Скажите... — обиделась Хина. — Чем же мы-то виноваты во всей этой истории?

— А тем, что даже если бы все это было и правда, то вы как женщина должны были бы не распространять подобные слухи, а по возможности ослаблять их.

— Да ведь я только одному вам, Сергей Александрыч, рассказала эту историю.

— Однако вы сами говорите, что об этом кричит весь город.

— Уж в этом я не виновата: чужой рот не ворота, не запрешь». **к**

С. 259. Вместо «Эти известия как-то сразу встряхнули Привалова» — «полученное известие как-то разом встряхнуло Привалова». **к**

После слов: «от такой кисейной барышни» — «В ее карих умных глазах Привалов прочитал свой смертный приговор: этими глазами смотрел на него непримиримый враг, не умевший прощать. «Что я такое сделал?» — подумал Привалов». **к**

После слов: «после смерти близкого человека» — «Вернувшись домой, Привалов долго думал о превратности человеческой жизни, об этой пестрой амальгаме человеческих радостей и страданий, которая прерывается только у гробовой доски». **к**

С. 260. После слов: «с суконным рылом» — «Великий пост в провинции, как и в столицах, является мертвым сезоном, когда публика отдыхала после усиленных зимних удовольствий. Для Хионии Алексеевны короткий промежуток времени от Рождества до масленицы являлся самой горячей порой, когда устраивались самые выгодные партии; она металась по городу в течение месяца, высунув язык. Нынешний зимний сезон был особенно выгоден для нее, причем, со свойственным ей великодушием, успех дела она приписывала каким-то образом влиянию Привалова. Как это выходило — было известно ей одной. Зато в пост, в сезон великопостных концертов и (нрзб.) семейных вечеров в клубе она позволила себе, выражаясь фигурально, отереть пот, то есть отдохнуть. Понятное дело, что с кем же разделить блаженство покоя, как не с Агриппиной Филипьевной, этим старым верным другом, тем более, что четверги Агриппины Филипьевны в пост приобретали особенное влияние на ход общественных дел в Узле, потому что на эти soirées собирался самый цвет общества, его сливки. Это был настоящий салон, которому Хиония Алексевна всегда завидовала и всегда мечтала завести у себя такие же soirées по вторникам». **к**

После слов: «вполголоса заметила»: «— Хиония Алексевна, вы с своим французским языком, пожалуйста, не надоедайте другим» **к**

С. 261. После слов: «только спросить» — «т.е. как это своим французским языком». **к**

После слов: «что произошло дальше» — «может быть музыка будущего еще в состоянии что-нибудь передать, но перо бессильно и чернила бледнеют пред подавляющей важностью совершившихся событий». **к**

После слов: «мукам их собственной совести» — «Кто не знает, как разрушена была Троя, как геройски погиб Карфаген, как был завоеван турками Константинополь, как французы взяли нашу Москву, как пруссаки завоевали самый Париж — все это, без сомнения, великие исторические события, но для меня лично они положительно бледнеют пред таким невероятным фактом, как ссора Агриппины Филипповны с Хионией Алексеевной. Это даже не ссора Ивана Иваныча с Иваном Никифоровичем из-за какого-нибудь гусака, — нет, рассорились две женщины, чуть не полвека питавшие друг к другу самую нежную страсть, две женщины, жизнь и деятельность которых постоянно освещала течение общественной жизни в Узле, две женщины, которые были связаны между собой тысячами невидимых глазу нитей, воспоминаний, симпатий, желаний, надежд, стремлений, идеалов, сомнений и т.д., и т.д. Даже сравнения подходящего не подберешь сразу. Ну, представьте себе, какой скандал вышел бы, если бы ваша правая рука рассорилась с левой, или чтобы произошло в мире, если бы нарушились законы мирового тяготения или солнце погасло в одно прекрасное утро?» **к**

После слов: «до своего домика» — «Когда разгневанная матрона явилась домой, Виктору Николаичу и Матрешке пришлось пережить много самых скверных часов. Хина воздвигла на них настоящее гонение, вроде тех, какими преследовали первых христиан: они были лишены обычной пищи, в их головы летели всевозможные предметы домашнего обихода, наконец, самое дорогое для каждого человека — их честь — подверглась взаимно и порознь самому несправедливому поруганию. Полученная обида клином засела в голове Хионии Алексеевны, и она вставала и ложилась с ней. Даже время, этот всеобщий целитель, оказалось здесь бессильным и только укрепляло загоревшуюся вражду. Женщина простит мужчинам тысячу обид, самая лучшая женщина самому плохому мужчине; но чтобы женщина простила обиду другой женщине — воля ваша, мир еще не видал такого примера, как не увидит никогда, чтобы однородные электричества притягивали друг друга». **к**

После слов: «от бессильной злости» — «Эта почтенная женщина так была поражена случившимся, что в первое время даже не могла никак решить, что ей следовало предпринять для первого раза». **к**

С. 261. В канонический текст главы VIII (в рукописи — глава X) не вошел отрывок, с которого она начинается в рукописи:

«Дела Привалова шли, как они идут у всех любовников. После медового месяца у розы оказались шпы; появились маленькие неприятности: ссоры, упреки и капризы. Все это разрешалось обыкновенно тем, что обе стороны расходились на время, каждая считая себя правой, а затем им делалось скучно, у Антонины Ивановны появлялась подозрительная краснота, а Привалову ничего не оставалось, как, взвалив все вины на себя, нести повинную. Мир заключался с необыкновенной быстротой, принося с собой новые наслаждения взаимного счастья. Такие ссоры походили на весенние грозы, от которых небо темнеет только на несколько часов, а затем вся природа рас-

цветает одной сплошной улыбкой и точно старается вознаградить себя удесятеренным весельем.

— Сергей, помнишь, как ты мне предлагал развестись с мужем? — спрашивала однажды Антонина Ивановна, когда они сидели в половодовском домике, в гостиной с синими и красными петухами; Антонина Ивановна лежала на софе в своем светло-голубом шелковом пеньюаре, отделанном брюссельскими кружевами.

— Да, помню.

— Я иногда думаю об этом, — проговорила с лукавой улыбкой Половодова, кокетливо поглядывая на Привалова исподлобья. — И каждый раз меня раздражает смех, как я только вспомню об этом, — прибавила она, поправляя на руке браслет из бирюзы, отделанный в восточном вкусе.

— А я так наоборот, ничего в этом не вижу смешного и всегда готов повторить тебе мое предложение, — серьезно ответил Привалов. — Я уверен, что и ты со временем согласишься со мной...

— Никогда, — лениво протянула Антонина Ивановна. — Понимаешь, этого не будет никогда... Что за вздор? Точно нельзя обойтись и без этого. Ведь живем же...

— Да... Но может случиться так, что нас в одно прекрасное утро накроют...

— А... пустяки! Ты просто трусишь, ну, сознайся, трусишь?

Антонина Ивановна весело засмеялась, показывая два ряда мелких белых зубов, какие бывают только у людей с железным здоровьем; она сегодня чувствовала себя особенно хорошо и поэтому поддразнивала Привалова с первого слова.

— Нет, я не трушу... Да мне, собственно, за себя и бояться нечего: физически я сильнее твоего мужа и задущу его, как котенка, в случае опасности; на дуэли драться мы тоже, вероятно, не будем. Если мы попадемся, то хуже всех будет тебе же... Мужчины из таких отношений выносят только славу очень милых сердцеедов. Если я хлопочу, то о тебе же...

— Да, да... понимаю: ты ведь у меня рыцарь без страха и упрека.

— Совсем не рыцарь, а просто не хочу воровать карманных платков.

Половодова на минуту задумалась и даже слегка закусилла нижнюю губу.

— Послушай, Сергей, — заговорила она серьезно, — а ведь ты иногда скучаешь со мной. Пожалуйста, не отпирайся! Я не слепая и вижу, что делается у меня под носом. Я даже скажу тебе, о чем ты скучаешь.

— Скажи.

— Половодова притянула к себе голову Привалова и тихо прошептала ему на ухо:

— О Надежде Васильевне...

— Ну, вот ты и рассердился, — заговорила она громко. — Я так несколько тебя не ревную к ней... Надежда Васильевна и красивее, и моложе, и умнее меня, и с семьей Бахаревых у тебя связано столько детских и фамильных воспоминаний, — одним словом...

— Послушай, сколько раз я просил тебя не говорить мне таких вещей... Это просто неделикатно с твоей стороны!

— Что ж такое, дело прошлое: был такой грех, любил Надежду Васильевну, а теперь она живет с Лоскутовым... Да ты не сердись, я тебе хочу сказать одну очень серьезную вещь.

— Разве серьезные вещи нельзя говорить без глупостей?

— А если будешь сердиться, так я ничего не скажу, — надула свои пухлые губки Антонина Ивановна, делая капризное лицо.

— Я, кажется, ничего не сказал такого, — оправдывался Привалов.

Этот маленький спор кончился тем, что Привалову пришлось просить прощения, и через минуту, тряхнув беззаботно головой, Антонина Ивановна опять улыбалась своей ленивой улыбкой. Она несколько времени смотрела внимательно прямо в глаза Привалову, точно стараясь по их выражению впредь отгадать впечатление предложения, которое вертелось у нее на языке вторую неделю, и она все не могла выбрать удобной минуты, чтобы сделать его Привалову. Теперь, как ей показалось, такой именно момент наступил: Привалов смотрел так доверчиво и добродушно, даже глуповато.

— Ты предлагаешь мне развод с мужем, — заговорила Антонина Ивановна, не спуская глаз с Привалова, — а между тем все дело можно было устроить гораздо проще. Ты можешь бывать у нас, как в своем доме, и я буду в твоём доме как у себя. Даже буду заходить в твою спальню, и никто не скажет ничего...

— Что-то мудрено очень? — улыбнулся Привалов.

— Самая простая вещь: женись на Алле.

Привалов со страхом посмотрел на улыбающуюся Антонину Ивановну и сделал совсем глупый вопрос:

— То есть как, на Алле?

— Да так же, как женятся на других девушках.

Это предложение покорило Привалова, и он напрасно старался прочесть по лицу Антонины Ивановны, что она пошутила.

— Я с тобой говорю совершенно серьезно, Сергей.

— Это называется устроить светские ширмы насчет твоей родной сестры?..

— Ах, какой ты смешной... Да разве Алла маленькая и ничего не видит, ничего не понимает? Ты спроси ее, согласна ли она выйти за тебя. И все тут...

— Если Алла будет согласна на такой поступок, так я никогда не соглашусь на него, — серьезно ответил Привалов, все еще стараясь убедиться, не шутит ли Антонина Ивановна. — Я удивляюсь, как ты решаешься предлагать мне такую... такую...

— Ну, если тебе Алла не нравится, тогда женись на Анне Павловне, — предлагала Антонина Ивановна с прежней улыбкой. — Можно и троим жить очень happily... Она с удовольствием пойдет за тебя.

Как ни был Привалов увлечен своей страстью, но Антонина Ивановна ошиблась в своих расчетах — он не только не сдался на ее предложение, но как-то весь ушел в себя и сделался холоднее к ней. Этот маленький разговор как-то ошеломил Привалова. Он мог делать тысячи ошибок, мог увлекаться, но на такую игру, какую предлагала Антонина Ивановна, он совсем не был способен; это было против всего склада его природы, против всех наклонностей. Антонина Ивановна просто не понимала этой сложной природы с ее хорошими

и дурными сторонами, не понимала той роковой границы, до которой простиралось ее влияние». к

С. 261. Вместо «именно после этого разрыва» — «именно после этого разговора». к

После слов «сузилось наполовину» — «после разрыва Хины с Агриппиной Филиппевной». к

После слов: «чтобы поддразнить Хину»: «Привалов, в свою очередь, тоже не понимал характера Антонины Ивановны, которая теперь играла в опасную игру». к

С. 262. После слов: «на какую-нибудь рискованную выходку»:

«Раз Привалов долго просидел в игральных залах общественного клуба, где по случаю поста свирепствовала самая жестокая игра. Героями сезона являлись Иван Яковлич, Ломтев и еще какой-то господин небольшого роста с большими темными глазами. Ивану Яковличу везло, и он рвал крупные куши. Привалов долго наблюдал этого странного человека, который был точно создан для игры. Он весь менялся, когда садился за стол и со спокойствием философа начинал партию; эта загадочная натура жила этими переходами от проигрышей к выигрышам. Всматриваясь в истомленное лицо Ивана Яковлича с мутными глазами, плотно сдвинутыми бровями и крупными каплями холодного пота на лбу, Привалов в первый раз понял натуру дочери игрока: в ней отозвалась эта страсть к сильным ощущениям, она у ней жила в крови. Привалов припомнил, что Антонина Ивановна очень любила отца и относилась к матери как-то скептически.

— Я понимаю отца, — говорила она однажды, — это широкая натура... Он не струсит пред опасностью и десять раз выйдет цел и невредим из невозможных обстоятельств. Другой бы давно застрелился на его месте, а он только поморщится». к

С. 262. Вместо «Раза два Антонида Ивановна удерживала Привалова до самого утра». — «Раза два Антонина Ивановна потребовала от Привалова, чтобы он остался в ее спальне на целую ночь». к

После слов: «что мужа не будет дома» — «и пустила его к себе в спальню опять на целую ночь». к

После слов: «в середине ночи»: «когда любовники забылись первым сном» к

После слов: «вскрикнула Антонида Ивановна» — «вскакивая с постели в одной рубашке». к

С. 262. После слов: «постороннего человека в комнате» — «поправила смятую постель». к

После слов: «в самом скверном положении» — «в каком только может очутиться мужчина. Он прижался в угол гардероба, между платьями и юбками, и затаил дыхание». к

После слов: «колени дрожали от волнения» — «Он чувствовал, что был мертвенно бледен в настоящую минуту, и если бы судьбе было угодно, чтобы он встретился сейчас с Полововым, — тот едва ли бы узнал его сразу». к

После слов: «начал раздеваться» — «Он, очевидно, был в прекрасном расположении, и Привалов сквозь тонкую щель в дверцах гардероба мог рас-

смотреть даже его самодовольную полупьяную улыбку и бесцельные жесты человека в очень веселом расположении духа.

С. 263. После слов: «Нет, серьезно, умница»: «— На что еще умнее: ты по арфисткам шляешься целые ночи, а я сижу здесь, как крыса в щели... Очень мило! Притом ты имеешь милую привычку являться домой как снег на голову и ставить меня черт знает в какое положение.

— Именно?

— Да как же... Ну, что бы я стала делать, если бы Привалов сидел у меня в спальне? Куда бы я с ним девалась?

Половодов захохотал как сумасшедший и закашлялся; эта отчаянная шутка покорила Привалова в гардеробе. Он мог только удивляться, где могла черпать свое хладнокровие эта удивительная Антонина Ивановна.

— А я тебе могу, Тонечка, дать очень хороший совет, — шутил, в свою очередь, Половодов, — чтобы мне не встречаться с твоим любовником и не портить напрасно аппетита, ты его прячь вот хоть в свой гардероб. Ха-ха-ха! Знаешь, я тебе расскажу один очень милый анекдот. Когда я ехал из Греции в Палестину, на пароходе познакомился с одним англичанином — оригинал замечательный. Он мне дал тогда очень хороший совет: «Когда я подхожу к спальне моей жены вечером, я всегда громко стучу ногами за две комнаты, чтобы дать время уйти из спальни жены этому господину, который в это время, может быть, помогает мне в отправлении моих супружеских обязанностей... Рассудите, мне совсем неинтересно портить расположение моего духа такой встречей с милым незнакомцем, а между тем он еще может мне сделать крупную неприятность, если окажется сильнее меня...» Ха-ха! Вот истинный философ, Тонечка.

— Твой философ действительно хорош, но ты меня совсем оставляешь одну...»

Вместо «несколько времени улыбался» — «несколько времени ухмылялся».

После слов: «на выдумки природа таровата»:

«Половодов скоро захрапел на кровати, а Привалов получил свободу. Антонина Ивановна выпустила его, кутаясь от холода в ночную кофточку; на ногах шлепали маленькие туфли без задков.

— Приходи завтра утром, — прошептала она, ласкаясь к нему.

Привалов ничего не ответил на эту ласку, а только плотнее завернулся в свою шубу. Когда он вышел на улицу, голова у него горела в огне, а в ушах все еще стояли слова пьяного Половодова.

— Дурак, дурак, дурак, — шептал Привалов, проклиная свою трехмесячную любовь».

После восьмой главы части четвертой в рукописи следуют четыре главы, вошедшие в журнальный вариант романа под номерами: IX, X, XI, XII с некоторыми сокращениями. В отдельном издании романа эти главы были исключены, вследствие чего изменилась и нумерация глав.

Публикуемых ниже глав (с.524—543) в каноническом тексте нет, они имеются полностью лишь в рукописи и воспроизводятся по рукописи. Отрывки, не вошедшие в журнальный вариант, обозначены на полях буквами н/ж (нет в журнале).

Когда мы бываем больны или делаем очень большие глупости, является непреодолимое желание уйти куда-нибудь подальше, точно с переменою места мы можем избавиться и от наших недугов, и от наделанных глупостей. Привалов сделал так же, как многие другие в его положении: на другой же день после невольного подслушанного разговора Половодовых он уехал в Гарчики, точно убягая от преследовавших его позорных воспоминаний. Вторая страница любви закрылась для него так же неожиданно, как и первая, с той разницей, что не оставляла за собою даже тоски, а только осадок злой и тяжелой горечи.

Гарчики были выстроены, как строятся все русские села, то есть в одну широкую улицу, выходящую к реке задами. ж

— Когда вас ждать, Сергей Александрыч? — спрашивала Заплата, выбега-
я провожать Привалова на крыльцо. н/ж

— Право, не знаю... Может быть, и совсем не приеду.

— Ну, это уж пустяки! Никогда не поверю, чтобы молодой, образованный, богатый человек мог похоронить себя в деревне... Вы шутите!

Привалов только улыбнулся и ничего не ответил. Ипат, одетый в старую оленью доху, с кряхтением забирался в пятый раз на козла к кучеру, потому что все что-нибудь да забывал и принужден был слезать обратно. Обыкновенно Привалов ездил в Гарчики один или с Нагибиным, оставляя Ипата в Узле, а на этот раз он тащил своего верного слугу за собой, значит, действительно намеревался надолго остаться в деревне. Хиония Алексевна миглом все это сообразила, провожая глазами удалявшийся приваловский экипаж.

«Видно, с Половодихой рассорился, — решила она про себя. — По-моему, право, в ней даже и красивого ничего нет, а просто с жиру баба бесилась».

Почтенная женщина долго раздумывала, как ей принять совершившийся факт. Что Привалов разошелся с Половодовой — в этом не могло быть сомнения после его ответа; оставалось воспользоваться обстоятельствами в свою пользу, то есть, чтобы отомстить Агриппине Филиппевне. Но как воспользоваться? Не будь Привалов ее жильцом, тогда она отмазала бы всех этих Зверкиных и Половодовых в лучшем виде, случай Привалова с Антони-дой Ивановной выдавал их всех с головой; но дело в том, что, удовлетворяя свое оскорбленное самолюбие этим путем, она должна была потерять совсем Привалова, потому что его имя было слишком тесно связано со всем происшедшим в семейной жизни этих двух фамилий. Приходилось еще раз отступить, оставаясь в прежнем выжидательном положении.

«Наше от нас не уйдет», — утешала себя Заплата.

На повороте одной улицы экипаж Привалова повстречался с американскими санями Половодова; Привалов закрылся воротником шубы и отвернулся. Это ехала сама Антонида Ивановна, румяная и свежая, как сама весна, которой уже пахло кругом. Стояли последние числа марта, солнце сильно пригревало, и везде с крыш свешивались сверкавшие на солнце бордюры из ледяных сосулек. Привалов вздохнул свободнее, когда экипаж миновал предместье и город остался позади. Он долго смотрел по сторонам, где тянулся сосновый, редкий лес; в одном месте курился мыловаренный завод, в другом,

на крутом пригорке, точно грелась на солнышке чья-то прехорошенькая дача. Вся картина была еще покрыта толстым слоем снега, который здесь, за городом, совсем еще не думал таять, точно солнце всю свою теплоту сосредоточивало на оставшемся далеко позади городе с его богатыми каменными домами и широкими улицами.

До Гарчиков от Узла было с небольшим верст сто, местность быстро понижалась, переходя в широкую, волнистую, безлесную равнину. Горы оставались назади, постепенно исчезая в синевато-сером тумане. Привалов до десяти раз проехал здесь нынешней зимой, и все кругом было ему знакомо до мельчайших подробностей, притом и картина оставалась все та же: тот же снег кругом, тот же редевший по сторонам лес, сменявшийся пашнями и покосами, те же деревни и деревушки, почтовые станции и неизменная рюмка водки, пока перекладывали лошадей. Ипат, прыгая на своем облучке, глухо стонал и несколько раз громко принимался проклинать свою «треклятую жисть». Единственное развлечение, которое он себе позволял, заключалось в перебранке с ямщиком или с встречными обозами. День промелькнул незаметно, наступила ночь, до Гарчиков оставалась всего одна станция. Лежа на подушке, Привалов долго любовался бледно-голубым небом, которое было сплошь усыпано искрившимися звездами, точно алмазными блестками. Большая Медведица и Сириус горели лихорадочным, напряженным светом, матовая полоса Млечного Пути перерезывала небо широкой двоившейся рекой, унося с собой бездны миров как световую пыль. Хотелось без конца смотреть в эту бездонную глубину, полную величавой тайны.

Сигара у Привалова давно потухла, он все продолжал смотреть вверх, с тем особенным чувством, с каким безграмотные люди смотрят на раскрытую страницу мудреной книги. Он чувствовал себя таким маленьким, таким ничтожным и вместе таким жалким, вернее сказать, в его душе теперь жило несколько Приваловых, в которых он узнавал себя и которые так мало походили один на другого. Один Привалов был почти хороший человек и сделался бы, вероятно, совсем хорошим, если бы та девушка, которую он любил, не полюбила другого... Но ведь это плохое оправдание, даже совсем не оправдание, потому что другой Привалов отдался в руки пустой светской женщины и не наделал ради нее величайших глупостей только благодаря глупейшей случайности. Этот другой Привалов сам не понимал, как вышло все это, что давило теперь и мучило первого Привалова, то есть, как он мог так быстро и так низко пасть, когда еще в ушах у него оставались роковые слова объяснения Нади Бахаревой с Лоскутовым. «Страсть можно потушить только страстью», — нашептывал какой-то предательский голос, стараясь извинить второго Привалова. «Но ведь это не объяснение, — стонал первый, — эта та самая зоологическая правда, которой я не хотел и не хочу». Был еще третий Привалов, который смотрел на двух первых как-то со стороны, как на двух рассохшихся детей; этот третий никогда не думал о своем только личном счастье, об этой капле неизмеримого человеческого океана, — он думал о других, о счастье тех сотен и тысяч людей, которым он должен возвратить свой исторический долг. Да, третий Привалов был прав, потому что его счастье было неизмеримо глубже и шире первых двух. Был еще четвертый Привалов,

неопределенный и смутный, как полузабытый сон... Этого человека трудно было понять, потому что он появлялся только временами, все ломал и уничтожал, чтобы сейчас же исчезнуть; он походил на ту скрытую силу, которая заставляет кипеть воду взрывами. В нем чувствовалось что-то болезненное, капризное и вместе страшное; он мог задушить первых трех, как котят, а потом стал бы раскаиваться, плакать и рвать на себе волосы. Теперь Привалов видел всех этих двойников с поразительной ясностью, точно в экипаже сидел не он один, а все четверо вместе... Он ненавидел второго Привалова и не мог смотреть на него без чувства невольного отвращения; его возмущало то, что этот второй оправдывал себя. «Уйди от меня! Я тебя ненавижу», — стонал настоящий Привалов, напрасно стараясь выбростись из экипажа этого улыбавшегося нахала.

— Это волки, барин, — проговорил ямщик, когда Привалов застонал во сне.

— Где волки?

— А вон... в стороне бегут.

Привалов в первую минуту ничего не мог понять, где он и как попал сюда, на эту снежную равнину; но потом опомнился. Они подъезжали к Гарчикам. На широком снежном поле чернели крыши овинов, а около них двигались черные точки — это и были волки, оглашавшие мертвые окрестности своим диким воем.

Гарчики, село дворов в двести, рассыпало свои избышки по берегу бойкой речушки Лалетинки, впадавшей в Узловку в том месте, где последняя из лесистой части Башкирии — Урман — выбегала в безлесную — Елань. Вверх по реке Лалетенке, верстах в двадцати от Гарчиков, были открыты лет десять тому назад Лалетинские минеральные воды, куда каждое лето, по словам Нагибина, народу набиралось видимо-невидимо. Верстах в тридцати от Гарчиков проходил Сибирский тракт, дававший здесь Южную ветвь в «Орду», то есть в казачью Оренбургскую степь, где пшеница родилась сам-25, давая в урожайные годы с хозяйственной десятины 250—300 пудов зерна. Вообще Гарчики — село в самом центре того золотого дна, каким благодатные Башкирские равнины Зауралья являются для земледелия и скотоводства. Да при крутости и горвые места были выкрыты богатейшим слоем сибирского чернозема, который черной овчиной разлегся на сотни верст к Юго-Востоку. Об удобрении земли навозом здесь и не слыхивали. Башкиры, когда навоз начинает одолевать их жалкие деревушки, предпочитают лучше переселиться на новое место, чем очищать старое. Русские села и деревни не делают и этого, а так и живут в навозе, которым обложатся кругом, как стеной. Да уж о деревнях и говорить нечего, когда все города и городишки этой благословенной полосы совсем потонули в собственных нечистотах...»

«Конечно, немец никогда так не выстроился бы, а непременно поставил бы улицу лицом прямо к реке, у каждого дома развел бы садик, да еще по берегу выстроил бы целый бульвар. Русский человек делает как раз наоборот: во-первых, вырубит все кругом до последнего кустика, во-вторых, не обойдет ни одной лужи, чтобы не свалить в нее навоза, а об реках, озерах и прудах и говорить нечего — они у нас как-то всегда завалены навозом.   н/ж

Отсутствие леса положительно портило весь вид на село, который мог быть очень красивым, особенно откуда-нибудь с прикрутости, когда перед глазами развертывалась широкая волнистая панорама с десятком деревень, рассажавшихся по течению Узловки и Лалетинки в самом картинном беспорядке. Издали Гарчики казались грязным бурым пятном, из которого выделялась только белая церковь с зеленой крышей да новое здание земской школы. Теперь, конечно, вся картина была засыпана снегом, из-под которого деревни выделялись небольшими бугристыми наростами, пускавшими струйки синего дыма. На горизонте синел Лалетинский бор, сохранившийся здесь среди общего истребления лесов каким-то чудом; от деревни к деревне тянулись темными нитями избитые проселки, занесенные сугробами снега, из которого едва торчали покосившиеся вехи.

«Непривычный глаз эта снежная пустыня поражала самым тяжелым образом, но русский человек привык к ней с детства и не променяет эту печальную природу ни на какие красоты благословенного юга».

н/ж

Привалов долго спал на другой день, когда приехал в Гарчики. Он останавливался всегда у сельского старосты, Дорофея, пятистенная изба которого выходила к церкви. Как все избы богатых мужиков, Доронина изба делилась широкими сенями на две половины, в передней половине жил сам Дороня, а задняя, служившая для парадных случаев, была отдана Привалову. Теперь в передней избе, где на полу возились с койкой два белоголовых мальчика, на лавке сидел толстый, приземистый старик в синем суконном кафтане купеческого покроя; его круглое рябое лицо с толстым носом и маленькими серыми глазами отличалось самым добродушным выражением, переходившим в веселую улыбку каждый раз, когда старик начинал говорить. Маленькая бородка клинышком и русые кудрявые волосы едва сквозили пробивавшейся сединой. Это был тот самый Илья Гаврилыч Нагибин, который заведывал постройкой приваловской мельницы и который заслужил такое презрение со стороны Хиюнии Алексеевны как прасол.

— Спит еще? — спрашивал вполголоса хозяин дома, Дорофей, входя в избу с новой уздой в руках.

— Спит... Умаялся с дороги-то. Пусть его отдохнет... Анисья-то третий самовар наставляет, — все дожидаем, когда проснется.

— А Капитон на мельнице?

— Там... На свету ушел, надо бы прийти уж теперь.

Дороня распоясался, снял новый армяк и ушел за перегородку, где у топившейся печи гремела горшками его жена Анисья. По наружности Дороня принадлежал к новому типу молодых мужиков, которые держат себя с большой солидностью, занимают выборные должности до времени, чтобы потом вылезти в «настоящие люди». Молодое лицо Дорони, с белокурой бородой и карими глазами, глядело всегда серьезно, с тем особенным оттенком задумчивости, какая свойственна людям идеи. Говорил он не торопясь и расстановкой, улыбался редко, и то в виде особенного снисхождения, и вообще держал себя в большом «аккурате». В качестве грамотного, серьезного мужика Дороня служил второе трехлетие сельским старостой.

— Так он совсем сюда приехал? — спрашивал Дорофей, появляясь из-за перегородки в одной рубахе.

- Совсем, сказывает.
- Скушно ему в деревне покажется, — точно про себя заметил Дорофей.
- Покажется, так в город уедет.
- Известно, господское дело... Попа Савела даве встретил. Говорит, заверну барина повидать.
- Сходить проведать ужю... — проговорил Нагибин, поднимаясь с лавки!.
- Час десятый, поди, на дворе.

Старик развалистой стариковской походкой вышел в сени и на цыпочках подкрался к двери в заднюю избу. Он слегка кашлянул, не решаясь постучать.

- Это ты, Илья Гаврилыч? — послышался голос Привалова.
- Я самый....
- Зачем меня не разбудил, как я просил?
- Пожалел, Сергей Александрыч... Притомились тоже с дороги-то, оно любопытно было отдохнуть.
- Даже очень любопытно, когда до обеда проспал.
- Ничего, торопиться некуда. Все успеется, Сергей Александрыч... Прикажете насчет самоварчика?

В задней избе, около самовара, скоро собралось целое общество. Кроме Нагибина и Дорофея, сюда пришел Капитон, которого Нагибин величал «анжирером», а за ними прибрел о. Савелий. Капитон, молодой человек купеческого склада, с длинным румяным лицом и промасленными волосами, в «спинджаке» и высоких сапогах, очень походил на Дорофея и по складу характера, и особенно по манере держать себя: он больше отмалчивался, и если отвечал, то по возможности кратко. Отец Савелий являлся полной противоположностью этих двух человек; его птичье, смуглое, изрытое оспой лицо отличалось необыкновенной подвижностью, а маленькие черные как угли глаза беспокойно и насмешливо перебегали с предмета на предмет. Говорил о. Савелий грудным тенорком и постоянно смеялся неприятным, ядовитым смешком. Неприятное впечатление усиливала несчастная привычка о. Савелия носить яркие подрясники и постоянно сосать дешевые, копеечные сигарки. Дорофей и Капитон недолюбливали этого попа «Савела» и несколько раз пытались поднять его на смех, но бойкий попик не только «отъедался» от них, а еще с замечательной изворотливостью из осадного положения переходил в наступательное. Нагибин, по своему добродушию, соблюдал полнейший нейтралитет.

Изва, которую занимал Привалов, тремя небольшими окнами выходила в огород. Недавно выделанные новые стены не успели еще завянуть и сильно отдавали смолой; лавок не полагалось, а их заменяли венские стулья; печка была выложена купленными при случае изразцами. Вещи Привалова еще лежали в углу, куда их свалил вчера Ипат. У дверей, на стенке, висели тульской работы ружье Капитона и «саквожик» Нагибина. Постель Привалова стояла в углу, у самого входа и была задрапирована занавеской из дешевого линючего ситца, купленного Дорофеем «в городе», на дешевке. В переднем углу стоял новенький ломберный стол, и Анисья торжественно водрузила на нем кипевший самовар. Нагибин разливал чай; возле него сидел Капитон, заложив ногу на ногу; Дорофей стоял у притолки, а о. Савелий бежал с своей сигарой по комнате.

— Ну, так у вас, значит, никаких новостей нет? — говорил Привалов, допивая второй стакан.

— Какие у нас новости, Сергей Александрыч.. Деревня — деревня и есть, — отвечал за всех Нигибин. — Все около вашей меленки толкемся, как комары в ведро над болотом. Такую задачу задали на всю волость: всем работы по горло будет. Вечор третий венец поставили.

— А плотина?

— И плотина подвигается. Все в аккурате. До половой воды поспеть надо с плотиной управиться, а после, пожалуй, посилье не возьмет.

Сейчас после чая все отправились на строящуюся мельницу. Отец Савелий не захотел отставать от других. Место для мельницы было выбрано сейчас за селом, вверх по р. Лалетинке, где ее течение точно было сдвинуто двумя сланцевыми скалами, образовавшими что-то вроде каменных ворот. Для устройства мельничного пруда оставалось только связать эти скалы плотиной.

Теперь, издали, можно было расслышать, какая горячая работа кипела у каменных ворот. В воздухе поднимался беглый звук рубивших мерзлое, крепкое дерево топоров, точно шла жестокая перестрелка; десятки пил, с подавленным жужжанием, резали толстые бревна, вымощенные на высоких козлах. В том месте, где у будущей плотины должен был устроиться шлюз, две артели рабочих вбивали сваи; в морозном воздухе резким окриком вставал припев «Дубинушки», и эта трудовая песня широкой волной катилась по всей деревне. Весь берег реки был завален правильными квадратами только что напиленных досок, кучами бутового камня, бревнами и всевозможным мусором, какой набирается около построек. Несколько десятков крестьянских подвод стояли тут же, одни с бревнами, другие порожняком. Снег был вытопан и перемешался с комками грязи, стружками и клочьями сена, которое оставалось после кормежки отдохнувших лошадей. На левом берегу вырос громадный сарай для материалов, «боявшихся» воды; в другом стоял совсем готовый бревенчатый сруб главного корпуса мельницы, а рядом с ним — другой, значительно меньше по величине. Этот последний предназначался для маленького флигелька, в котором Привалов думал жить сам.

Глядя на эту картину кипевшей работы, Привалов почувствовал приятное оживление; его заветная мечта, наконец, получала свое реальное осуществление пока хоть в этой беспорядочной массе камня, дерева и трудовой суетни сотен рабочих.

— Вон как поворачивают, только шум стоит... — умилился Нагибин. — Сначала осмотрели плотину, где человек пятьдесят женщин производили затолчку свежей, разогретой глины. Приходилось, в видах скорейшей постройки, нагревать мерзлую землю кострами, а потом уже свозить ее на плотину, где ее утрамбовывали правильными слоями. Нижняя часть шлюза была почти совсем готова: положен был уже мертвый брус под вешняки, то есть запоры, которые отворяются только весной, в полую воду; теперь заколачивали сваи под слив, при помощи которого ненужная вода будет выпускаться из пруда. Рядом строился водяной ларь, из которого вода будет падать прямо на водяное колесо — главный двигатель всего мельничного механизма.

- А не размоет нашу плотину? — спрашивал Привалов, тыкая землю палкой.
— Ничего, захряснет, Сергей Александрыч, — отвечал Нагибин.

Нижняя часть мельничного корпуса была готова совсем; на нее теперь ставили из толстых бревен первые венцы. Две вятских артели работали дружно и споро, как умеют работать только одни вятские плотники. Толстый артельщик в гарусной цветной опояске весело поздоровался о Приваловым и толково объяснил весь ход работ, приговаривая к каждому слову поговорку «баит».

— А флигелек скоро мне поставите? — спрашивал Привалов разбитного подрядчика.

— Сгоношим, баит, живой рукой. Ну, ребятки, помешивай...

— К осени все поспеет?

— Управимся, баит. Все наладим...

Молчаливый Капитон как-то неохотно показывал работы, точно это ему было неприятно. Зато старик Нагибин выбивался из последних сил, чтобы показать все дело, «как на ладонке». Отец Савелий и Дорофей изображали публику, глядя на все с безучастием совершенно чужих людей.

— А вы как находите постройку? — обратился Привалов к о. Савелию.

— Ничего... — засмеялся о. Савелий, хитро моргая своими черными глазами. — Вот вам что скажет полая вода...

— Вы думаете, что пронесет плотину?

— Может быть, и не пронесет... Я ведь так сказал. Отец Савелий был большой чудак и любил выражаться иносказательно, так что с первого раза трудно было угадать, говорит он серьезно или шутит.

Привалов остался доволен работой. Если что-нибудь неожиданно не нарушит хода постройки, мельница поспеет к осени, как раз к тому времени, когда хлеб будет снят с поля. Эта последняя мысль доставляла Привалову большое удовольствие, и он сегодня почувствовал себя особенно хорошо, как человек у которого совесть спокойна. Вечером он долго просматривал свои планы и сметы построек; расходы, как это случается при всех постройках, несколько превышали первоначальную раскладку, но получавшаяся разница не составляла пока особенно чувствительной цифры.

Нагибин наблюдал все время за занятиями Привалова и несколько раз принимался вздыхать и крестить рот.

— Что так тяжело вздыхаешь, Илья Гаврилыч? — спрашивал Привалов, отрываясь от работы.

— Да так-с... Разное такое на ум приходит, ну, и вздыхаешь. Василий-то Назарыч, сказывал даве Ипат, уехал на прииски с Шелеховым?

— Да, уехал.

— Сказывают, больно старик скудался насчет денег-то. Видно, где-нибудь добыл-таки, ежели на прииски угнал.

— Вероятно, добыл.

Привалова неприятно кольнула мысль, что он даже не знал, где и как достал денег старик Бахарев. Он простился с ним мельком и напрашиваться на некоторые щекотливые объяснения не имел никакого права.

ж

С Нагибиным Привалов познакомился по рекомендации Бахарева. Старик с первого раза понравился Привалову и принес ему много пользы, потому что сам, в качестве хлебного торговца, знал хлебную торговлю во всех подробностях. Жил Нагибин в Узле, на краю города, в маленьком домике, где все до последнего гвоздя было пропитано скромным, но крепким довольством, как умеют жить торговцы средней руки. В низенькой уютной «комнатке», за неизменно кипевшим самоваром, было проведено много часов в разговорах на одну и ту же тему — о хлебной торговле. Нагибин прошел тяжелую школу, начав с «мальчика» у такого же прасола, каким впоследствии сделался сам. Хлебные уезды, бойкие торговые места, где сосредоточивалась хлебная торговля, все распорядки, обычаи, секреты и мелкие и крупные плутни хлебной торговли Нагибину были известны как свои пять пальцев — недаром он сумел сколотить себе кругленький капиталчик про черный день. Конечно, он не поднимался над уровнем других прасолов ни оригинальностью своих предприятий, ни широтой замыслов, но в нем было незаменимое, золотое качество; это был глубоко честный человек, честный не головной честностью, а по своей прямой натуре.

ж

Такие люди попадают в во всех слоях общества, а в купечестве они не представляют особенно редких исключений, хотя за русскими купцами и установилась репутация ответных живодеров.

н/ж

Кроме того, Нагибин отличался какой-то детской застенчивостью и точно стыдился своего богатства, нажитого многолетним трудом. Он и жил так, как живут мелкие прасолы, хотя смело мог записаться во вторую и даже в первую гильдию.

— Нет, уж это нам не к лицу, гильдия-то, — скромно отвечал Нагибин, когда Привалов заговорил о гильдии. — Прожили, слава Богу, век, теперь уж о другом надо думать-то...

— О чем же о другом?

— Как о чем? О грехах своих... Да! А вы как бы думали? Сколь ни живи, сколь ни греши, а от своего конца не уйдешь. Скажется совесть-то, всегда скажется! Все припомнишь, до ниточки: где покривил душой, где обманул, где обидел... Вот взять хоть меня: кажется, уж ничем не обижен от Господа Бога, всем доволен, а как раздумаешься, как раздумаешься о своей-то неправде — и конца нет!

В Нагибине Привалов встретил первого и единственного человека, который открыто говорил, что он во всех отношениях счастливый человек и что ему решительно больше ничего не нужно, кроме «души». С этой последней точки зрения Нагибин и посмотрел на все планы Привалова. Они взаимно поняли друг друга, хотя никаких особенно чувствительных объяснений не происходило и все разговоры сводились обыкновенно на деловую почву. Ведь Привалов тоже заботился о «душе», хотя это и происходило в другой форме и высказывалось совсем другим языком.

С Нагибиным Привалов ездил несколько раз в Зауралье, где они осмотрели до десятка разных мест под мельницу, пока не остановились на Гарчиках. Пре-

имущество последнего места заключалось, раз, в том, что р. Лалетинка представляла все удобства для постройки мельницы, — место было точно «на заказ», как говорил Нагибин; второе — Гарчики были расположены в центре хлебных уездов, и в-третьих, предвиделась в отдаленном будущем возможность, что именно через эти места когда-нибудь пройдет линия сибирской железной дороги. «Уж местечко — одно слово, — говорил Нагибин, — и думать, так не придумать лучше»...

Когда место было подыскано, вопрос оставался за строителем предполагаемой мельницы. Привалов уже обращался к двум-трем ученым техникам, но не решался пока, на ком ему остановиться окончательно.

— Ваши анжинеры, обнаковенно, всему обучены, — уклончиво говорил Нагибин. — Это уж точно што... Ж

Ну, известно, за битого двух небитых дают. А только я не советовал бы вам, Сергей Александрыч, с этими самыми анжинерами дело иметь: пожалуй, не сварить каши. Вон помещик Иван Павлыч Трубин тоже налаживал этак-то мельницу, ну, анжинер, и всякое прочее. Денег этих самых прорву усадили, а как пустили молот — она на все четыре ноги и захромала. Вот оно, грех какой вышел!

— Как же быть? н/ж

— А есть, Сергей Александрыч, у меня человек один на примете. Так он, из мастеровых. Нездешний. Может, про Никиту Евграфыча слыхивали? Ну, из наших мучников, богатый. Так, Середкин-то надумал строить себе мельницу, да этого самого человека и вывез на нашу сторону. Уж где он его отыскал — не могу вам сказать. Только мельницу они оборудовали на все руки: загляденье, а не мельница.

— Что же, я не прочь, пригласим человека, Илья Гаврилыч, — соглашался Привалов.

— Только дело-то вот в чем, — объяснял Нагибин, — этот человек-от — мещанин и как есть совсем неграмотный... Ей-богу!... Как есть темный человек.

— Как же он строил мельницу? Ведь нужно и план составить, и смету, и проекты.

— Вот тут задача вся: без всяких плантов строит. Право... Память у него — как топором зарубит каждое слово. Вам это сумлительно покажется, так вы спросите хоть кого из узловских мучников про середкинскую мельницу.

При всем желании поверить Нагибину Привалов становился в тупик перед безграмотностью строителя середкинской мельницы.

— А то мы еще лучше вот что с вами сделаем, — предлагал Нагибин, — съездимте как-нибудь на середкинскую мельницу... Ей-богу! Вернее будет, когда своими глазами все увидите да и с человеком поговорите. Он теперь у Середкина всей мельницей пятый год заправляет, две тысячи жалованья берет.

Этот «человечек» и был знакомый уже нам Капитон Телкин. По наведенным справкам относительно Телкина слова Нагибина оправдались вполне. Этот сародок сразу приобрел громкую репутацию в среде хлебных тузов.

«Середкинская мельница работала гораздо лучше других мельниц, построенных учеными техниками».

Чтобы окончательно проверить все собранные сведения, Привалов нарочно съездил на середкинскую мельницу, где и познакомился с самим Телкиным. Мельница понравилась Привалову, но сам самородок произвел на него на первый раз неопределенное впечатление. Только познакомившись с Телкиным ближе, Привалов привык к этой сосредоточенной, скрытной натуре. Мельничное дело самородок знал в совершенстве, в чем Привалов мог убедиться из деловых разговоров с ним. После некоторого колебания Привалов согласился во всем довериться Телкину, тем более, что хозяйственный надзор за постройкой оставался в руках такого верного человека, каким был Нагибин.

— Уж будьте покойны, в лучшем виде все оборудуем, — уверял Привалова старик. — Оно, конечно, Капитон-то неразговорчив, словесности в нем нет настоящей, да зато голова-то у него золотая. Пусть его молчит, лишь дело бы свое сделал.. Другой наговорит с три короба, а как до дела — не я, слышь!...

Обстоятельства, сложившиеся для Привалова в такую неожиданную комбинацию, оторвали его от дела на несколько месяцев, когда он ни разу не успел заглянуть на свою мельницу, откладывая поездку, за разными предложениями, день за днем. Зато теперь он вполне мог наверстать столько потраченного даром времени. К его счастью, он вырвался на мельницу как раз в самый критический момент, когда начиналась горячая постройка. Раньше шли только подготовительные работы, а теперь уже начиналось настоящее горячее дело, требовавшее хозяйского глаза. Привалов был рад этой деловой атмосфере, в которую он мог уйти с головой, оставив далеко позади все свои тяжелые воспоминания. Эта встреча с Нагибиным, самородком, Дорофеем и попом Савелием уже сразу как-то встряхнула его, точно он проснулся от какого-то смутного сна. ж

«Только поведение Нагибина несколько беспокоило Привалова: добрый старик чутьем угадал, что с барином стряслось что-то неладное, и часто глядел на него таким испытующим взглядом, напрасно стараясь разгадать истину. Эти взгляды заставляли Привалова съеживаться, и он каждый раз испытывал самое неприятное чувство, точно ему бередали еще не закрывшуюся, свежую рану.

— Что ты так на меня смотришь? — спросил однажды Привалов.

Нагибин смутился и только махнул рукой.

— Так, Сергей Александрыч...

— Однако?

— Хотел я вас спросить, да не посмел... Поп Савел здря чего-нибудь сболтнул. Ему ведь што: слово-то в зубах не завязнет, вот и мелет.

— Что он вам такое сказал?

— Да, право, совестно даже и вымолвить-то, — замялся старик. — Совсем дело-то такое, что ни к чему его даже не применишь.

После нескольких тяжелых вздохов Нагибин наконец проговорил:

— Уж извините, Сергей Александрыч, за нашу простоту, а я вас спрошу вот о чем... Это все поп Савел, ей-богу! Типун ему на язык. Сказывает, будто у Бахаревых-то неладно в дому?

— То есть как неладно?

— Да про дочь-то, про старшенькую поп неладно сказывает. Говорит, ушла от отца...

— Я хорошенько ничего не знаю, но слышал об этом. Вернее всего, что Надежда Васильевна уехала жить на заводы, к брату.

— Так-с... А чего бы, кажись, ей уехать-то? Уж ей ли ровню не житье было у тятеньки... — Нагибин не решался договаривать до конца и вопросительно смотрел на Привалова.

— Знаете, Илья Гаврилыч, — заговорил Привалов, — трудно судить чужие семейные дела... Если Надежда Васильевна и ушла, так, наверно, недаром. Вероятно, случилось что-нибудь очень серьезное, что могло ее заставить бросить отцовский дом. Я знаю только то, что она очень серьезная девушка, такая девушка, каких мало...

— Да уж что говорить: одно слово, бахаревская прерода... Сказывают, больно Василий-то Назарыч убивается об дочери. Легкое ли место, на старости лет да такой случай. Хоть до кого бы доведись... Вчуже сердце кровью обливается. В нашем-то городе первая невеста была. Ну, конечно, у Василья Назарыча дела маненько позапутались, да только это все пройдет, стоит ему годик приисками своими заняться. Неужто уж и жениха не нашлось бы такой крале, как Надежда Васильевна.

— Тут не в женихе дело, Илья Гаврилыч, — засмеялся Привалов.

Нагибин тяжело вздохнул и замолчал. Очевидно, он знал все и только не решался досказать своей мысли до конца.

н/ж

(XI)

«В наше смутное, тяжелое время деревня пользуется особенными симпатиями интеллигентного общества. Создалась какая-то идеализированная деревня как самое верное убежище от всяческих зол и напастей, заедающей нас цивилизации. Жизнь деревни и крестьянского мира рисовалась в самых радужных красках, как естественный противовес опостылому житью больших городов. В деревне искали спасения и исцеления все те, кто был помят жизнью и потерял веру в людей. Литература повторяла только то, что наболело в обществе и просило выхода; она отражала в себе все ошибки и увлечения помятых и разочарованных людей. Привалов принадлежал к этой последней категории и сильно верил в деревню, в эту все животворившую силу, где новый русский человек должен получить свое обновление, стряхнув с себя «ветхого» человека.

Действительность, настоящая, реальная деревня, конечно, принесла с собой целый ряд разочарований. Получалось в результате что-то совершенно новое, именно то, чего, кажется, уж никак бы нельзя было ожидать. Привалов никак не мог понять многих явлений той жизни, которая раскрывалась пред ним шаг за шагом, точно повертывался какой-то громадный вал, для одного оборота которого требуется целый мужицкий год. Лица, сцены, картины, типы и эпизоды складывались в пеструю амальгаму, которая для постороннего человека могла показаться самым скучным рядом однообразных крестьянских дней, походивших друг на друга, как монеты одного чекана. Но для Привалова из-за этой амальгамы постепенно выступали те основы, какими по преимуществу держалась эта жизнь. Начать с того, что Гарчики, как все Зауралье, не

видало крепостного права в том виде, в каком оно процветало в России; затем, соседство с Сибирью кляло на крестьянскую жизнь совершенно особенный отпечаток. Наконец, богатая почва, близость Сибирского тракта, разные побочные заработки — все это, вместе взятое, отражалось на жизни Гарчиков совершенно особенным образом. Даже такая, по-видимому пустая вещь, как соседство Лалетинских вод, и то вносило в крестьянскую среду развещающую струйку легкого житья около господ, где оборотистый, ловкий человек мог встать окончательно «на точку».

— Это ведь не расейская деревня, Сергей Александрыч, — объяснял Нагибин, — там народ смиренный, трудолюбивый. Наделы у мужиков кошачьи, да и земля-то — смотреть не на что, а здешний мужик пошел на сибирский образец... Что ему — земли невпроворот, своей не хватило — пошел в башкырах пахать, мало ли кто каким промыслом может займаться — ступай на все четыре стороны. Этакого мужика не скоро возьмешь, только уж когда в неурожайный год, ну, тогда совсем другое дело: некуда ему деваться...

Освобождение от крепостной зависимости здесь не могло иметь того значения, какое имело в России, потому что здесь не было самого крепостного права. Народ вырос на воле, окреп на хорошей земле и создал совершенно особенный тип смышленного зауральского мужика, родного брата коренному хитрому сибиряку. Но если отмена крепостного права сама по себе ничем особенным не отразилась в жизни Зауралья, зато последствия этой реформы произвели в крестьянской жизни коренной переворот. Прежде всего, конечно, сказалось то экономическое давление, которым потянуло с Расеи; злобы крестьянской жизни всплыли как масло на воде, и смутно заговорила забота о завтрашнем дне. Таким образом, проснулись и хорошие, и дурные инстинкты, дав широкие изломы и трещины в крестьянской жизни по всем направлениям. Торопливо работали тысячи невидимых причин, создавая новые формы и условия жизни. Деревня точно проснулась, почувствовав на своем теле тысячу тех нитей, какими она была привязана к городу.

Разлагающие элементы вторглись в деревенскую жизнь широкой волной и повели ожесточенную войну с ее созидающими элементами, выхватывая свои жертвы среди самых талантливых и способных людей. Деревня представляла из себя лабораторию, где шла громадная работа всеобщего перестраивания и созидания новых форм и условий жизни. Эта перестройка коснулась всего, начиная с самого фундамента, то есть экономического положения. Семейные отношения и общественные переживали болезненный период: отношения старших членов семьи к младшим, положение женщины как снохи, распадение большесемейных домов, разделы, распределение общественной тяготы — везде и всюду чувствовалось присутствие той новой силы, которая все ломала на своем пути и созидала новое медленным, болезненным процессом. Впрочем, Привалову приходилось сталкиваться только с гарчиковскими крестьянами, а они находились под давлением исключительных условий: развращающее влияние производил проходивший недалеко тракт, а затем — соседство Лалетинских вод, где мужики впервые отведали легкого житья около господ, которые не драли мужика с оброка, а сами платили ему тяжелую подать за малейшую услугу.

— Избаловался народ около этих вод, — объяснял Нагибин, — потому наедут господа и платят дикую пошлину за всякий пустяк. А дикая-то копейка мужику впрок не пойдет! Одно — заработил он двугривенный горбом, другое — ежели этот двугривенный задарма ему попал.

Соответственно новым условиям новой жизни народился и тип мужика. Таким новым мужиком был Дороня. н/ж

Дороня был типом «нового мужика». Сосредоточенная и расчетливая натура до крайности, он ждал только подходящего случая, чтобы «стать на настоящую точку». Это была та сила, которая страшнее всяких других зол, какие сыпались на деревню извне. Свое, домашнее зло, как скрытая болезнь, в сто раз хуже наружных язв, которые у всех на виду. ж

«Наблюдая Дороню, с его чисто мужицкой политикой, которая не знала ни поворота, ни пощады, Привалов убедился, что его задача оказалась значительно сложнее, чем он предполагал. С внешним врагом можно было справиться, это была осуществимая задача, но как быть с этим, невидимым, тайным врагом, которому имя — легион... Являлось невольное сомнение за успех всего дела пред этой крепкой стеной». н/ж

Городской человек, во всяком случае, наживается и рвет куши только при благоприятных обстоятельствах: нет сплоченной организации, нет системы. Даже такие дельцы, как Ляховский, при всей своей последовательности, ничего не стоили рядом с тысячами таких «становящихся на точку» мужиков, каким являлся Дороня. Посторонний человек сорвал свое, взял куш и ушел, а свой человек всегда останется дома, завяжет всю деревню узлом и будет бесконечно сосать своего брата мужика. ж

«Стоило десятку таких Дороней соединиться воедино, чтобы погубить навсегда такое предприятие, какое начинал теперь Привалов». н/ж

Интересно было наблюдать Дороню, каким он являлся в домашней жизни, где все отличительные черты этого нового типа проявлялись с особенной рельефностью. Сам он мало работал черную крестьянскую работу, занимаясь разными «нужными» человечками, то есть бедными мужиками, которые отработывали десятицей полученные от Дорони в трудную минуту пятаки. Но от крестьянской работы Дороня все-таки не отставал, потому что земля еще держала его, как она держит всякого крестьянина, хотя он, видимо, тяготился своим крестьянством, которое совсем не отвечало роившимся в его голове планам. Привалов часто пробовал разговориться с Дороней, который обладал замечательной способностью запутывать свою мысль до бессмыслицы, точно он плел какое-то мудреное кружево. С языка Дорони не сходили ничего не выражавшие словечки, которыми он отделивался во всех затруднительных случаях: «пожалуй», «оно похоже» и т. д. Разговоры с Дороней кончались обыкновенно ничем. Тем не менее, Привалов не мог не чувствовать, что к нему лично Дороня относится с специально-мужицким презрением, как к совсем несуразному барину, который захотел тягаться с мужиком, то есть в данном случае захотел помешать ему, Дороне, стать на точку.

— Это прежде, оно точно, деревенские мужики были даже очень просты, — резонировал Нагибин. — А по нынешним временам... хе-хе!.. В сапожках деревня-то похаживает!.. Да-с.. Это только одна видимость, что он мужик, а

расковырай-ка его, да у него в башке-то узоры нарисованы, что только наподи. Тут нонче и по деревням живут.

— А кто испортил мужиков? — спрашивал Привалов.

— Известно, кто: мы же, грешные... Наша-то, купеческая, наука — известная: не любим где плохо лежит, — вот мужик и остребенился по деревням. Недалеко ходить, взять хоть Дорону: разве это мужик, ежели разобрать по настоящему? **ж**

«Чем дальше вглядывался Привалов в настоящую деревенскую жизнь, тем чаще на него нападали минуты сомнения. Успех дела зависел от тысячи таких условий, существование которых невозможно было даже предвидеть. Главное, колебалась вера в того мужика, для которого все делалось. Конечно, Привалов и раньше не рассчитывал на идеальных мужиков, но все-таки действительность на каждом шагу обдавала его холодом. Обиднее всего для Привалова было то, что сами крестьяне преклонялись пред кулаками и мироедами, — ругали и преклонялись. Следовательно, его дело должно было встретить пассивный отпор в самой крестьянской среде, на которую он больше всего рассчитывал в этом случае. Таким образом, из-под ног уходила почва и терялась последняя точка опоры. Все предприятие казалось повешенным в воздухе, а мельница — детской игрушкой; стоило дунуть первому противному ветерку — и все кругом превратится в развалину.

В такие тяжелые минуты Привалов обыкновенно отправлялся к попу Савелу». **н/ж**

Нередко Привалов навещал попа Савела. Поповский домик стоял напротив церкви и внутри представлял из себя ряд совершенно пустых комнат. Поп Савел жил, как птица божия, и каждый вечер с своей злой улыбкой говорил: «Вот, слава Богу, и день прошел..» Он окончил духовную семинарию блестящим образом, но в жизни ему страшно не повезло начиная с того, что жена у него умерла через год, а потом и пошла исключительная жизнь, какую живут молодые попы-вдовцы. Когда-то веселый и беззаботный, магистр богословия быстро катился по той наклонной плоскости, которая приводит таких академиков-неудачников в сельское захолустье, где они обыкновенно кончают чисто поповским запоем. Поп Савел быстро шел по этой избитой дорожке: служил профессором семинарии, потом был городским модным священником, потом смотрителем духовного училища, — везде умел со всеми рассориться и кончил тем, что махнул на все рукой, убрался в деревенскую глушь — искать обновления среди «чистых сердцем». Но и в деревне поп Савел ни с кем не мог поладить: сельские попы ненавидели его за непрактичность, потому что Савел не хотел унижать себя сборами с крестьян и прекратил плату за требы: богатые мужики недолюбливали Савела за его непокладистость и «вострый язык», рядовые мужики не понимали своего пастыря и относились к нему с крайним недоверием. **ж**

«В самом деле, какой же этот поп, который не собирает ни руги, ни осеннего, не клянчит у баб яиц и сметаны, а у мужиков не выпрашивает «овсеца», «пшенички», «мучицы» и т.п. Одним словом, выходил совсем какой-то несуразный поп, к которому никак не применишься». **н/ж**

Что существовать чем-нибудь, поп Савел рассчитывал на хозяйство, потому что причту отведено было в Гарчиках очень порядочное количество

отличной земли. Но и здесь он потерпел полнейшее фиаско, потому что в этой богатой черноземной полосе работать чужими руками почти невозможно. Мужика в страдную пору не купишь ни за какие деньги. Оставалось или нанимать для обработки земли башкир, или держать «строшных», или вести дело помочами, как его ведут другие попы. Хозяиничать помочами поп Савел не хотел, потому что опять нужно всем кланяться и ставить себя в известную экономическую и нравственную зависимость от своих прихожан; нанимать «строшных», то есть годовых рабочих на срок, не было никакого расчета, — таким «строшным» в течение восьмимесячной зимы решительно нечего было делать в поповском доме, где сам поп Савел умирал от бездействия. Оставались башкиры. Они исправно являлись каждую зиму к чудаку попу, выбирали задатки и исчезали; на следующий год являлись другие и проделывали с «бачкой» точно такую же штуку. В конце концов, поп Савел махнул рукой на свое хозяйство, распродал лошадей и весь хозяйственный скарб и зажил отчаянной холостой жизнью, как отпетый бурсак, которому все нипочем. В поповском доме, в общечеловеческом смысле, была обитаема только одна комната, где стояли продавленный диван, служивший кроватью, несколько стульев, стол перед диваном и комод без замков. В других комнатах царствовала библейская мерзость запустения.

Внешний человек, человек для мира, в попе Савеле умер, но не так легко было похоронить внутреннего человека. Даже водка здесь была бессильна, особенно в бесконечные зимние вечера, когда поп Савел оставался в своем доме, как крыса в пустой церкви. Для времяпровождения, вернее — для убийства времени, поп Савел обложился классиками и коротал целые ночи за греческими и латинскими авторами. Привычка — великое дело, и даже такая жизнь мало-помалу затянула попу Савела: он вошел во вкус своего одиночества и почти не скучал.

Вот к этому-то попу Савелу Привалов и ходил в минуты уныния, чтобы убить время и немного развлечься. Поп Савел был настолько обязателен, что уступал гостю половину дивана и выставял графин водки.

— И пити-вмерти, и не пити-вмерти, так лучше ж питя вмерти, — говорил поп Савел каждый раз, наливая рюмки.

Разговоры обыкновенно вертелись около мельницы и деревни.

— Прогорите вы со своей мельницей, — говорил поп Савел, хлопая рюмку за рюжкой.

— Отчего так?

— Совсем не господское дело... пороку не хватит, выдержки. Вы вот думаете, что построили мельницу, стала она вам молоть по пятисот мешков в сутки — и дело в шляпе! Как бы не так!. Дело в том, чтобы завести в хозяйстве известный дух; тогда хоть на ручных жерновах мелите — все сойдет. Я вот на этом самом и прогорел...

— То есть какой же такой дух заводить?

— Какой дух? А вот такой же... Теперь вы к мужику идете со всякими хорошими мыслями, а он к вам задом поворачивается и будет надувать на каждом шагу. Это уж верно: чем вы лучше к мужику, тем он хуже к вам. Я это на собственной своей шкуре испытал... Да-с!.. А нужно так делать, как кулаки:

драть с мужика три шкуры, тогда он к вам со всяким почтением. Дескать, обстоятельный барин! Ей-богу... Посмотрите, как мужики относятся к мироедам. Ведь, в сущности, ничем, кажется, необъяснимое противоречие: люди могут уважать человека только тогда, когда он с них всю шкуру спустит, — а между тем это противоречие объясняется самым простым образом, если мы посмотрим на каждого мужика, как на того же кулака, только в возможности. Оно так и есть: каждый мужик — кулак в душе и потому уважает всякого кулака, уважает потому, что сам ему завидует.

— Мы и постараемся воспользоваться этими кулацкими стремлениями мужика...

— Ну, это дудки!.. Благодарности захотите от мужика, признательности... Душа не поворотится сдирать кожу с живого человека. Для этого нужно быть Дороней... Вот человек-то уродился, — ему и книги в руки! Как он на вашу мельницу косится, — как черт на ладан... Ха-ха!.. Не по губе она ему пришлась. Бойтся, что «на точку» помешает ему стать. Я как-то нахваливаю ему вашу мельницу, а он: «Барская денежка дика...» Понимаете?

В этих разговорах время бежало незаметно, и так же незаметно выпивалась водка. Толковали о мельнице, о хлебной торговле, о насаждении кустарных промыслов, о профессиональных школах. Поп Савел то восхищался планами Привалова, то впадал в свое ожесточенное настроение духа и начинал все критиковать и осмеивать. Иногда разговор заходил о литературе или общественных делах. И здесь, как везде, поп Савел видел только одни отрицательные стороны.

— Значит, жить вообще не стоит? — спрашивал Привалов.

— То есть как вам сказать... Если разобрать, так не стоит, а болтаемся, потому что силы воли не хватает умереть.

На сцену выступала опять философия Шопенгауэра, но в руках попа Савела она получала самый ядовитый, иронический характер. Это было не научное отчаяние, а крик человека, которого живьем замуровали в подземелье.

Странно, что Привалову эти беседы теперь доставляли удовольствие, точно утишали ту боль, какая начинала сосать его. Самобичевание попа Савела отвечало его внутреннему настроению. Он уходил из поповского дома как-то спокойнее и спал каждый раз крепким оном. Это сближение Привалова с попом Савелом не нравилось Нагибину. Старик начинал коситься. Его смущало больше всего то, что Привалов приходил от попа всегда навеселе, с красными глазами.

— Ох, греха бы не вышло! — думал про себя Нагибин. — Совсем обошел его этот Савел.

В деревне, как на пароходе, люди сближаются особенно скоро. Присутствие Нагибина скоро сделалось для Привалова необходимостью. Когда старику случалось уезжать на несколько дней в город, он скучал о нем. Да и нельзя было не скучать о таком славном, покладистом старике, который всегда дышал неизменным добродушием и всегда готов был слушать Привалова сколько угодно. По вечерам за простывшими стаканами чая велись тихие беседы о строившейся мельнице и будущей хлебной торговле. Привалов поверял старику свои задушевные мысли и планы о том, как около мельницы вырастут — образцовая сельскохозяйственная ферма, скотный двор, кустарные мастерские и т. д.

— Дай бог, дай бог! — соглашался Нагибин. — Только бы вот нам меленку-то нашу наладить... Оно уж около меленки-то все бы и образовалось как чему следует. Эх, как бы нам поспеть к сентябрю-то, к самому умолоту! Уйму денег загребли бы, Сергей Александрыч. И мужику легче не в пример было бы: все же ближе везти хлеб к нам, чем на другие прочие мельницы. Ну, если ваша такая милость будет, копеечкой-другой подешевле можно пустить супротив других...

Ж

— Пустим дешевле, Илья Гаврилыч.

«— А насчет магазинов как?

— В Узле устроим.

— Это в вашем доме, где Ляховский живет? Это даже превосходно... Чего такому домине задарма стоять! Ляховский-то наладил себе такие палаты, что твоей князь. А у вас места-то множество, ежели эту моленную да ранжереи повернуть на магазины.

— Все повернем. Можно даже и флигеля прихватить, где теперь у Ляховского контора.

— Нет, это непорядок, Сергей Александрыч, нам ведь тоже какую-нибудь конторку понадобится, а она, глядишь, уже готова... Как же-с!

— Там увидим.

— А вы ничего не говорили Ляховскому-то?

— Нет... Но он, вероятно, сам догадается.

— Обнаковенно догадается — этакой человек, да не догадаться. Помилуй Бог!»

н/ж

Телкин и Дороня держались поодаль. Привалов не мог отделаться от тяжелого, неловкого чувства в их присутствии; их молчание давило его и стесняло. Впрочем, они и между собой разговаривали мало, какими-то полусловами, хотя отлично понимали друг друга. В их глазах Привалов по-прежнему оставался чудаком-баринном, который сам не знает, куда ему деваться с отцовскими денежками. Даже Анисья — и та смотрела на своего жильца немного сверху, хотя сама по себе была самая забитая бабенка, работавшая как двужильная лошадь. Можно было только удивляться, как она еще выносила свою каторжную жизнь. Вставала она на свету, то есть а два часа утра, и колотилась вплоть до десяти часов вечера, когда все ложились спать. Она успевала убрать скотину, повернуть все хозяйство, настряпать, прибрать и накормить ребятишек и еще находила время услужить барину с другими жильцами. Это было какое-то живое колесо, не знавшее усталости, — живое воплощение бабьей крестьянской доли. Иногда, впрочем, выбившись из сил, Анисья садилась куда-нибудь на крылечко с пряжей и тянула грустную, монотонную песню, походившую на причитание по покойнике.

— Тяжело тебе достается, Анисья? — спрашивал Привалов.

— Какое тяжело, барин... Какая это наша работа... только время задарма тратим. Вот уж лето настанет, — тут наша-то бабья мука мученическая будет, а это што...

— Прежде-то тебе легче было, когда одной семьей со стариками жила?

— Нет, тяжелыше не в пример... Теперь я знаю хоть то, што на себя роблю, а там на других. У себя-то я сама большая, сама маленькая, окромя мужа,

никто пальцем не смеет шевельнуть, как за свекром жила, так день-то денской по дому колесом ходишь, ночь с ребятами маешься, а тут тебя еще золовка да свекровь походя точат.

Ж

(XII)

Жизнь в деревне тянулась изо дня в день, с тем убийственным однообразием, как она тянется только в деревне. Так где-нибудь в тихом месте сочится вода, падая капля за каплей. В течение зимы все интересы сосредоточивались около приваловской мельницы, которая давала работу сотням людей. Появление самого хозяина на время оживило картину, но потом все опять вошло в свою колею.

Ж

«Проводить целые дни на постройке скоро вошло для Привалова в привычку, даже в потребность, так что когда не было работы — по праздникам и воскресеньям — его одолевала отчаянная скука. Он обыкновенно уходил к попу Савелу, куда его тянуло с непреодолимой силой. Работы подвигались быстро. Мельничий корпус рос по дням; около него был поставлен деревянный флигелек. Последняя постройка особенно занимала Привалова. Флигелек выходил тремя окнами прямо на реку; пред окнами предполагался маленький палисадник. Вход был со двора, где задние и передние половины постройки соединялись небольшой террасой. Снаружи все отделялось в русском вкусе с деревянными прорезями и пестрой окраской. Привалов нарисовал во всех подробностях как наружный вид своего будущего жилища, так и его внутреннюю обстановку. Кажется, не было забыто ничего, и даже поп Савел полюбовался раскрашенным эскизом игрушки — флигелька. Для себя Привалов назначил заднюю половину, где у него предполагались рабочий кабинет и спальня.

- А в передней кто будет жить?— спрашивал поп Савел, разглядывая план.
- Пока так остается... Еще не знаю хорошенько.
- Тут у вас оставлено, кажется, место для роаяля.
- Да.
- Вы, значит, умеете играть?
- Нет.
- Для гостей устраиваете...
- Нет, для себя.

Поп Савел только пожал плечами, ничего не понимая в этой странной затее. Но Привалов был доволен своим планом и подолгу просиживал над ним, убавляя что-нибудь в одном месте и прибавляя в другом. Иногда он улыбался и тер себе лоб, стараясь придумать что-нибудь пооригинальнее. Эта работа отнимала много времени по вечерам, и Привалов думал часто о ней, когда ходил около строившейся мельницы.

н/ж

Апрель-месяц стоял в половине; земля зачернела проталинами, хлынули по рытвинам ручьи, и по поднизям засвежела первая весенняя вода, перемешанная с почерневшим снегом и землей.

Ж

«Дорога испортилась и покрылась «черепом», как называли крестьяне остаток таявшего, утоптанного на дороге снега, слившегося под влиянием весенней

теплоты в тонкий слой льда; этот «череп» днем таял и ломался под ногами лошадей, как сухарь, а ночью стыл и твердел, как камень. Нынешняя весна, как и Пасха, вышла поздняя: снега были глубоки — верная примета урожая. Лед на Узловке и Лалетинке давно почернел и покрылся наледями; вода прибывала, но река не вскрывалась, потому что не тронулся еще снег на Урале. Деревня в ожидании Еремея-запрягальника, то есть, первого мая, когда выезжали пахать, — оживилась, и везде совершалось деятельное приготовление к весенним работам. Прилетели скворцы, показались на «сорок мучеников» жаворонки, а вместе с ними проснулись тысячи крестьянских нужд и забот, тесно связанных с летней страдой. Все готовились точно к встрече какого-то великого праздни-

н/ж

Работы по устройству плотины для мельницы были кончены, и ждали только первого вала, который разобьет лед на реке и пронесет самую тальную воду; корпус мельницы тоже был готов и даже покрыт железной крышей. Оставалось докончить внутреннюю отделку и поставить мельничный механизм. Крестьяне, которые работали при постройке мельницы, отказались продолжать работы, потому что наступила своя рабочая пора.

— Уж это мужичье: точно взбеленятся по весне, — говорил Нагибин. — Никакими деньгами ты не удержишь их... Да оно, ежели рассудить, и не расчет им чужим делом теперь заниматься, когда свое горит. Лето-то наше короткое, а всю холодную и голодную зимушку кормит.

— Как же мы без рабочих останемся на лето? — спрашивал Привалов.

— С заводов народу нагоним, Сергей Александрыч... Там народ безземельный; — ему што: весна, так весна, все едино. Одним словом, несуразный народ: помани его рублем, он и пошел; где дорожке дали, там он и слуга. Нет, крестьянина рублем-то не собьешь: он обеими руками за землю держится...

Миновала и Пасха, последний крестьянский отдых перед страдой, Привалов ходил в церковь, и ему приятно было стоять именно в этой простой деревенской церкви, где народ молился от всего сердца, молился простой крестьянской молитвой, от которой веяло трудом и заботой.

— Завтра набежит с гор паводок, — задумчиво говорил Телкин однажды вечером, поглядывая в окно избы на потухавшую на западе розовую зарю.

— Почему вы так думаете? — удивился Привалов.

— Приметы есть... Земля дала пар, а теперь захолодело: это вода с гор идет. Ветер-то раньше ее бежит...

Действительно, на другой день набежал паводок: река надулась, вода выступила из берегов, и распухший дряблый лед тронулся. Вся деревня высыпала на берег смотреть, как играет вешняя вода. Лалетинка, маленькая речонка в обыкновенное время, теперь превратилась в большую реку, которая пенилась около новой плотины и с ревом бросалась по открытому шлюзу. Главный вал прошел в три дня, а затем вода начала спадать: наступила пора запереть реку. Рано утром сотни людей собрались около приваловской мельницы, покрыв весь берег живой колыхавшей толпой.

— Помолобствуем, Сергей Александрыч, — говорил Нагибин за несколько дней. — Это не такое дело, чтобы начинать его без Божьего благословения... Вода она, конечно, вода, а все-таки и она требует молитвы. Вон барин Трубин,

когда ставил мельницу, не хотел служить молебна, а как вода навалилась, плотину и пронесло. Оно все вернее с Божьим-то благословением, да и мужичкам не так сумнительно будет, потому около этих мельниц, в добрый час будь сказано, она пошаливает.

— Кто — она? — спросил Привалов.

— Известно, кто... — неохотно отвечал Нагибин... — Вы, конечно, этому не верите, а в воде завсегда нечисть заведется, ежели не освятить...

Часов в десять от церкви, с колокольным звоном, тронулась торжественная процессия к плотине; Нагибин и Телкин шли с хоругвями; подняли икону Тихвинской Божией Матери. Привалов, в качестве хозяина, встретил крестный ход перед самой плотиной; народ стоял без шапок, в торжественном молчании. Торопливо откладывались широкие кресты, везде мелькали склонявшиеся головы; этот молившийся народ походил на созревшую ниву, на которой колосья гнулись под напором ветра.

Поп Савел, в старенькой ризе, торопливо отслужил молебен и обошел всю плотину, окропляя водой возведенные постройки. Наступил момент запирать воду...

— Спускай почвенные запоры! — скомандовал Телкин рабочим, которые держали запоры.

Десятки рабочих суетливо, с бестолковым криком кинулись к шлюзу и благополучно спустили в воду четыре нижних почвенных запора. Вода точно удивилась, встретив эту преграду, и с пеной закружилась около плотины, ударив в берег вспененной волной. За почвенными запорами были опущены верховые, и пруд был готов. К вечеру вода разлилась широкой полосой по обеим берегам, а к утру можно было видеть ординар водяного уровня. Плотина выдержала самый сильный Капор воды, и поп Савел первый поздравил Привалова с счастливым началом, прибавив:

— Дай бог, дай бог... Хорошо то, что хорошо кончается.

Все кругом прониклись трудовой радостью начинавшегося крестьянского лета. Снаряжались сабаны и бороны, припоминались разные приметы относительно урожая. Только один Ипат оставался совершенно лишним человеком в этой общей работе и по целым дням спал как сурок.

— На что вы его сюда привезли, Сергей Александрович? — спрашивал Нагибин. — Уж лучше бы ему в городу бочонки-то катать, а то здесь только меша-
ж

С. 270. После слов: «ничего привлекательного» — «Из «больной» половины публики многие приехали на Лалетинские воды по совету своих докторов, которые не знали, как удобнее избавиться от них и столкали подальше от себя, оставаясь в скромной надежде, что авось Господь и смилуется, приберет кое-кого из надоевших пациентов. Были тут и толстые, по девяти пудов весу, и тощие, как те коровы, которых Фараон видел во сне; подавляющее большинство оставалось за дамами... Господи! Каких-каких только болезней не навезли с собой на воды эти дамы, у каких они докторов только не лечились, каких средств не попробовали, с кем не посоветовались. Конечно, преимущество оставалось за болезнями сердца и нервов. Доктора понадавали такие мудреные названия этим нервным и сердечным болезням, разделили их

на такое множество рубрик, придумали столько новых болезней, что в конце концов сами перестали понимать друг друга и произвели добровольное смешение языков: то, что один лечит теплом, другой донимает холодом; один морит пациентов диетой, другой умоляет больных есть, есть и есть; один — гидропат, другой — элеопат, третий — гомеопат, и т.д., и т.д. **к**

После слов: «от воздуха зависит все, Mesdames!» — «Чтобы воочию убедить своих пациентов в целебном действии воздуха, доктор взвешивал их каждый день раз по пяти, здоровые, действительно, увеличивались по всем трем измерениям, а больные оставались при своем печальном интересе и с тоской смотрели каждый раз на стрелку десятичных весов, которая все подвигалась на уменьшение. Если какая-нибудь опытная пациентка, побывавшая на всех русских и заграничных водах, позволяла себе выразить некоторое сомнение в пользу лалетинской воды и лалетинского воздуха, — доктор кричал:

— Если вы мне не верите, посмотрите на Ляховских: отца привезли замертво, дочь была совершенно прозрачная, а теперь Игнатий Львович катается в своем кресле, а Софья Игнатьевна расцвела, как ширазская роза!». **к**

Вместо: «Как на всех других водах..» — «Как на пароходах или в вагоне железной дороги...» **к**

С. 271. После слов: «наша уважаемая Хиония Алексевна» — «Здоровье Anatole'я требовало серьезного поправления, потому что слишком раннее знакомство с требованиями человеческой природы, удовлетворяющимися по пивным и cabinets particuliers трактиров с арфистками отозвалось очень невыгодно на неокрепшем организме. Хиония Алексевна как примерная мать решила еще раз пожертвовать собой для сына и отправилась с ним на воды.» **р**

«Молодой человек ориентировался на водах с необыкновенной быстротой, потому что здоровые деревенские девки с красными лицами и толстыми икрами после чахоточных и размалеванных арфисток представляли интересный предмет для самого внимательного исследования. Anatole пропадал по целым дням, а Хиония Алексевна утешала себя мыслью, что он пользуется деревенским воздухом, и смотрела сквозь пальцы на стеклянные бусы и цветные ленты, которыми были набиты карманы Anatole'я.

Сама Хиония Алексевна приехала на воды с утомленным лицом и разбитым сердцем...» **к**

С. 271. После слов: «обратила на нее внимание» — «Это было на любительском спектакле, который был устроен Хлюдинским в курзале для скучавших больных. Как опытный психиатр, доктор отлично понимал, что больные преисполнены слабостями вполне здоровых людей и не прочь показаться на сцене или устроить легкую интрижку за кулисами. Устройством этого спектакля доктор даже хотел примирить существовавший антагонизм между его пациентками, но он ошибся в расчете: спектакль только углубил ту пропасть, которая разделяла дамское общество. Началось с того, что все дамы, как один человек, заявили самый горячий протест против розданных доктором ролей; Хина вылезала из кожи, чтобы лишить Зою первой роли, которую доктор с докторской любезностью предоставил ей, — и добилась сво-

его. Доктор махнул на все рукой, отступился от всякого влияния на театр и все предоставил естественному ходу вещей. Заплата торжествовала полную победу».

К

После слов: «доходить до корня вещей» — «Если Зося хотела сесть куда-нибудь на скамейку, Заплата стрелой бросалась вперед и непременно отбивала место себе; однажды она так стремительно бросилась на скамью, что Зося ей села прямо на колени. Дамы обменялись удивленными взглядами, Зося немного смутилась и прошептала какое-то извинение.

— Вам, конечно, все извинительно, mademoiselle, — подчеркивая слова, по-французски ответила Заплата с саркастической улыбкой на выцветших губах.

«О, да она еще говорит по-французски, и довольно порядочно!» — удивилась про себя девушка, оглядываясь на сердитую даму.

Да, французский язык еще раз сослужил Хионии Алексеевне золотую службу: сначала ее просто заметили, а теперь уже обратили внимание. Этого она только и добивалась. Дальше все пошло как по маслу: несколько раз Заплата невзначай толкнула Зося локтем — не считала нужным сворачивать с дороги при встречах, однажды даже наступила ей на шлейф платья и не извинилась. В день спектакля Заплата нарочно укараулила себе место позади стула, который заняла Зося. В антрактах девушка могла отчетливо слышать разговор, который Заплата вела со своей соседкой рассчитанно громким голосом.

— Какие везде интриги, — я просто удивляюсь! — говорила Заплата. — Едут на воды не лечиться, а показывать свои прелести. И это молодые девушки, неземные создания! Удивляюсь!! А я очень рада, что первая роль не досталась кое-кому, как хотел Хлюдзинский. Ведь можно себя показывать и не на сцене... И что это за вечное идолопоклонство пред чужим богатством, точно миллионеры не такие же люди, как и мы, даже еще, может быть, гораздо хуже нас.

Ляховская поняла, в чей огород летели камни, и засмеялась про себя. Ее начинала забавлять злившаяся дама с французским языком, как называла Зося про себя Заплатину. «Что ей нужно от меня?» — думала девушка, вслушиваясь в разговор своего тайного врага. Но когда Заплата очень громко произнесла фамилию Лоскутова, Зося как ужаленная обернулась назад и с ног до головы смерила удивленным взглядом разговаривавших дам. Хина в упор посмотрела прямо в лицо Зосе своими ястребиными глазами и совершенно хладнокровно продолжала разговор, с глубоко рассчитанным искусством сопоставляя имена Лоскутова и Надежды Васильевны. Такой неожиданный оборот дела согнал всю краску с лица Зоси, она как-то жалко съезжилась на своем стуле и бессмысленно смотрела на сцену, ничего не понимая, что делается вокруг нее.

— Что с вами? — спрашивал доктор Сараев, наблюдавший девушку.

— Мне дурно... Помогите мне выйти, — могла только прошептать Зося, поднимаясь с места.

Когда она, опираясь на руку доктора, проходила между рядами стульев, до ее ушей долетела кинутая Хиной вдогонку фраза:

— Старые грешки отзываются... сказалось сердечко!

Зося пролежала в постели два дня, и доктор терялся в объяснениях этого внезапного припадка. Выздоровление шло совершенно правильно, и на бледных щеках Зоси уже вспыхнули те ширазские розы, о которых упоминал доктор Хлюдзинский, и вдруг совершенно непонятное осложнение болезни. Через два дня Зося показалась на курзале бледная и усталая, точно она перенесла тяжелую болезнь. Хина опять торжествовала, бросая свои ястребиные взоры на свою жертву; она нарочно прошла мимо Зоси и задела ее колени своим перекрашенным шелковым платьем.

— Послушайте... мне с вами нужно переговорить, — по-французски сказала Ляховская.

— Вам? Со мной?

— Да, с вами.

Хина остолбенела. Она никак уж не ожидала такого оборота дела и даже не успела скорчить величественно-презрительной гримасы, с какой всегда смотрела на гордую девчонку.

— Садитесь вот сюда... рядом, — предлагала Зося, указывая на скамье место рядом с собой.

Эта интересная сцена происходила на усторонье, где публики почти совсем не было. Но Хина все-таки огляделась кругом, точно боялась какой-нибудь засады, и с непринужденностью светской женщины заняла место рядом с Зосей.

— Я буду говорить с вами откровенно, — начала девушка прежним, тихим голосом. — За что вы меня ненавидите и... преследуете?

— Я?! Вас?!

— Да, меня. Я, кажется, ничего не сделала никому, чтобы относиться ко мне враждебно.

— Вы ошибаетесь, mademoiselle, — заносчиво проговорила Хина. — Некоторые молодые девушки воображают, что все только о них и думают, ими только и заняты. Могу вас уверить, mademoiselle, что вам показалось что-нибудь!

Ляховская выслушала этот ответ как-то рассеянно и, подняв свои чудные, темные глаза на Хину, проговорила тем же тоном:

— Я думала, что вы будете со мной откровеннее...

— Жалею, что не оправдала ваших надежд.

Ляховская замолчала; у ней по лицу выступили красные пятна, и глаза сделались еще темнее.

— Послушайте, я не маленькая и понимаю все, что делается кругом, — заговорила девушка. — Я понимаю, что вы ненавидите меня с ног до головы, каждый мой шаг, каждое движение... Вы меня нарочно толкаете при встречах, наступаете мне на платье. Наконец, помните этот разговор, который вы вели за моей спиной в театре?

— Я никому не даю отчета в моих разговорах, mademoiselle, — сухо ответила Хина. — Да тот разговор и не мог вас касаться, потому что я говорила о моей знакомой, m-lle Бахаревой, потом о г. Лоскутове... Не понимаю, какое отношение мог иметь мой разговор именно к вам?

— Нет, вы отлично понимаете все и совершенно напрасно прикидываетесь... В ваших словах было много горькой правды, но только я ничем не подавала вам повода бросать мне в лицо это оскорбление.

— Mademoiselle, вы слишком много себе позволяете... У меня, конечно, нет миллионов, но это еще не дает вам права навязывать мне бог знает что.

Девушка замолчала, закусив губу; ей было тяжело вести этот дурацкий разговор, но она решила добиться своей цели.

— Послушайте, Хиония Алексевна... — заговорила Зося. — Вас ведь, как жется, так зовут? Неужели девушка виновата, что она родится богатой или бедной. Это глупая случайность, прихоть судьбы, каприз... Я знаю, что меня все на водах ненавидят за мои экипажи, за роскошь, которой я пользуюсь, за внимание тех глупых людей, которые надоедают мне на каждом шагу... Между тем как я завижусь всем простым девушкам, которые не имеют ничего этого. Богатство — несчастье... Никто так не ошибается, как богатые люди; никого так не обманывают, как богатых людей; никого так не ненавидят и не преследуют на каждом шагу, как богатых людей.

«О, да она очень умная девчонка... Вот не ожидала!» — удивлялась про себя Хина, не зная все еще, как ей принять слова Зоси: за хитрый ли подходец или за чистую монету.

На языке Хины уже вертелась очень ядовитая фраза о заносчивых богатых невестах и т.д., она предвкушала удовольствие отделать гордую девчонку на все корки, но в это время ее мозг, как молния, осенила блестящая мысль: ведь корабли пансионской дружбы сожжены, и вот отличный случай насолить всей фамилии Веревкиных... Вдруг она, Хина, познакомится с Зосей, и пусть все Веревкины передаются от злости. Очевидно, сама судьба толкала на этот путь...

— Софья Игнатьевна, — с нежностью в голосе заговорила Заплата. — Если вы хотите знать, я всегда относилась к вам с самой лучшей стороны и очень жалела вас, когда вы были больны... Да! Мое поведение на водах — просто нежелание встать на одну доску с теми людьми, которые любят не вас, а ваше богатство. Знаете, от любви до ненависти только один шаг... Мне казалось, что вы на ложной дороге, но теперь я сознаю в собственной ошибке: вы меня победили... Да! Я никогда еще не встречала такой простой и поразительно умной девушки. Это не комплимент! Ваша ослепительная красота видна всем, но не все видят ваше сердце, вашу душу. Простите, если я случайно огорчила вас! Я виновата...

Хина даже прослезилась и принялась целовать Зосю институтскими поцелуями. Через пять минут Заплата и Зося беседовали самым мирным образом, точно они были знакомы лет десять».

С. 273. Вместо «придать истории наследства Привалова самый заманчивый характер» — «придать истории наследства Привалова самый романтический характер».

С. 274. После слов: «совсем не желала для первого визита» — «Так этот молодой человек очень искусно подставил ей свои длинные ноги, когда Хина хотела любезно подать хозяйке какую-то ложечку со стола; бедная женщина потеряла равновесие и готова была растянуться по полу, если бы тот же Давид

не схватил ее налету за талию. Вместо строгого выговора Давиду и извинения с его стороны последовал самый обидный взрыв общего смеха. Хина не успела еще оправиться от первого оскорбления, как Давид успел подсыпать ей на бутерброд перцу, и несчастная женщина должна была чихать до слез для общего удовольствия. Другой на месте Хионии Алексеевны сейчас же оставил бы эту гостеприимную кровлю, но она рассудила несколько иначе, потому что разве можно сердиться на дураков?.. Выходки Давида были обращены в милую шутку, и таким великодушием была тронута даже сама пани Марина.

С. 275. Вместо «богатырей» — «батырей».

После слов: «своими красотами»: «— А ведь вам пришла действительно блестящая мысль, — проговорил доктор, когда в первый раз приехал навесить Зою и любовался картиной окрестностей. — Чудо, как хорошо... Могу от души позавидовать вашему счастью».

После слов: «пыталась было принять участие в этих прогулках» — «но она совсем не умела ездить верхом».

С. 276. Вместо «отдернул назад свою уже протянутую ладонь» — «положил в карман уже протянутую руку».

После слов: «все подробности производившихся работ» — «Нагибин и Телкин присутствовали тут же, и старик не утерпел: когда Зоя вышла на вольный воздух, он, приподняв свой картуз, проговорил:

— Сударыня, а вы вот посмотрите, какая у нас есть диковинка: клееные жернова... Да-с! Французы камень склеили-с... У Подтекина тоже есть мельница, только у него жернова американские. Совсем не та церемония...

— В самом деле, это очень интересно, — удивилась Зоя и долго рассматривала сложенные под навесом жернова. — Для чего же их клеят?— спрашивала она Привалова. — Мне кажется, было бы гораздо прочнее, если бы сделать жернов из одного камня.

— Совершенно верно. Но трудно подыскать такой камень, который в величину жернова был бы совершенно одинаковой плотности, без щелей и прожилков. Клееные жернова прочнее.

— Скажите... А мне казалось, что камней так много, стоит только руку протянуть.

— Тот же камень камню розь, сударыня, — заметил Нагибин, — вроде как человек человеку-с...»

После слов: «подал его на стол» — «Когда он почтительно направился к порогу, Зоя его остановила:

— Вы куда это убегаете от нас?

— Я-с? По своим делам-с.

— Разве вы не будете с нами пить чай?

— Мы кушали, сударыня. Да и не компания вам, сударыня, кушать чай с нами, мужиками!

— Вот как! Да ведь вы кушаете же чай с Сергеем Александрычем? Я не кусаюсь.

— Сергей Александрыч — другое... Хе-хе!

— Ну, с вами не сговоришься. Вы точно этот французский клееный жернов: не применишься к вам.

— Ах, сударыня... Какое вы слово вымолвили! — смеялся Нагибин, но чай пить все-таки не остался. к

С. 277. Вместо «выдался из среды других» — «выдался из общего уровня». к

После слов: «Зося ему нравилась» — «Она явилась в новом свете; в ней начинал бродить отцовский ум. Когда Привалов вернулся в свой флигелек, комнаты ему показались и меньше, и темнее, точно в них чего-то не доставало.

«Глупости», — внушительно заметил самому себе Привалов, стараясь усиленной работой разогнать неожиданно налетевшее раздумье.

Но в течение трех дней Привалов бродил по своей мельнице как потерянный. Он машинально отыскивал глазами именно те уголки, где останавливалась Зося, и в его воображении как живая вставала эта ослепительно красивая девушка со своим смелым лицом, чудными глазами и беззаботным смехом, от которого тихо дрожало тридцатилетнее приваловское сердце. Он напрасно старался отогнать от себя этот обольстительный образ, который настойчиво преследовал его шаг за шагом. к

После слов: «в Красный Луг» — «куда его тянула странная сила». к

Вместо «поп Савел» — «поп Илья». к

Вместо «засмеялся собственному суевию» — «рассмеялся собственно суевию». к

С. 278. После слов: «после вашего отъезда» — «мой Anatole захворал». р

После слов: «такой характер» — «все для детей». р

Вместо «эта смесь европейского со среднеазиатским была оригинальна» — «эта смесь европейского со среднеазиатским была поразительно оригинальная». р

С. 279. Вместо «открыта не мной и раньше меня» — «открыта не мной». к

Вместо «вы меня не так поняли» — «вы меня не поняли». к

С. 280. После слов: «успела надоеть со своим «я»» — «Извините, это уж недостаток всех очень маленьких людей: выше лба глаза не растут». к

С. 280. После слов: «что он мог поделать против них?» — «Может быть, это отзывалась не забытая еще любовь или сказывалась потребность любви; Зосе было уже девятнадцать лет, возраст, который для всякой женщины имеет решающее значение». к

С. 281. Вместо «в течение двух месяцев» — «в течение полуторах месяцев». к

С. 282. После слов: «в минуту волнения он забывал»:

«— Всякий человек, поскольку он человек, должен быть борцом, — медленно заговорил Половодов, точно про себя повторяя мысль Гете. — Поэтому опускать голову — самый непростительный грех... Бывают такие обстоятельства, что, кажется, все погибло и впереди — никакого выхода. Но разве возможно все предвидеть и все предугадать? Наша жизнь выплетается из тысяч таких мелочей, а между тем из этих именно мелочей, из ничтожнейших причин иногда вырастают целые исторические события». к

Вместо «умел пользоваться» — «умел воспользоваться». к

После слов: «так я всегда веровал в вас»: «Зося молчала». к

С. 283. После слов: «крайне запутанное»: «так, что и не разберешь ничего, но может выйти так». к

С. 284. После слов: «новыми обоями» — «и несколько комнат отделялись в каком-нибудь определенном вкусе — одна — в старопольском, другая — в русском, третья — в ренессанс, четвертая — в стиле рококо Луи-Кенз и т.д. к

С. 287. Вместо: «разве ее можно не любить» — «разве ее нельзя не любить» к

С. 288. После слов: «вот жених Зоси» — «Ей-богу! Даже заплакала. Плачу, плачу — сама не знаю, о чем плачу. А потом — эта болезнь Игнатия Львовича... Кажется, так просто: захворал человек, увезли его лечиться на воды. Нет, тут везде видна рука providения! Если бы Игнатий Львович не захворал, то Зося не могла бы встретить Привалова на водах и ничего бы не вышло. А как они мило себя держат: настоящие голубки... Ах, молодость, молодость!

В душе Хиония Алексевна торжествовала за десятерых: раз, женитьба Привалова на Зосе — нож вострый этим Бахаревым, а второе — пусть полюбуется Агриппина Филиппевна, как она, Хиония Алексевна, устроилась у Ляховских. Да-с... Все к Хионии Алексеевне, без Хионии Алексеевны никто шагу ступить не может. То покажи, другое укажи, третье посоветуй, четвертое устрой... В самом деле, кто делал выбор рисунков для обоев, кто дал первую мысль отделки комнат в известном стиле, кто подбирал мебель, ковры, драпировки, цветы, бронзу и т.д., и т.д. Верхом изобретательного гения Хионии Алексеевны была отделка спальни Зоси, которую устраивали в восточном вкусе — с низкой кроватью, с коврами, с вычурной восточной мебелью, с розовым полумраком, с фонтаном вместо умывальника, с экзотической зеленью и восточными курильницами. Стены этой спальни будут драпированы восточными пестрыми тканями, по которым в день свадьбы будут рассыпаны живые цветы. Одна эта комната будет стоить больше двадцати тысяч и заставит говорить о себе. Да-с, это настоящая роскошь, где не думают о деньгах. Даже Привалов был тронут этой блестящей идеей Хионии Алексеевны и поблагодарил ее за труды.

— Уж следовало бы вас побранить кое за что, да уж бог с вами, — трогательно ответила Хиония Алексевна. — Кто старое помянет, — тому глаз вон, Сергей Александрович.

— Да, да, Хиония Алексевна, — поскорее соглашался Привалов, проглатывая поднесенную пилюлю». к

С. 288. После слов: «книги любви». — «История любви Привалова была очень не длинна. Зося увлекалась соколиной охотой, и для нее была приобретена у киргизов и башкир целая коллекция соколов, кречетов и ястребов. Этих хищников вынашивали два киргиза, специально выписанные для этой цели из киргизской степи. Когда Зося настолько поправилась, что могла принять участие в соколиной охоте, Привалов получил приглашение разделить труды и опасности этой редкой в наше время забавы. На охоту собралось довольно порядочное общество: Половодов, Давид, доктор, Моисей и еще несколько новых знакомых с Лалетинских вод. Место для охоты было назначено за деревней Красный Луг, где начиналась уже «орда», то есть башкирская степь. Недалеко от деревни был раскинут кош Зоси, и к нему собрались все охотни-

ки верхами. Зося приехала в коляске, вместе с Хионией Алексеевной она привезла с собой своего любимца, седого кречета Салавата, которого сама приручала в течение двух недель. Это был настоящий красавец из пернатых хищников: ярко-белые перья, высокая грудь, могучие кривые крылья, загнутый желтый клюв, цепкие ноги с стальным отливом — все было в нем красиво редкой, дорогой красотой. Умная птица с красным колпачком на голове смиренно сидела на толстой замшевой перчатке. Штук пять соколов и кречетов были розданы другим охотникам.

Точно нарочно для охоты, день выдался светлый и теплый. Впереди виднелась широкая, едва всхломленная равнина; на горизонте синей полосой выделялось широкое озеро, заросшее у берегов камышами. Направо зеленой шапкой стоял сосновый бор, уходивший к р. Узловке. План охоты заключался в том, чтобы оцепить озеро и напустить соколов и кречетов на уток. Места, кому и откуда начинать охоту, были назначены заранее. Зося выехала на своем иноходце Тэкэ, в синей амазонке и в широкой с отогнутым полем шляпе, как ездили средневековые дамы на соколиную охоту. Рядом с ней места достались доктору и Привалову, так что они не выпускали друг друга из виду. Когда эта веселая кавалькада только что подъезжала к озеру, Моисей первый спустил своего сокола на первого подвернувшегося под руку перепела. Брошенный в воздух хищник быстро поднялся кверху, сделал широкий размах и камнем упал на перепела. В зеленую траву из воздуха свалился какой-то ком кружившихся перьев. Когда охотники подскакали к месту действия, сокол аспидного цвета победоносно сидел на убитой птице, которая еще судорожно вздрагивала в его железных когтях.

— Кто нарушит правила охоты и не выждет времени — с того штраф, — предупредила Зося, любуясь первой добычей. — Александр Павлыч, вы станете вон туда, через три человека, и будете гнать дичь ко мне...

Половодов с легкой grimасой поклонился и молча отправился на свой пост.

Привалов выехал на киргизском иноходце, который, выгнув свою оленью шею и раздув ноздри, держался все время на одной линии с красавцем Тэкэ. Зося в первый раз видела Привалова на лошади и осталась им довольна: он ездил довольно порядочно, хотя свешивался с седла на левый бок, как ездят киргизы. Когда они подъехали к самому озеру, девушка молча указала Привалову его место в ста саженьях от себя, сейчас за мыском, который оброс, точно щетиной, зеленой осокой. В ста саженьях дальше, из-за зеленого камыша выставлялась голова моисеевой лошади. «Чтобы поднимать уток с воды, нарочно взяты были лягавые собаки: одна у Зоси, другая у Половодова и третья у Давида. Было еще рано, всего часов восемь, и вода в озере стояла, как зеркало. Зося махнула белым платком — условный знак начинать охоту — и первая спустила с своры свою собаку. Старый лягаш бросился в осоку, оставя за собой узкую сакму. Слышно было, как он шлепал по воде лапами и нырял в воздух, потом остановился, сделав стойку.

— Пиль! — крикнула Зося.

Из осоки тяжело поднялась пара кряковых уток и со свистом понеслась в сторону Привалова. Зося подбросила кверху своего Салавата. Благородная птица начала подниматься спиралью, делая правильные круги.

Привалов видел, как Зося поскакала за своим соколом; спугнутые утки летели к маленькому озеру, которое было сейчас за лесом. В это время собака Давида сделала тоже стойку. Он крикнул: «Пиль!». Из осоки поднялось разом несколько шилохвосток; вытянувшись в линию, они полетели параллельно берегу. Давид спустил на них ястреба, который бросился прямо вдогонку за быстро удалявшейся добычей. Видно было, как он тяжело пластал в воздухе своими широкими крыльями и быстро нагонял уток. Но это был заурядный хищник, которому далеко было до соколиного полета. Скоро над озером со всех сторон торопливо начали подниматься разрозненные пары уток, а над ними высоко кружили два сокола и кричат; последний ударил грудью цаплю и вместе с ней свалился в камыши! Привалов дождался своей очереди, когда лягаш Зоси сделал вторую стойку, и спустил своего сокола на поднявшихся уток. Эта охота начала волновать его, и, дав шпоры лошади, он понесся за своим соколом, который забирал все выше и выше.

По дороге Привалов встретил доктора, который вел взмыленную лошадь в поводу; он что-то крикнул Привалову и махнул рукой. Сокол Привалова гнал уток к лесу так быстро, что лошадь едва успевала за ним. Эта быстрая погоня доставляла Привалову неиспытанное наслаждение; лететь вихрем по зеленой степи, когда все несется мимо и точно самая земля бежит из-под ног лошади, было настоящей степной охотой, в которой и лошадь, и всадник одинаково переживают все волнения охотничьей горячки. Чтобы перехватить сокола прежде, чем он ударит уток, Привалову нужно было обогнуть выдавшуюся сосновую гривку. Он дал шпоры своему иноходцу и полетел сломя голову через кочковатое болото, где каждое мгновение можно полететь кубарем вместе с лошадью. На самом повороте его чуть не смял Моисей, который, опустив поводья и раскрыв рот, нещадно молотит своего скакуна толстой нагайкой. Как раз под лесом аспидный сокол Моисея пал на утку и неправильной спиралью быстро спустился с ней на землю.

Лошадь Привалова начинала судорожно вздрагивать и несколько раз сбивалась на галоп. Впереди, из-за деревьев блеснуло то маленькое озеро, куда перелетали утки. Сокол Привалова вдруг куда-то исчез, точно провалился. Впереди Привалов рассмотрел Зосю, она ехала шагом с своим криком на правой руке; он погнал лошадь на нее, чтобы спросить, не видела ли она сокола.

— Где доктор? — тихо спросила Зося, прежде чем Привалов раскрыл рот.

Она была очень бледна и тяжело дышала. Поровнявшись с ней, Привалов повернул свою лошадь и рассказал свою встречу с доктором. В этот момент Зося тихо вскрикнула и пошатнулась в седле, схватившись одной рукой за луку.

— Мне дурно... — прошептала она побелевшими губами.

Привалов остановил лошадей и поддержал свободной рукой Зосю за талию. Она не сопротивлялась и отяжелевшей головой бессильно упала к нему на плечо. Она была такая маленькая в это мгновение, такая слабая, что Привалов свободно поднял бы ее одной рукой. Но теперь он боялся пошевелиться и осторожно продолжал поддерживать ее в седле. Когда он взглянул ей в лицо, у него опустились руки. Зося смотрела на него спокойным, пристальным

взглядом и совсем, по-видимому, не желала переменять положения. Этот взгляд ожег Привалова, и у него помутилось в глазах.

— Позвольте, я помогу спуститься вам с седла, Софья Игнатьевна... — бессвязно пробормотал он.

— Нет... мне и так хорошо... — каким-то детским шепотом прошептала Зося, — еще одну минуточку... мне хорошо...

Привалов в первое мгновение подумал, что Зося бредит, но она улыбнулась своей обыкновенной улыбкой и быстро поцеловала его, крепко обвив шею руками.

— Ты — мой... да... — шептала она, глядя ему в глаза.

У Привалова все запрыгало в глазах от этого первого поцелуя, и он хотел обнять девушку, но она быстро отскочила от него, выпрямилась в своем седле, и, отчеканивая каждое слово, проговорила:

— Теперь довольно с вас... Если пошевелитесь с места — больше никогда меня не увидите. Прощайте... И скажу, когда вам можно будет видеть меня.

Повернувшись в седле, она потянула поводья и быстро исчезла из виду. Привалов стоял на том же месте как оглушенный. На траве, в десяти шагах, забавно ковылял белый кречет Зоси. Привалов спустился и взял его на руку. Когда он садился снова в седло, между деревьями мелькнул знакомый силуэт... Привалову показалось, что это был Половодов.

А Зося в это время уже подъезжала к своему кошу, где около огонька сидел доктор. Он ушиб ногу и теперь примачивал ее арникой.

— Почему вы одни? — спросил доктор, — где другие охотники?

— Домой, доктор... — умоляла Зося, спрыгивая с седла, — ради бога, скорее. Где Илья? Домой, домой...

II

Отделка приваловского дома должна была кончиться к октябрю, когда назначена была свадьба. Зося не хотела никаких церемоний и согласилась венчаться в Гарчиках, у о. Савела, который частенько навещался к Ляховским, где сумел поставить себя совершенно в исключительное положение. Этот безобидный человек обезоружил даже фыркавшего на всех Пальку.

— Если бы русским священникам позволено было жениться во второй раз, непременно вышла бы за вас замуж, о. Савел, — шутила Зося с своим приятелем. — Сама бы и посватала вас...

— А я бы не пошел за вас замуж, Софья Игнатьевна, — отшучивался о. Савел.

— Почему? Разве я так дурна?

— Нет, я не про красоту, а так; редька к пирожному не подходит. Пожалуй, я под пьяную руку еще стал бы колотить красивую жену... **Р**

Далее приводятся разночтения между рукописным вариантом и журнальным.

Вместо «седого кречета Салавата» — «белого кречета».

Вместо «точно нарочно для охоты день выдался светлый и тонкий». — «День вышел светлый и теплый, какой выдается в начале августа».

Вместо «Зося подбросила кверху своего Салавата». — «Зося спустила своего кречета».

Вместо «Благородная птица начала подниматься спиралью, делая правильные круги» — «Благородная птица столбом взмыла кверху, делая правильные круги».

Вместо «который бросился прямо вдогонку за быстро удалявшейся добычей» — «который, не поднимаясь кверху, бросился за быстро удаляющейся добычей».

Вместо «кружили два сокола и кречет; последний ударил грудью цаплю и вместе с ней свалился в камыши». — «Особенно хорошо поднялся половодовский кречет, который ударил грудью цаплю и вместе с ней свалился в камыши».

Вместо «и махнул рукой» — «и махнул рукой по направлению леса».

Вместо «и раскрыв рот» — «и растворив рот».

Вместо «и осторожно продолжал поддерживать ее в седле» — «и осторожно продолжал держать за талию потерявшую сознание девушку».

С. 289. После слов: «подтверждала свою любовь к нему»:

«— Она не любит меня... Не может меня любить», — со страхом думал он. к

Вместо «В десять часов вечера все разъехались». — «В девять часов вечера все разъехались». к

После слов: «разъехались по домам»:

«— Ах, черт его возьми совсем, — говорил Виктор Васильич, когда ехал вместе с Половодовым из гостей. — Как это глупо: все девка, все девка, а тут вышла баба... Глупо! Право, я, собственно, даже не люблю этих девок, а все как-то жаль, когда она переходит в чье-нибудь вечное и потомственное владение.

— Эк у тебя голова-то как устроена, Виктор Васильич, — удивлялся Половодов. — Что такое девка? Мертвый, непроизводительный капитал, который ни черту, ни Богу, а баба — это капитал в обороте, который может приносить проценты рубль на рубль. Тебе куда?

— Я?.. Валяй в «Магнит». Скучно что-то. А ты?

— Я... я домой, братику». к

С. 296. Вместо «легла первая житейская тень» — «легла первая житейская тень». к

С. 297. После слов: «Привалов отказался от них». — «Привалов совсем отказался от них». р

С. 298. После слов: «рисовало одну картину за другой»: «Привалов не хотел самому себе признаться в той печальной истине, какая творилась кругом него и в нем самом». к

После слов: «так же и он ее» — «Так безнадежно больной обманывает себя, утешая вымученными фантазиями; даже доктора, видевшие на своем веку тысячи смертей, не могут освободиться от подобного обольщения и часто умирают с надеждой на выздоровление. Привалов был приблизительно в положении такого больного и боялся думать на эту тему: будь что будет, а прошлого не воротишь». к

После слов: «самых задушевных идеалов»:

«— Есть еще одна надежда», — повторял он слова доктора.

После, так сказать, внешних затруднений, огородивших жизнь в приваловском доме со всех сторон, скоро обнаружили еще горшие истины собственно внутреннего, домашнего обихода. Так, Привалов не мог не заметить...» к

После слов: «своему зятю»:

«— Вы должны подняться до Зоси, а не она спуститься до вашего мирозерцания». к

С. 299. После слов: «все теснее и теснее» — «Начиная с верного хлопа Пальки и Жозефины и кончая кучером Ильей — все были против Привалова, что он чувствовал в каждом взгляде, в мельчайшем проявлении ежедневной сутолоки». к

После слов: «поддержать разговор за столом» — «был просто смешон в обществе других молодых людей и т.д.». к

С. 300. Вместо «вышвырнуть ее за дверь» — «вышвырнуть эту ворону в окошко». к

Вместо «предоставив Привалову бесноваться одному» — «Предоставив Привалова бесноваться одного». к

С. 301. После слов: «Так дожидаем»: «Вот хоть Капитона спросите». к

После слов: «нечего было делать» — «Собственно Ипата выгеснил Палька, который не выносил кацапов вообще, а Ипата возненавидел в особенности». к

После слов: «как есть пропащий человек!» — «а в деревне, супротив городского житья, было куда как вольготнее». к

Вместо: «Сено удалось» — «Сена удались». к

Вместо «поскобили где по мочежинкам» — «поскобили где по мочежинкам». к

Вместо «на поемных лугах» — «на поемных местах», после чего следует в рукописи вставка: «В «башкырах», то есть в башкирской степи, ежели и дается снежная зима, скоту придется куда как плохо, не приведи Господь, если ударит как-нибудь оттепель — вывалится весь скот, который зиму на подножном корму бьется. Цена на хлеб еще не установилась, что будет к зимнему Николе? Кулаки обирают только по мелочам, в тех деревнях, где захудали мужики насчет податей. Настоящий, справный мужик только еще обмолачивается, а так, как Господь цену поставит. Вот скотина нынче дешева, потому как большое сокращение в сенах вышло, с ползимы на солому пойдет скот у самых справных мужиков. И т. д., и т. д., и т. д.» к

С. 302. Вместо «а для мужиков» — «а для черняди». к

После слов: «как мир гуляет»:

«— Дай тебе Господи... да пошли тебе Владычица! А-ах.., — жужжали в ушах Привалова сыпавшиеся на него со всех сторон пожелания пьяных мужиков. — То есть удоволил во как!..»

— Медовый ты наш пряничек, изюмная ягодка! — голосили бабенки». к

С. 304. Вместо «Половодов совсем перестал бывать у них» — «Половодов совсем переставал бывать у них». к

Вместо «иногда закладывала свой экипаж» — «и даже иногда запрягала свой экипаж». к

С. 307. Вместо «Вообще старики изменились». — «Вообще старики опустились». к

С. 308. Вместо «у него кружилась голова» — «у него кружилась голова и дрожали колени». к

Вместо «Сам Ляховский сознавал это». — «Тяжелее всего было то, что сам Ляховский сознавал это». к

После слов: «и даже плакал» — «Даже к свадьбе дочери Ляховский отнесся как-то почти совсем равнодушно, как к постороннему человеку». к

С. 309. После слов: «шли на подтопку»: «В Ляховском теперь не на жизнь, а на смерть боролись два человека: старый и новый; борьба склонялась то на ту, то на другую сторону, но будущее все-таки оставалось за этим страшным, новым человеком» к

Вместо «— Но я скоро не умру». — «— Но я не умру». к

С. 311. После слов: «Ваш процесс клонился в вашу пользу...». к

«— Да?» к

После слов: «если они успели провести дело» — «через Сенат». к

С. 312. Вместо «у изголовья умирающего отца» — «у изголовья умиравшего отца». р

С. 313. После слов: «быстро расправил свои крылышки»: «и начал протирать глазки отцовским денежкам». к

С. 315. Вместо «По зимнему пути Веревкин» — «По последнему зимнему пути Веревкин». к

Вместо «Не помню, едва ли» — «Не помню такой фамилии». к

С. 316. После слов: «Не бросить же заводы псу» — «под хвост». к

Вместо «На мельнице зимой работа кипела» — «На мельнице зимой за недостатком воды работы было немного». к

Вместо «Привалов ездил в Гарчики довольно часто, но когда первые хлопоты поулеглись и свободного времени оставалось на руках много» — «Привалов ездил в Гарчики раза два, а в третий ехать было положительно не за чем. Свободного времени оставалось много...» к

С. 320. После слов: «непосильным бременем». — «Идти сейчас же и убить Половодова? Да, Половодова. Эта проклятая фамилия была для него двойным наказанием! Но ведь он тогда предлагал Антониде Ивановне разойтись с мужем и повести дело открыто, затем Половодов, как семейный человек, держал себя слишком свободно для самой нетребовательной женщины, наконец, сам же Половодов, может быть, и устроил всю эту историю, чтобы спасти себя... к

Разве он так относился к Зосе?» к

После слов: «Может быть, она не отдалась еще Половодову» — «телом — для такого физического обмана...» р

С. 322. Вместо «теперь превратился в какой-то лагерь» — «теперь превращался в какой-то громадный лагерь». к

С. 324. После слов: «и за все заплатил»: к

«— Видите ли, в чем дело, — объяснял Веревкин, когда они уже надевали шубы, — этому Виктору Васильичу втемяшилась какая-то дичь в башку, ну, он, наверно, (решил. — *ред.*) устроить Катерине Ивановне изрядный скандал. Она просила меня Христом Богом не приводить к ней Виктора. Кстати, сегодня у ней будет генеральное сражение: папахен режется напропалую с иркутскими купцами». к

С. 327. После слов: «мудреных приводов». — «Русские ярмарки являются типичным зеркалом нашей русской торговли, которая творится неведомыми путями, повинуюсь самым темным законам: если где-нибудь за границей фабрикант и коммерсант из копейку в копейку могут вперед рассчитать все свои обороты, то наши отечественные промышленники и купцы держатся единственно случаем и русским «авось». Умел поймать случай — твое счастье, пропустил — не погневайся. Только на русских ярмарках и возможны такие пассажи, что никто и ничего не знает, что и как будет: Господь цену поставит на все... Если за границей разные кризисы и повторяются периодически, то вся наша торговля и промышленность представляет сплошной такой кризис: едет купец из Иркутска с пушшиной, надеется на высокую цену, другие тоже, а цена вдруг спала; на сало не рассчитывают, а оно полезло в гору. С другими товарами тоже. Как, отчего, почему — никто и ничего не знает: на то наша пьяная, безобразная ярмарка, ей ничего нельзя рассчитать вперед, а нужно ловить случай... А между тем вот эти самые пьяные купцы и фабриканты держат в руках все; сила капитала растет по часам, властно захватывая на своем пути всех. Пока наука мирно уживается по кабинетам, аудиториям и лабораториям, мечтая о благе всего человечества, пока политические деятели неумоимо создают свои правомерные административные машины, пока утописты и мечтатели из края в край перестраивают целый мир, — вот эта самая пьяная орда вершит все дела, прокладывая тысячи своих собственных путей, создавая свои основы и методы, свой крепкий купеческий мир. Вот где бьется самая живая и самая сильная артерия многомиллионного колосса». **к**

Вместо «другой такой не подберешь» — «другой такой не подобрать». **р**

Вместо «А публика даже уж точно решилась» — «А публика даже ума точно решилась». **к**

После слов: «акварию раздавили» — «Да мало ли каких чудес у нас понаделано». **к**

С. 328. Вместо «сумнительный характер» — «сумлительный характер». **р**

С. 331. Вместо «на его долю еще осталось» — «на его долю еще много осталось». **р**

Вместо «а ты, будто мой брат» — «а ты будто мой дядя». **к**

С. 333. Вместо «Да и пьян порядочно» — «Да и пьян». **к**

С. 336—337. После слов: «колоссальным фактом» — «который давил и давит все на своем пути». **к**

С. 337. Вместо «сдержанный полупшепот» — «сдержанный полуголос». **к**

После слов: «взволновало Привалова» — «точно он опьянел». **к**

С. 338. Вместо «выглядел по-прежнему каким-то подвижником» — «выглядел подвижником-постником». **к**

С. 339. Вместо «одной рукой за левый бок» — «одной рукой за левую половину груди». **р**

С. 340. После слов: «катились крупные слезы» — «Лепешкин стоял в углу и тоже плакал. Несколько человек купцов безучастно смотрели на эту сцену, поглядывая на дверь». **р**

С. 342. После слов: «с наследником приваловских миллионов» — «как и бедный Виктор Васильич». **к**

С. 343. После слов: «раздел до последней нитки»: Вместо слов (Ивана Яковлича): «Нарвался на какого-то артиста. Ну, он меня и раздел до последней нитки» в журнальном тексте читаем: «Нарвался на какого-то ботаника. Ей-богу... Доцент какого-то университета. Ну, он меня и раздел до последней нитки». **р**

С. 344. После слов: «поразили эти слова» — «сердце отозвалось нервной болью на это старческое равнодушие. Мать не должна была радоваться смерти даже преступной дочери». **к**

С. 346. Вместо «теперь как-то начинало терять интерес в его глазах» — «теперь потеряло всякий интерес в его глазах: это единичное усилие являлось совершенно незаметным в общем складе жизни». **к**

Вместо «мелькнет знакомое лицо» — «мелькнет знакомое женское лицо». **к**

Вместо «смотрят агавы» — «смотрятся агавы». **р**

После слов: «хорошо, как в раю» — «У него даже в ушах что-то звенело». **р**

С. 348. После слов: «больше, чем тяжело»:

«— Я слушаю, — коротко ответила Надежда Васильевна». **к**

После слов: «как холодеет вся» — «и как ей делается страшно». **к**

После слов: «Зачем именно в такой форме?» — «Привалов не щадил себя, когда рассказывал свои отношения к Половодовой и свою любовь к Зосе: все это так походило на плохой роман, написанный человеком очень неопытным в композиции и группировке действия». **р**

С. 349. После слов: «слишком пристрастно» — «Если вас обезоружил численный перевес противников, с которыми вам приходится вести неравную борьбу, то вы не должны были забывать, что за вас — время и вера в идею. Именно, необходимо верить, что всякая правая идея никогда не заглухнет и не умрет, а проложит себе тысячи новых путей и возродится в тысячах новых форм.

Надежда Васильевна увлеклась своей речью, глаза у нее заблестели». **к**

Вместо «со смешанным чувством удивления» — «со смешанным чувством восторженного удивления». **к**

После слов: «кончила она» — «свою речь». **к**

С. 350. Вместо «что вы не забудете нас» — «что вы не будете нас забывать». **к**

С. 351. Вместо «Но в течение какого-нибудь месяца» — «Последнего было совершенно достаточно, чтобы в течение какого-нибудь месяца». **р**

После слов: «сердце не камень»:

«— Добры они, Миколай-то Иваныч, — объяснял Лука своей приятельнице Досифее. — А уж коль они из себя просты, то есть вот, кажется, снял бы с себя последнюю рубашку да им отдал.

Досифея недоверчиво мычала и показывала только, что у Миколая Иваныча живот очень велик и глаза по ложке. Впрочем, если он выправит Витеньку, сама-то его озолотит, даром что после него обкуривает все комнаты.

— Если ты, Досифеюшка, насчет живота сумлеваешься, так это пустяки, — резонировал Лука. — Такое здоровье Господь дал. А ты бы послушала, какой разговор у Миколая-то Иваныча: точно сахаром тебя всего осыплет. Что слово — то рупь... А уж барича Миколай Иваныч беспрерменно выправит! На што Василий Назарыч у нас строги насчет разговору, не любит спуста слово

молвить, а тут как-то и говорит мне: «Видел, Лука, приворотну-то гривенку?» — а сами смеются. к

Вместо «сколько он ни присматривался» — «как он ни присматривался». к

Вместо «тоже с немалым страхом ждали» — «уже с ужасом ждали». к

С. 352. После слов: «ни одного лишнего раза»:

«— Вот уж барин так барин умилялся Лука, наблюдавши эту трапезу в дверную щель. — Сейчас видно настоящего барина. Не то, что другие: все у него обстоятельно. У нас в крестьянах по еде батраков нанимают, кто торопится да хватает, тот не работник!» к

После слов: «невеселое настроение» — «Оставалась одна Верочка, да еще Павла Ивановна». к

Вместо «какой переполох произвело» — «какую сенсацию произвело». к

Вместо «сыпались карты из рук» — «выпали карты из рук». к

С. 353. Вместо «Марья Степановна сейчас же спохватилась» — «старуха сейчас же спохватилась». к

Вместо «только махнула рукой» — «только махала рукой». к

С. 354. Вместо «не чуждый общих слабостей» — «не чуждый общих законов юности». к

С. 355. Вместо «Надоело болтаться». — «Надоело болтаться задарма». к

Вместо «Пора быть бычку на веревочке». — «Ну, значит, быть бычку на веревочке». к

С. 356. После слов: «оставался честной и прямой натурой»: «В его идеях сказывалась приваловская промышленная закваска, что особенно нравилось Надежде Васильевне, отвечая ее деятельной, энергичной натуре» к

С. 357. После слов: «освежающий элемент» — «В Надежде Васильевне, не заметно для нее самой, сказывалась любящая женская душа, инстинктивно отдававшая себя человеческим страданиям». к

С. 358. Вместо «над чем бьются миллионы человеческих голов» — «над чем бьются миллионы человеческих умов». к

С. 360. Вместо «Я совсем забыл» — «Я совсем запомнил». к

С. 363. После слов: «уехать из Гарчиков на прииски». — «У Привалова был арендован в «орде», то есть у башкир, большой участок земли, десятын в пять сот, и он теперь занят был устройством на нем образцового хозяйства с фермой, скотным двором и сыроварней. Закупали земледельческие орудия и скот, нанимались рабочие по «кондракту», чтобы поднимать озими нынче же. От этой работы его отрывали частые поездки в Узел, где нужно было устраивать разные операции по хлебной торговле и специально банковские дела. Надежда Васильевна внимательно следила за этой работой и откровенно высказывала ему свои мысли и замечания. Но это участие ограничивалось исключительно только делами Привалова и нисколько не распространялось на него самого, точно он больше не существовал для Надежды Васильевны. Привалову начинало казаться, что она просто презирает его и если еще выносит его присутствие, то только из самого обидного снисхождения». к

Вместо «ждали этого срока» — «поджидали этого срока». к

Вместо «шла прежняя жизнь» — «творилась прежняя жизнь». к

С. 363—364. Вместо «отыскивал везде одни удовольствия» — «отыскивал удовольствия» **к**

С. 365. После слов: «поверенного от конкурса»:

«— Что же делать? — спрашивал опешивший Привалов.

— Опять ехать в Мохов, — говорил Веревкин».

к

С. 366. Вместо «Ваша недостойнейшая ученица» — «Ваша недостойная ученица» **к**

С. 367. Вместо «а лично от себя» — «а специально от себя».

к

С. 368. После слов: «а относилась к жениху» — «так просто и естественно, как» **к**

С. 369. После слов: «люди очень скоро портятся» — «Я тебе вот что лучше предложу, Николай Иванович... Не для тебя огород городил, да видно уж твоё такое счастье. Видишь, сам я стар, Шелехов тоже, а заместиться нам с ним некем... Сначала я надеялся на Костю — не захотел он приисками заниматься, предлагал Привалову — тоже. Теперь, видно, твоя очередь пришла: в охотку поработаешь, а от городского веселого житья подальше — оно меньше соблазну для молодого человека... Так я говорю?».

к

С. 371. Вместо «Смерть — самый счастливый исход для таких больных» — «Смерть — самый лучший исход для таких больных».

к

После слов: «пропала ни за грош»: «На каком поприще он мог найти приложение своих сил? Где та работа, которая всецело могла бы поглотить эти даром погибшие силы?».

к

Вместо «Чтобы развлечь Надежду Васильевну, доктор строил всевозможные планы, как устроить ее». — «Чтобы развлечь свою ученицу, доктор строил всевозможные планы, как устроить Надежду Васильевну».

к

С. 372. После слов: «неподозреваемые достоинства» — «его не тянуло никуда из дому».

к

Вместо «Какая-то компания» — «Какая-то жидовская компания».

р

С. 373. Вместо «дали отступных, кажется, тысяч сорок» — «дали отступных сорок тысяч».

к

Вместо «Утром еще было темно» — «Утром, действительно, еще было темно».

к

С. 374. Вместо «напрасно старался решить вопрос» — «и старался решить вопрос».

к

С. 375. Вместо «Школу зимой открыла» — «Школку зимой открыла».

р

Вместо «как-то смутительно» — «как-то сумлительно».

р

С. 377. После слов «Разве это была чета другим женщинам» — «вроде Веры Васильевны».

р

С. 380. Вместо «если только думать о самом себе» — «если это только думать об одном себе».

к

Вместо «Я взят был к Павлу Михайловичу сиротой» — «Я взят был к Павлу Михайловичу в дом сиротой».

к

Вместо «если бы у меня тогда на Варваринском не случилась беда» — «если бы у меня тогда шахту на Варваринском не залило».

р

С. 381. Вместо «он не дал погибнуть» — «он не позволил погибнуть».

к

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»

Роман «Приваловские миллионы» был впервые опубликован в журнале «Дело» 1883 г., № 1-5, 7-11, отдельным изданием вышел в начале в 1897 г. — М., Д.Ефимов и М. Ключкин.

Писатель несколько раз упоминал о том, что он трудился над этим сочинением целых десять лет: в письмах к матери от 21 марта 1882 г. и брату Владимиру от 24 декабря 1882 г., в автобиографическом очерке, представленном в Литературный фонд, и в романе «Черты из жизни Пепко». От первых пяти лет работы над ним в юношеский, петербургский период жизни писателя (1872—1877) ничего не сохранилось. Зато от последующих пяти (1878—1882) осталось такое количество рукописей-автографов, какого не имеет больше ни одно произведение Мамина-Сибиряка: заверченный роман «Семья Бахаревых» (1877—1878), начало другого романа «Каменный пояс» (1879—1880) в двух вариантах и черновик повести «Сергей Привалов» (1880—1881)¹. Над первым своим шедевром писатель работал тщательно, постепенно набирая творческое мастерство и все более уточняя замысел романа. Вступая в большую литературу, Мамин-Сибиряк ориентировался на ведущие демократические органы печати: гордился тем, что его рукописи были приняты в «Отечественные записки» самим Салтыковым-Щедриним, и «Приваловские миллионы» тоже отправил в радикальный журнал «Дело» (возникший на почве знаменитого «Русского слова», закрытого в 1866 г.). Сразу заметим, что установка на авторитет идеологов демократии и народничества имела двойственные последствия: усилила социально-критическую направленность произведения и одновременно вынудила писателя подчас наступать на горло собственной песне, обедняя некоторые сюжетные линии произведения.

Приступая к работе над этой статьей, мы намеревались назвать ее «От романа семейного к роману социальному», но затем отказались от такого

---

¹ Время работы Д.Н.Мамина-Сибиряка над рукописями, подготовившими «Приваловские миллионы», установлено Е.А.Боголюбовым. См: Боголюбов Е.А. Творчество Мамина-Сибиряка. Выпуск II. Творческая история «Приваловских миллионов». — Молотов, 1944, с.26-28, 30-31, 46-47; Он же. История работы Д.Н.Мамина-Сибиряка над романом «Приваловские миллионы». Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр.соч. в 12-ти томах, Т.2. — Свердловск, 1948, с.384-392.

названия по ряду причин. Во-первых, потому что прелюдия к «Приваловским миллионам» — «Семья Бахаревых», еще очень сильно отличающаяся от окончательного текста, все же не является в чистом виде семейной хроникой, вопреки наименованию — и в ней значительное место занимает общественная злоба дня. А во-вторых, и это главное, в каноническом тексте «Приваловских миллионов» мысль о семье не уходит на периферию содержания — она органически слита с главной проблемой — проблемой хищнического разорения уральских богатств и деградации заводчиков, т.к. речь в романе идет не только о сохранении национальных достояний Урала и передаче их народу, но и о воспитании духовно крепкого промышленника, о сохранении здоровых наследственных корней в регионе, где прежде сложился образцовый тип труженика-россиянина, «фундатора» отечественного производства.

На наш взгляд, сплав социальной и семейной проблематики — особенность не только «Приваловских миллионов», но и других романов Мамина-Сибиряка — «Горное гнездо», «На улице», «Хлеб», «Золото» и др. Обновление традиционного общественного романа в творчестве уральца совершалось за счет смелого использования средств натуралистической типизации и за счет переосмысления традиционных семейных и любовных коллизий русского социально-психологического романа.

Творческой истории «Приваловских миллионов» посвящено специальное исследование проф. Е.А.Боголюбова² и написанная на основе его большая статья во втором томе Собрания сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка в 12-ти томах — Свердловск, 1948 (издание вышло под редакцией Е.А.Боголюбова). Проблемы истории романа рассматриваются также в статье И.А.Дергачева «Новые люди в творчестве Д.Н.Мамина-Сибиряка».³

Работы Е.А.Боголюбова и И.А. Дергачева выполнены в годы идеологического диктата марксистско-ленинской теории, и это не могло не повлиять на частные и общие выводы авторов, стремившихся доказать, что Мамин-Сибиряк «подтверждал объективным смыслом своего романа тот анализ, который был дан марксизмом» (Боголюбов, 397). С особым тщанием исследователи тех лет пытались провести водораздел между Маминым и народниками — противниками марксистов, доказать, что Мамин стоял ближе к революционной демократии 1860-х г., нежели к народничеству 1870-1880-х гг.

Особенной заслугой автора «Семьи Бахаревых» Е.А.Боголюбов и И.А.Дергачев сочли образ Батманова, созданного якобы под сильнейшим влиянием «особенного человека» Рахметова — героя романа Чернышевского «Что делать?» и наделенного чертами Рахметова: «силой влияния на

² Боголюбов Е.А. Указ.соч.

³ Дергачев И.А. Д.Н.Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. Екатеринбург. 1992, с.48-75.

окружающих», «дерзновенностью замыслов, доходящих до прямых мечтаний о революции».⁴ В глазах других персонажей Батманов — исключительная личность, и, как верно заметил И.А.Дергачев, «ему больше всего достается романтизирующих авторских определений».⁵ Однако в сюжетном движении романа Батманов оказывается на периферии, а в традиционном испытании любовью — отвергнутым Надеждой Бахаревой, девушкой, чьи симпатии и антипатии, подобно героиням Тургенева, являются безошибочным критерием оценки личности. Надежда Бахарева выходит замуж за Привалова — человека, который в этом романе лишен каких-либо героических качеств: он служит агентом в какой-то английской фирме, скупающей в России хлеб, и на небольшой капитал заводит ферму в деревне. Батманов и Привалов соотнесены друг с другом как человек особой породы, живущий грандиозными мечтами, способный к великим делам, с одной стороны, и как представитель людей «трезвых действительностью, крепко сидящих на своей земле, каждый под своей смоковницей».⁶

Примечательно, что хотя Батманов аттестуется как тип героя на все времена, не принадлежащий к одному поколению, а способный какими-то клиньями врезаться в любую эпоху, в его взглядах и позиции обнаруживаются черты семидесятника-анархиста, а не шестидесятника вроде Волгина из романа Чернышевского «Пролог», с которым сравнивает его Е.А.Боголюбов. Батманов отрицает либеральные реформы, но не как Волгин, полагающий, что социальные «полумеры» не решат назревших проблем, — Батманов не признает уже действующие новые учреждения — земства и гласные суды — он их «отрицал в самом основании» (1, 398), т.е. отрицает сами идеи местного самоуправления и состязательного судебного процесса, которые защищает Привалов, или, иными словами, сам путь реформирования государственных институтов. В такой отрицании слышится уже идеология анархистов, не веривших в государство как силу, способную дать благоденствие стране, — эту мысль обосновал вождь русского анархизма М.А.Бакунин в известном труде «Государственность и анархия» (1873). Анархистский характер носят и революционные устремления Батманова. В отличие от демократов-шестидесятников, он не верит в народ, в крестьянскую массу как решающий фактор исторического развития России: «Если бы даже случилось что-нибудь вроде революции, то это бы послужило несомненным поворотом назад, потому что, с одной стороны, перевес мертвой мужицкой силы, а с другой — отлично сформированный легион дельцов сейчас же сделали бы свое дело» (1, 399).

---

⁴ Боголюбов Е.А. История работы Д.Н.Мамина-Сибиряка над романом «Приваловские миллионы», с.387

⁵ Дергачев И.А. Указ.соч.,с. 54

⁶ Наше издание, Т.2, кн.1, с.420. (В дальнейшем все ссылки на наше издание в тексте, в скобках: первое число указывает на номер тома, книги, второе — на страницу).

Между тем Батманов вынашивает мечты о широчайшем бунте, который охватит Россию «извне», со стороны ее окраин, и осуществится не серой массой народа, а искони мятежным элементом российского населения: казачеством, разбойным и бродяжьим людом, раскольниками. «Вот встал тихий синий Дон, за ним поднялось и забушевало Поволжье, дальше встrepенулось орлиное казачье гнездо на Днeпpe, и полетели орлята во все стороны, поднимая и далекий Яик, и более далекие Соловки, и старый Волхов, и привольную богатую Кубань, и угрюмую глубокую Каму...» (1, 418) Это мечта в духе того же Бакунина, утверждавшего, что главный оппозиционер в русском народе — разбойник. «Вот почему разбой составляет важное историческое явление в России — первые бунтовщики, первые революционеры в России, Пугачев и Стенька Разин, были разбойниками. Более чем когда-нибудь разбой остается единственным выходом для лица и для целого народа — всеобщий бунт, революция».⁷

Не случайно сам Батманов ведет происхождение от запорожских казаков, а славный предок его из этой среды «сделался атаманом какой-то разбойничьей шайки, долго бродившей по берегам Волги, Дона и Днeпpa...» (1, 419).

Утопизм анархистов, мечтавших об автономных в отношении к государству самоуправляющихся общинах, просматривается в грезах Батманова об устройстве нового «золотого века» — «в глухих уголках» среднеазиатских земель, где древнейшая государственная цивилизация исчерпала себя, но «каждый большой камень имел за собой не умиравшее предание» (1, 420). Таким образом, психология семидесятника-анархиста, а не шестидесятника-демократа отразилась в мечтаниях Батманова.

В образе «орла» Батманова Мамин отразил знаменательное явление того десятилетия, в которое создавался роман, но это вовсе не доказательство сочувствия писателя идее «всеобщего бунта». Преждевременная смерть Батманова, очевидно, знак ненужности его в эпоху, описываемую Маминым. Но «убивая» героя-бунтаря, писатель благословляет на жизнь сторонников другой народнической идеи — интеллигенцию, идущую в народ и по мере сил своих борющуюся за уменьшение зла народной жизни. Так поступают положительные персонажи романа, «трезвые действительностью, крепко сидящие на своей земле». Это группа горожан Сибирска, переезжающих на жительство в село Житово: мировой судья Сараев, доктор Толмачев, фермер Привалов, жены Сараева и Привалова — сестры Бахаревы. Примечательно, что у героев Мамина это «вхождение в народ» совершается без всяких программных установок и заданных целей: люди едут в деревню, руководствуясь личными нравственными потребностями и житейским расчетом: стремясь к независимой жизни, к душевному здоровью. Из них один лишь Привалов воспринимает земле-

⁷ Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. — М., 1989. с. 517-518.

дельческий труд как рычаг возможных социальных преобразований. Но деятельность их оказывается полезной мужику, не защищенному от произвола «сильных», от болезней и напастей. И они сами, без всякой натуги, входят в заботы и беды крестьян, особенно женщин и детей. Они не могут обрести чувства слитности с народом (это хорошо показано в сцене рождественской литургии в деревенской церкви), но добиваются его доверия, а главное, сами, в отличие от Батманова, верят в народ, в его умственные и нравственные силы.

Как ни важна антитеза социальных позиций Батманова и Привалова, не она структурирует архитектуру романа, название которого указывает на доминирующую роль семейной проблематики, — главные сюжетные линии составляют истории любовных страстей и брачных союзов. И Батманов, и Привалов втянуты в эти истории. А художественное изображение бурных любовных потрясений и сложного процесса созидания семьи подчинено выявлению некоторых общих бытийных законов человеческой жизни. Не случайно писатель изображает ряд персонажей, весьма отличающихся один от другого по социальному положению, взглядам, характеру, темпераменту и т.п., но переживших сходные психологические ситуации. Чаще всего это состояние страдания, доходящего до отчаяния от неразделенной или не сближающей людей любви. Начинается цепь этих историй с увлечения Надежды Бахаревой Батмановым. Увлечение это очень сильное, но и мимолетное, как жизнь поденки, севшей на платье девушки в момент объяснения в любви. Исповедь Батманова о «великой и святой цели», ждущей их впереди, вызывает сразу и восторг, и страх девушки. «Как виноватая в каком-то преступлении, оставляет она рудник Талый, где, казалось, нашла свое счастье». Любовь, озарившая ее светом, принесла и непрекращающиеся муки от ощущения, что он и она — люди разного склада, разных судеб, которым не сойтись в одну, — это чувство особенно укрепилось в ней после разговора с отцом, Василием Назарычем, резко противопоставившим героев на час подвижникам повседневного труда.

Затем следует история несчастной любви Зоси Ляховской к Батманову: переживания отвергнутой женщины вызывают тяжелую болезнь, едва не кончившуюся смертью. А лечивший ее доктор Толмачев сам изнывает от мучительного чувства безответной любви к Зосе и близок к умопомешательству. Наконец и Батманов, узнавший, что Надежда вышла замуж за Привалова, оказывается совершенно сломленным этим известием — с этого момента жизнь теряет для него всякий смысл — и смерть его от медведя на охоте походит на самоубийство.

Каков же общий источник и причина всех этих драм и трагедий? Страсти, переживаемые всеми героями, представлены как сильнейшие, но бессознательные желания людей, как зов самой жизни, оборачивающейся для

человека муками, страданиями. Попытку философского объяснения этого феномена бытия делает Батманов накануне роковой для него охоты. Он почти признается своему другу Константину Бахареву в желании самоубийства: «... неизбежно приходишь к тому, что собственно жить, пожалуй, и не стоит, жить во имя тех миражей, которые при вашем приближении сейчас же рассеиваются, как туман... Что же остается? Остается в руках сухой логический вывод, остается безжалостная аксиома, что то, что служит могущественнейшим рычагом жизни, что делает нас счастливыми и несчастными, что заставляет сходить с ума, лишать жизни — есть только удовлетворение замаскированному стремлению господствующей над человеком воли жить в «виде». (1, 708)

Итак, любовная страсть как путь к счастью — это самообман, реально эта страсть направлена природой лишь к продолжению человеческого «вида», к новому физическому воспроизводству людей — и все, что отклоняется от этой принципиальной цели, неизбежно ведет к страданиям.

Теория эта не изобретение Батманова и автора романа. Она является своеобразной позитивистской интерпретацией философского учения А.Шопенгауэра о воле к жизни. В романе «Семья Бахаревых» она излагается без ссылки на ее источник, в других редакциях «Приваловских миллионов» уже названо имя философа, а в рукописи заключительного произведения литературный преемник Батманова Максим Лоскутов будет разъяснять узловским интеллигентам смысл философии Шопенгауэра (в журнальном варианте романа и в каноническом тексте эти рассуждения исчезнут).

Философия Шопенгауэра очевидно произвела большое впечатление на Мамина-Сибиряка, но и вызвала сопротивление молодого писателя той «зоологической правде», которую усмотрели в этом учении его герои. В романе «Семья Бахаревых» страдальцами от неудовлетворенных желаний, от роковой «воли к жизни» оказываются люди, не способные или не желающие подчинить свои страсти голосу рассудка, познанию собственной сущности. Впрочем, по Шопенгауэру, автору знаменитого сочинения «Мир как воля и представление», познание человеком себя не освобождает его от диктата волевых инстинктов. «Воля есть нечто первое и основное, познание же просто привходит к явлению воли и служит его оружием. Поэтому всякий человек есть то, что он есть в силу своей воли, и его характер — это нечто изначальное, потому что желание составляет основу его существа... Таким образом он познает себя в силу качеств своей воли и в соответствии с ними, а не хочет вследствие своего познания и в соответствии с ним...»⁸

В романе «Семья Бахаревых» людям, действующим в силу «самовольного хотения» (Достоевский), противостоят другие — определяющие свои

⁸ Шопенгауэр А. Собр.соч.: в 5-ти тт., Т.1. — М., 1992, с.283.

отношения с окружающими их свободным сознательным выбором. Эти люди больше всего озабочены устройством надежной семьи. В жизни интимной и брачной, как и в сфере общественной, приоритет здесь имеют люди «средние», трезво уравновешенные, не захваченные испепеляющими страстями. Разумеется, успехи и удачи этих людей можно объяснить и в рамках батмановской интерпретации теории Шопенгауэра: это люди, в желаниях которых обнаруживается, без всяких миражей и обманов, главная воля природы — воля к продолжению биологического вида — потребность создания семьи для продолжения «фамилии». Но в их матримониальные намерения и цели входят и духовные запросы, «миражи», по определению Батманова. Потребность нормальной семьи, основанной не только на «зоологической правде», но и на духовных скрепах, предстает в романе «Семья Бахаревых» как важнейшая онтологическая цель самой природы.

В центре романа история семьи Бахаревых, в которой совершается процесс передачи, наследования «фамильного» вида — процесс не простой, осложненный конфликтами, разрывом между отцом и детьми и все-таки в конечном счете жизнеутверждающий.

Семья Бахаревых предстает здесь в ином составе, чем в окончательном романе: вместо супруги Василия Назаровича хозяйкой дома является его престарелая мать, есть еще жена младшего сына Виктора Сашенька, умирающая при родах, — остальные члены семьи те же, что и в «Приваловских миллионах». Василий Назарыч Бахарев — безусловно, центральная фигура романа, т.к. его прочные убеждения промышленника и семьянина корректируют общественные искания одних героев и мучительные любовные страсти других. В данном романе он выступает как судья всех народных иллюзий, высмеивая и отвергая и «героизм» Батманова, и «прожектерство» Привалова; в фермерстве последнего Бахарев усмотрел лишь продолжение «глупых дворянских выдумок». Василий Назарыч ополчается и на других «героев времени» — рыцарей скорой наживы, пользующихся всяким случаем, чтобы ограбить ближнего и казну. Он с гордостью противопоставляет свой статус истинного промышленника положению и старого купца и новейшего воротилы: его денежные доходы идут прежде всего на развитие «дела» — его волнует общее экономическое состояние России. В Бахарева запечатлен тип фундатора российской горной промышленности, закладывающего основы национального богатства. Вместе с тем он утверждает не только принципы честного и активного предпринимательства, но и этику вечного труженика и патриота родного края. «Вытянуть целую жизнь» как неустанный подвижнический труд — такова для него норма поведения настоящего человека. Эти же принципы, по логике его разговоров с дочерью Надеждой, — основа крепкой семьи и личного счастья. Вместе с тем неперменным условием счастливой семейной жизни

для Бахарева, воспитанного на староверческих преданиях, является безусловное послушание детей и продолжение ими дела отца. Но и то и другое встречает сопротивление его собственных детей и ведет к семейному кризису: дети уезжают от отца. Однако клан Бахаревых не распадается в силу того, что у дочерей Василия Назаровича обнаруживается та же воля, что и у отца.

Дальнейшая судьба семьи Бахаревых определяется активностью младшей дочери Веретты. Это удивительно, но именно Верочка Бахарева, которой в «Приваловских миллионах» отводится второстепенная роль «простушки», терпеливо дожидаящейся своего жениха, в «Семье Бахаревых» становится новым объединяющим центром семьи и вместе с тем основательницей интеллигентской колонии в Житове. Это удивительно потому, что по литературной генеалогии Верочка принадлежит к типу девушек обыкновенных, заурядных, вроде Ольги Лариной в романе «Евгений Онегин» или Марфиньки в «Обрыве» Гончарова. Как у Пушкина и Гончарова, у Мамина на протяжении всей истории «Приваловских миллионов» Вера и Надежда Бахарева представлены как антитеза женщины простой, «средней» и личности исключительной, с большими запросами. И однако же обыкновенная Верочка в романе «Семья Бахаревых» является не сторонницей патриархальных обычаев, а человеком самостоятельным, по собственной воле решающим свою судьбу. Она не захотела ждать, пока ее «выберут»; пока найдется долгожданный принц. Будучи однажды обманутой в своих брачных расчетах, она в другой раз, в отместку всем мужчинам, решительно и незамедлительно ведет своего избранника к супружескому финалу.

Подвиги Верочки в пределах иного локуса могут показаться ничтожными, но для самой Верочки ее успех — это победа в неравном поединке с мужской половиной рода человеческого, всегда имеющей привилегии «сильного пола». Верочка мудро направляет свой семейный корабль с мужемженолюбом в русло спокойной деревенской жизни, оберегающей его от городских соблазнов. Сумев выдать сестру Надежду за Привалова, она переносит в Житово и часть бахаревского Дома.

Вместе с тем ее активность в пределах семейного клана служит и обеспечению интеллигентской «колонии» в деревне, потому что первейшим условием серьезного и длительного существования в гуще крестьян для интеллигента-народника оказывалась крепкая семья, союз супругов-единомышленников, одинаково понимавших ценности жизни.

Акцент на этой идее сделан в финале романа, когда Привалов получает от старца Евстигнея благословение от скончавшегося на чужбине отца. Оно заставляет вспомнить наказания отца мальчику Сергею: отец учил его тому, что важнее всяких денег должна быть забота о чистоте души и верность земле, вскормившей человека. И Привалов верен этим заветам:

мысль поселиться в деревне, «землю пахать», возникла у него из глубокой душевной потребности послужить возрождению отечественного земледелия, которое, по его убеждению, было и остается основой российской экономики. И никакая земля не представляется ему такой богатой и вместе с тем нуждающейся в нем, как родной Урал.

Роман «Семья Бахаревых» концептуально и архитектурно хорошо выверен и завершен — писатель сильно рассчитывал на его публикацию. Однако ни один журнал не принял его к печати и, по-видимому, не только по причине художественной слабости произведения, которое справедливо было отмечено Е.А.Боголюбовым: недостаток сочности и силы языка, злоупотребление многословной риторикой, вычурные метафоры, олицетворения, недостаточная творческая оригинальность и следование готовым образцам из Гоголя, Тургенева, Теккерей и др. По-видимому, редакторов журнала не удовлетворяла и идейная сторона произведения, например, вряд ли Батманов, сочувственно излагающий философию Шопенгауэра и оправдывающий самоубийство, воспринимался ими так же, как оценивали его советские исследователи, — образцовым революционером.

Следующим этапом в истории «Приваловских миллионов» было составление писателем плана нового романа «Каменный пояс». План этот сохранился, он был опубликован в «Сборнике Зауральского края, посвященном памяти писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка», Ектб., 1913 — под названием «Выдержки из черновых тетрадей Д.Н.Мамина. «Каменный пояс». Роман Дмитрия Рассказова. 1879» (Дмитрий Рассказов — один из ранних псевдонимов Мамина-Сибиряка).

В этом плане смешиваются некоторые эпизоды и коллизии «Семьи Бахаревых» с новым замыслом: показать Привалова уже как наследника миллионера-золотопромышленника. Система действующих лиц приближается к той, которая окончательно утвердится в «Приваловских миллионах»: важнейшими персонажами становятся Ляховский и Половодов (сменивший председателя земской управы Сажина), адвокат Николай Веревкин — личность более сложная и значительная, чем присяжный поверенный Любавин в предыдущем романе. Вместо Батманова появится Лоскутов, унаследовавший от своего идейного предшественника «силу отрицания», нечто магически привлекательное, и трагическую любовь к Нолли (Надежде Васильевне). Общественная позиция Привалова определена здесь четко: «Я хотел заплатить большой долг, который лежал на моей совести, я хотел заплатить за три поколения моих отцов, но ... кто знает, что будет завтра».⁹ Привалов в этом романе изображен человеком, болезненно воспринимающим социальные контрасты. Так, намечена сцена подготовки к

⁹ Выдержки из черновых тетрадей Мамина // Сборник Зауральского края, посвященный памяти писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка. Екатеринбург, 1913. С.86; настоящее изд. 2.

сплаву барок на знаменитой пристани, с которой народ отправляет свое богатство и остается голодать». (Позднее это выльется в очерк «Бойцы».) «Привалов плакал как ребенок» от картин голода, нищеты и пьянства «перекатной голи» бурлаков — «Пред его глазами проходил страшный акт борьбы за существование».¹⁰

Реализацией этих планов явился текст романа «Каменный пояс» в двух вариантах, представляющий первые две части будущего романа «Приваловские миллионы»: Здесь уже определяется главная сюжетная линия окончательного произведения — борьба за приваловские миллионы, правда, определяется не сразу и по-разному в каждом из вариантов. В «Каменном поясе» Привалов еще не показан наследником Шатровских заводов, за которые необходимо вести борьбу с опекунами — его отец, известный в городе золотопромышленник, сосланный за мошенничество в Сибирь, где он и умер, оставил Дмитрию тысяч пятьсот да дом тысяч в шестьдесят. Наследство делает его завидным женихом, и борьба за него ведется как за богатого жениха. Здесь на первый план выходит тема семьи — описание кланов Ляховских, Веревкиных, Половодовых и, разумеется, Бахаревых. В принципах изображения семейных гнезд в «Каменном поясе» I и последующих редакциях романа вплоть до канонического текста «Приваловских миллионов» сказывается, на наш взгляд, влияние философии Шопенгауэра об определяющей роли желаний, волевых импульсов и поступков для понимания характера человека.

Каждая из названных семей — это родство людей близких по волевым устремлениям, несмотря на то, что эти устремления имеют свою индивидуальную форму. Для Мамина в этой кровной близости наиболее важным аспектом является наследование детьми свойств своих родителей. Целеустремленный Игнатий Львович Ляховский и его взбалмошная дочь Зося, казалось бы, совсем разные люди. Но постепенная потребность новых и новых развлечений, «забавок» у Зоси в чем-то сродни неумной деловой активности ее отца — в жизни отца и дочери другой человек лишь средство для осуществления их постоянно меняющихся замыслов. Привалов при первой встрече с семейством Бахаревых обращает внимание на то, что старшая его дочь Надежда очень похожа на отца серьезностью и прямотой суждений. Зато для него загадкой остается поведение Аллы Веревкиной, в «смелой и вызывающей позе» подававшей Лепешкину стакан квасу, а между тем эта поза приоткрывает секреты всей семьи Веревкиных и прежде всего «бонтонной» Агриппины Филипповны, дом которой держится на лжи, авантюрах и общей продажности.

Противники Привалова Ляховский и Половодов обрисованы в «Каменном поясе» сложнее и ярче, чем в окончательном тексте романа, благодаря тому, что они глубже раскрыты как главы семейств.

¹⁰ Там же.

Писатель сразу предупреждает, что Ляховского не следует воспринимать примитивно как скрягу и неряху: «Походивший на Плюшкина в своем кабинете, Ляховский являлся тем, что на Руси называется светлой головой, умевшей из ничего создавать капиталец... Это был замечательно умный, ловкий и оборотистый человек». (2.65) В «Каменном поясе» I писатель раскрывает сложную ситуацию в семействе Ляховских изнутри — через доверительный рассказ старой сестры Игнатия Львовича Анжелики другу молодости Стрджезинскому. (Оба персонажа появляются лишь в этой редакции романа).

Ляховский изображен не только как личность исключительная по масштабу деятельности и гигантскому труду, но и как чрезвычайно заботливый отец, разработавший оригинальную систему воспитания дочери, чтобы уберечь ее от пошлого влияния женщин своей семьи, от всевозможных предрассудков, а главное, от деструктивных наследственных качеств — «дурной крови». Вместе с тем автор отмечает в нем серьезные интеллектуальные запросы. «Он любил науку и людей науки; в душе этого магната еще остался какой-то уголок, где жило чистое и освежающее чувство любви к истине. Как умный человек Ляховский сумел окружить себя такими людьми, в обществе которых отдыхал душой; в его ободранном кабинете часто велись горячие ученые споры, в которых и сам хозяин принимал самое деятельное участие, являясь совершенно иным человеком, точно под лучами истины с него шелухой спадала его жадность». (2, 66)

Эта характеристика сохранилась и в варианте «Каменный пояс» II и в рукописи-автографе «Приваловских миллионов» и была исключена лишь из журнального варианта, а затем из текста романа, печатавшегося отдельным изданием в 1897 г. и признанного каноническим. Неизвестно, под влиянием ли издателей романа или по собственному почину Мамин исключил эти интереснейшие подробности, но цель сокращений очевидна: желание придать большую социальную определенность образу хищника-наживателя.

Иначе был ретуширован образ Половодова — в нем рельефнее проявляются качества негативные: волокитство, легкомыслие. «Дурак он или умный?» — думает Привалов после первого знакомства с ним. Вполне respectable облик, хотя и подкрашенный авторской иронией, Половодов обретает в окончательном тексте.

В семействе Бахаревых пока еще нет Марьи Степановны, главной опоры староверческих традиций, и нет поэтому конфликта старших в патриархальной среде. Привалов в доме Бахаревых воспринимается сразу как возможный желанный жених Надежды Васильевны, и старшая дочь золотопромышленника, уже в написанных первых частях романа, еще до разрыва с отцом, очерчивается как личность исключительная, давно выросшая из рамок отцовской семьи.

Батманова в «Каменном поясе» I сменяет уже Лоскутов, человек совершенно иной ориентации, но тоже «преоригинальнейший философ». (2, 157) Взгляды его пока не проявлены, Лоскутов предстает лишь как предмет сильных женских увлечений, скрытый «соперник» Привалова. Но масштаб его личности определяется сравнением его именно с Приваловым, которое делает Надежда: «Привалов со своими планами хлебной торговли, со своей мельницей даже показался ей немного жалким и смешным рядом с другим человеком, нравственным гигантом, носителем общечеловеческих идеалов; она с особенным нетерпением ожидала сегодняшнего вечера, заранее наслаждаясь тем чувством окрыляющей гордости, когда видела Лоскутова в обществе других и когда он являлся пред ней в каком-то ореоле неотразимого обаяния». (2, 160)

Впрочем, вскоре дается другая оценка Лоскутова, корректирующая восторги Надежды. Девушка сообщает любимому, что отец ее «так хвалил тебя сначала», а «теперь считает за атеиста и сумасшедшего» (2, 169).

Любопытна еще одна ненавязчивая, но существенная корректировка в освещении личности Лоскутова. Сравняя гуманизм Привалова и Лоскутова, Надежда приходит к выводу, что Привалов любит других людей, не отделяя себя от них, радуясь их радостям и печальась их печалям, Лоскутов же любит их во имя идеи. И именно эта идейная любовь Лоскутова казалась Надежде Васильевне «любовью в полном смысле этого слова, всеобъемлющей и недостижимой... хотя какой-то внутренний голос тихонько пошатывал то грандиозное здание, которое было выстроено на принципе идейной любви». (2, 172) С точки зрения Мамина, истинная любовь та, к которой способен Привалов, и такой гуманизм писатель сделает девизом собственного творчества: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец — вот настоящая жизнь и настоящее счастье.»

Народнические идеалы писателя в «Каменном поясе» I выразились ярче всего в образе учителя Световостокова, пытающегося создать в селе Котел то ремесленную школу для крестьян, то сельскохозяйственную артель учителей — последнее предприятие было воспринято полицией как «занятие коммунизмом» и по требованию станового прекращено. Намерение самого Привалова построить в том же Котле мельницу еще не аттестуется как акция в пользу народа. Образ главного героя романа в этой рукописи обрисован менее выразительно и определенно, чем другие персонажи.

Принципиально важным в рукописи «Каменный пояс» I является тема Урала как края с драматической историей (рассказанной в лекции доктора Сараева) и редким сочетанием природных даров (о которых размышляет Привалов по дороге в Котел). Оба указанных отрывка исчезнут из последующих редакций, но мысли, высказанные в них, органически войдут в плоть романа.

В рукописи «Каменный пояс» II определяется наконец главный конфликт будущих «Приваловских миллионов»: здесь Привалов предстает уже наследником заводов, находящихся под опекой. О необходимости освободиться от опеки речь заходит уже во второй главе рукописи, в сцене визита к Привалову адвоката Веревкина, предлагающего стать его поверенным. Конфликт с опекунами перестраивает всю систему взаимоотношений действующих лиц и определяет более жесткую социальную характеристику мошенников — опекунов Половодова и Ляховского и их пособников (в этой редакции появляется уже и дядюшка Оскар Филиппович).

Тема семейно-психологического исследования получает здесь новую трансформацию. Вместе с миллионным наследством у Привалова появляется и богатое родословие: он изображен потомком основателей уральских горных предприятий — рудников и заводов: в рукописи дается характеристика родоначальника уральских промышленников — Тита Привалова, замечательного «самородка», оставившего вместе с именем гениального заводчика широкий кровавый след в истории Урала; затем пока еще краткая «анкета» другого знаменитого «фундатора» Павла Михайлович Гуляева; рядом с ним поставлен Василий Бахарев не как воспитанник и подручный Гуляева, а как самостоятельный предприниматель, отдавшийся делу добычи золота с фанатической страстью и слепой верой в счастье.

О специфическом повороте темы наследственности, возникшем в процессе работы над «Каменным поясом», Мамин-Сибиряк поведал в своей «Автобиографической записке», написанной во второй половине 1880-х годов: ««Приваловские миллионы» представляют только последний заключительный роман из тех трех, которыми автор предполагал в исторической последовательности очертить преемственное развитие типов уральских заводчиков. В первом романе выступал основатель и родоначальник всей фамилии Тит Привалов, один из тех удивительных типов «первых заводчиков», коих создал XVIII век на Урале: ум, железная воля, самодурство, жестокость, дикое великодушие — одним словом, добро и зло в этих людях перемешалось самым удивительным образом. Этот первый роман должен был закончиться пугачевщиной, которая захватила уральские заводы. Во втором романе, действие которого относится к сороковым годам настоящего столетия, фигурируют выродившиеся наследники; это время беспримерной по своей чудовищности роскоши, мотовства и всяческого безобразия, не сдерживаемого ничем. В этих рамках должен был выступить разгар крепостного режима, как он вылился специально на Урале. В третьем романе, который напечатан, — «Приваловские миллионы» — выведен последний из Приваловых, человек, который несет в своей крови тяжелое наследство и который под влиянием образования постоянно борется с унаследованными пороками. В общем, он повторяет

«раздвоенных» русских людей, у которых хорошие намерения и заветные мечты постоянно идут вразрез с практикой. Таким образом, эта приваловская эпопея должна была захватить полный цикл развития приваловского типа...»¹¹

В рукописи «Каменный пояс» II отмечена прежде всего исключительная жестокость Тита Привалова как заводского управителя, вышедшего из крепостных: «Он ходил по своим фабрикам всегда с заряженным пистолетом, из которого «стрелял всякого, кто учинялся в ослушности». Кнут и батоги работали «нещадно». Но и этого было мало — много несчастных рабочих были живьем брошены в широкие жернова заводских домен или попросту топились в городских заводских прудах». (2-2, 212) Этот фрагмент был включен и в рукопись «Приваловских миллионов», и в журнальный вариант романа и исчез лишь в окончательном, каноническом тексте, где фигуру Тита Привалова как родоначальника знаменитой фамилии полностью вытеснила другая фигура — Павла Михайловича Гуляева. Это вытеснение означало и существенную корректировку первого поколения уральских заводчиков: в Гуляеве на первый план были выставлены совсем иные черты — созидательные: качества талантливого организатора золотопромышленности и основателя целого гуляевского «гнезда» воспитанников, из которого вышла целая когорта фундаторов горнозаводского дела, в которых продолжали жить черты гуляевского характера — выдержка, сила воли, энергия, неизменная преданность старой вере, одним словом — все то, что давало им право на название крепких людей» (1, 42)

На смену им пришла уже иная генерация владельцев заводов, умевших лишь транжирить свое богатство «в пирах и мотовстве». Вместе со сменой акцента в характеристике первых заводчиков в иное русло вводилась и тема наследственности: наряду с аспектом биологическим ясно проступал и другой акцент — исторический.

Мамин не написал трилогии-эпопеи, но идея вырождения уральских промышленников легла в основу «Приваловских миллионов». Определила она и развитие центрального конфликта — характер борьбы Привалова с опекунами. Сергею не удастся отстоять свое наследство, потому что вместе с правами на него он «получил много недостатков и слабостей от своих предков» и прежде всего их разрушительные страсти, их эмоциональную необузданность. Эти пороки и используют его противники, связывая волю Привалова то любовью к Антониде Половодовой, то браком с Зосей Ляховской.

В такой трактовке темы наследственности Мамин-Сибиряк продолжает развивать идею важности биолого-генетических задатков в судьбе человека, выраженную в предыдущих рукописях.

---

¹¹ Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр.соч.: в 10-ти томах. Т.10. М., 1958. С. 197-198.

Но в окончательном тексте романа речь пойдет не о наследственных изъянах отдельной личности, а о наследственной деградации целой социальной популяции — новых поколений уральских заводчиков. И эта деградация объясняется условиями развития горно-металлургической промышленности на Урале. Эту закономерность формулирует сам Привалов в спорах с Константином Бахаревым и Лоскутовым: «Горное дело на Урале создавалось только благодаря будущим привилегиям и монополиям, даровым трудом миллионов людей при несправедливейшей эксплуатации чисто национальных богатств... Системой покровительства заводскому делу им (уральским заводчикам — Г.Щ.) навсегда обеспечены миллионные барыши... В таких понятиях и взглядах вырастает одно поколение за другим, причем можно проследить шаг за шагом бесповоротное вырождение самых крепких семей. Чтобы вырваться из этой системы паразитизма, воспитываемой в течение полутора лет, нужны нечеловеческие усилия» (1, 201-205).

В романе «Приваловские миллионы» речь идет не только о вырождении эксплуататоров, не способных развивать производство, но и о быстрой деградации людей, представляющих коренной склад «русака». Писатель поставил здесь острую и до сих пор актуальную проблему: вопрос о возможности скорого и неизбежного вырождения национального характера, порче человеческого духа в сравнительно короткий исторический период под влиянием «неестественной» системы хозяйствования (именно на неестественности развития уральского капитализма настаивает главный герой «Приваловских миллионов»).

Но вернемся к рукописи «Каменный пояс» II. В главах, отведенных прошлому Привалова в этом варианте, дана четкая аттестация его общественной позиции, определившейся еще в студенческие годы. Оказывается, в горячее время начала шестидесятых годов, с которым совпало пребывание Привалова в Петербургском университете, он чувствовал себя чужим в среде бурлившего студенчества, «глубоко расходился с молодыми и во взглядах на науку и на отношение к обществу». (2-2, 216-217). Его отталкивала «нигилистующая шумевшая толпа, «не хотевшая матрикулов и педелей» и другая часть студентов, сделавших из науки «дойную корову», желавших поскорее сделать карьеру. «Но больше всего Привалову не нравилось в современном ему поколении оторванность от среды и мальчишеское презрение к народной жизни, созданной веками». (2-2, 217) Потребность вернуться к родным корням — к живой жизни и национальным истокам роднит героя с самим молодым Маминым в пору его собственно возвращения из Петербурга на Урал.

Эту характеристику отношения Привалова к шестидесятникам (как и краткий рассказ о его петербургской жизни) писатель не включил в рукопись «Приваловских миллионов», возможно, из нежелания бросать вызов

«наследникам 60-х годов», в чьих журналах он собрался печатать свой роман. Но она ничуть не противоречит общественным исканиям героя в окончательном тексте и высвечивает его взгляд на «наследство», которое всего дороже ему. В том же рассказе о прошлом героя говорится о главной цели его возвращения на Урал: «Впереди было великое дело, которому не только стоило посвятить целую жизнь, но специально для Привалова в этом заключалось три долга» (2-2, 219). В рукописи «Приваловских миллионов» наследник Шатровских заводов объяснит старику Бахареву, какие долги он имеет в виду: государственный долг заводов; долг рабочим, создававшим их; долг башкирам, чьи земли под предприятия были куплены за бесценок.

В «Каменном поясе» II шире, чем во всех предыдущих редакциях, освещены социальные поиски интеллигентов, идущих в народ. Вновь появляется учитель Световостоков с проектом ремесленной школы для крестьян, ищущий финансовой помощи у Ляховского: эту помощь он вряд ли получит, но его идеей увлеклась даже Зоя Ляховская, обсуждающая со своим наставником, доктором Сараевым, способы реализации этого замысла.

Любопытно, что в новой рукописи в первый и последний раз за всю творческую историю романа речь пойдет об общественной деятельности Лоскутова, а не только об идеях, которыми он поражал всех. Надежда Васильевна рассказывает Привалову, что Лоскутов при содействии староверки Матрены создает новую религиозную секту, объединяющую учение духоборов и штундистов. У Привалова мысль о нравственной «пропаганде» вызывает сочувствие, но он высказывает опасение, что организация секты «может встретить очень суровую оппозицию» (2-2, 300), т.е. преследование властей.

Этот мотив секты и опасения Привалова становятся понятными в свете изысканий И.А.Дергачева, указавшего на следующие факты.¹² Некоторые народники, разочаровавшись в революционных методах борьбы, во второй половине 1870-х годов организуют религиозные кружки, проповедующие веру в божественную природу человека как средство возрождения человечества любовью. Таков орловский кружок «богочеловеков» А.К.Маликова, в который вошли бывшие сокурсники Мамина по Медико-хирургической академии Н.Теплов и Д.Аитов. Близка к нему секта «Сионская весть» капитана И.Ильина, жившего в Баранчинском заводе на Урале. По мнению И.А.Дергачева, Ильин — один из прототипов инженера Чернолесова в романе «Омут» (см. наше издание, т. 1, с. 748-750), который за организацию подобной секты был сурово наказан. Таким образом, смена революционера Батманова сектантом-пропагандистом Лоскутовым отразила «шатание» народнической революционной мысли; «несостоя-

¹² См. Дергачев И.А. Д.Н.Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. С.86-88. Он же. «Новые люди в творчестве Д.Н.Мамина-Сибиряка 1880-х годов... С. 64-67.

тельность попытки перенести решение вопросов общественного устройства на почву этическую». Дергачев полагает, что по сути религиозным сектантом Лоскутов является и в окончательном романе, пытаясь доказать родство его взглядов с воззрением Ильина.

Однако не случайно упоминание о какой-либо секте исчезает в дальнейших редакциях — и в рукописи «Сергея Привалова», и в рукописи «Приваловских миллионов». И это связано, очевидно, с намерением писателя представить в Лоскутове фигуру покрупнее, чем руководитель какой-либо секты, не регионального идеолога, а мыслителя российского масштаба. На наш взгляд, прав Е.И.Боголюбов, увидевший в пророчествах Лоскутова отражение идей Достоевского об «окончательном слове» «великой общей гармонии, братского окончательного согласия всех времен», отражение исканий основоположника новой русской религиозной философии В.С.Соловьева. Боголюбов справедливо заметил, что в годы, когда «революционно-народнические организации все более отрывались от широких кругов общества и отрешались в замкнутые кружки героев-одиночек, проповедь Достоевского и В.Соловьева, встречала сочувствие значительных слоев интеллигенции, в том числе и участников освободительного движения».

В рукописи, озаглавленной «Сергей Привалов (история одного наследства) ч.2», наиболее четко представлены позиции-программы трех героев романа, озабоченных будущим России.

Константин Бахарев полагает, что благоденствие страны может быть обеспечено лишь путем индустриализации и технического прогресса, за счет интенсивного развития капиталистического производства. В отличие от одноименного героя «Семьи Бахаревых», человека лукавого и довольно легкомысленного, любившего стравливать чужие мнения, в данной редакции управитель Шатровского завода представлен умным и хорошим человеком, со следами «напряженной умственной работы» на лице. В отличие от большинства уральских заводчиков, огражденных от конкуренции монопольными правами и потому не заботящихся о совершенствовании предприятий, Константин Бахарев — фанатик металлургии, он все силы направляет на развитие, расширение и обновление доменного хозяйства. Он понимает и необходимость социальных мер, облегчающих участь рабочих. Но посмотреть на мир с иной точки зрения, выходящей за рамки капиталистической экономики, он просто не способен, хотя с интересом выслушивает идеи Лоскутова.

Иную программу социально-экономического развития России выдвигает Привалов. Он полагает, что все беды в России, в стране исконно земледельческой, идут от искусственно созданного приоритета промышленности. Наступает борьба земледелия с капитализмом, и в этой борьбе защитникам народа необходимо опереться на мужицкую общину. Свой план строительства мельницы, которая сможет давать крестьянам дешевую муку,

т.к. торговля ей будет обходиться без посредников, Привалов рассматривает как начальный опыт сотрудничества организатора народного труда с сельской общиной. За ним должны последовать другие меры, выработанные наукой и практикой: организация дешевого кредита в форме крестьянских банков, развитие кустарных промыслов в деревне, устройство школ-мастерских для крестьян и т.д. Это типично народническая программа, поскольку ставка делается на общину, т.е. на коллективистские традиции села, которые, как убеждается Привалов в процессе знакомства с жителями деревни Гарчики, уже крепко подорваны, авторитетом становится не община, а крепкий хозяйчик, собственник.

Наконец, третью программу предлагает Лоскутов. Она кардинально отличается от предыдущих двух, потому что Лоскутов считает основой благоденствия и мира духовное развитие и совершенствование людей, воспитание в них «великой сознательной любви к миру»: «Наука в этом процессе сознательной любви является только внешним средством, далеко не совершенным. В сознательной любви и только в ней все счастье человека на земле». (2,391) Лоскутов противопоставляет любовь науке, точнее новейшей философии Шопенгауэра и Гартмана, потому что их системы развивают, на его взгляд, лишь идею фаталистической зависимости человека от его собственной природы, эти системы пессимистичны, его же концепция сознательной взаимной любви и духовного братства людей вселяет веру в человеческое счастье. В «Приваловских миллионах» Лоскутов станет обосновывать эту идею мистическими выкладками, расчетами — мыслью о мире как строго гармоническом целом с числовым механизмом, задающим ритм и движение всему. Эти рассуждения философа будут восприняты окружающими его как проявление душевной болезни. И советские исследователи оценивали конечные построения философа «как форму умоисступления».¹³ Между тем немало таких концепций создавали и авторитетные ученые 1870-1880-х годов: в трудах В.С.Соловьева, Н.Ф.Федорова открыто выразилось стремление к синтезу религии и науки, к обоснованию религиозных постулатов критериями разума и аргументами науки. И уж никак нельзя согласиться с выводом о том, будто бы «писатель все же показал, что мысли о путях социального переустройства на основе воспитания высокой нравственности появляются в голове больного человека».¹⁴ Этот вывод опровергает творческая история романа «Приваловские миллионы», т.к. проблема важности нравственного воспитания людей для будущего страны звучит во всех рукописях. Примечательно, что в финале варианта «Каменный пояс» II эту идею упорно отстаивает Привалов, противопоставляя естественный рост духовной солидарности людей на почве совершенствования отдельного человека всем

¹³ Дергачев И.А. Д.Н.Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. С.88.

¹⁴ Дергачев И.А. Комментарии // Мамин-Сибиряк Д.Н. «Приваловские миллионы». Свердловск, 1980. С. 441.

«искусственным» формам социальной и религиозной организации, оппозиционной в отношении к существующему порядку, какую создает Лоскутов. В «Сергее Привалове» и тем более в «Приваловских миллионах» Привалов и Лоскутов словно бы меняются местами: теперь Привалов смотрит на строящуюся им мельницу как средство защиты крестьян-бедняков от перекупщиков, т.е. как на форму, становящуюся образцом для решения социальных проблем. Лоскутов — уже в «Приваловских миллионах» — выскажет сомнение в эффективности приваловских планов на том основании, что в них все зависит от формы и личности организатора дела. По его мнению, центр тяжести должен переместиться на нравственные силы самой массы: «Только на этих силах и можно создать что-нибудь истинно прочное и таким образом обеспечить за ним будущее». (1, 210-211) По-видимому, сам писатель воспринимал программы Привалова и Лоскутова не как антагонистические, а как дополнительные — одна к другой.

Рукопись «Сергея Привалова» существенно отличается от предыдущих: она представляет не беловик, хотя бы и незаконченный, как «Каменный пояс» I-II, а черновик. Главы расположены в беспорядке: вслед за 1-й идут 18-24-я вкл., затем глава 5, конец 3-5-я вкл, 20. 11, 12, 14, 15, 8, 9, 11-15-я вкл., 3, 5-я. Нам представляется, что такое расположение глав не следствие случайной брошюровки, а отражение последовательного хода работы над рукописью. «Сергей Привалов» наконец раскрывает внутренние коллизии героя, к которым автор не обращается в предыдущих рукописях: потрясение, вызванное тем, что Надежда Васильевна оказалась женой Лоскутова, и стыд от сознания, что его обманули Половодовы. В обоих случаях герой пытается спастись от нравственных терзаний бегством в деревню. Двум таким поездкам «к народу» и посвящены два сюжетных узла повести. Первый разворачивается в главах 18-24, здесь описано пребывание Привалова в селе Мурморове, где он ищет нравственного успокоения от разочарований и неудачи. Герой «душу проветривает в деревне». Задуманная мельница мыслится им как «великолепный памятник» над «заветной могилой» любви. А сама деревня и сельская природа предстает миром естественной гармонии, где люди ведут трудолюбивую, здоровую жизнь и преисполнены доброжелательства в отношении к приезжему барину и друг к другу. «От всего веет таким миром, таким душевным спокойствием». Привалов чувствует, как он растворяется в этой мирной обстановке и в то же время живет одной жизнью со всем Мурморовым. И совсем не похоже на эту сельскую идиллию вторичное пребывание Привалова в деревне Гарчики, где строится его мельница (главы 11-15). Теперь и причина приезда в село иная: Привалов бежит к этой мельнице как «блудный сын», безрассудно растративший свое сокровище на роман с пошлой и лживой женщиной. Его грызет раскаяние в том, что он забыл о своих социальных планах. Сергей пытается наверстать упущенное. Но теперь он встречается с

совсем другой деревней: прежний патриархальный порядок в ней дал сильную трещину: появился расчетливый мужик-кулак, «становящийся на свою точку» (Дороня и другие), воспринимающий Привалова как врага, мешающего ему грабить односельчан. Привалов чувствует, что несколько Дороней могут испортить все его дело.

Знаменательно, что после описания такой деревни идут картины из быта Шатровских заводов, на которых Привалов побывал еще до поездки в Мурманово, — это главы 8-15. И центральным моментом этих глав является не разгадывание героем тайны любимой, а его общение с заводскими рабочими, являющими полный контраст с сельскими кулаками, — фабричные сохранили не только доверие, но и пиетет в отношении к барину-заводчику, и надежду на него. Исторически это объяснимо: Мамин изображает зауральскую деревню, не знавшую крепостного права и, с другой стороны, рабочих, долгое время бывших крепостными. Но автор не делает акцента на «крепостнических пережитках». Рабочие умоляют владельца заводов изменить «уставную грамоту», ставящую их в кабальную зависимость от администрации (эта ситуация повторится позднее в романе «Горное гнездо»). В этой просьбе автор видит не проявление глупости или гнева работников, а извечную российскую надежду на сильного, умного и честного хозяина, могущего одним ударом разрубить затянувшийся узел. Писатель хотел отметить, что в народе живет вера в «мирского» крепкого человека, готового трудиться для людей даже в ущерб собственному спокойствию и благополучию. Привалов отметил такого человека в среде самих рабочих — в рябом мужике, который, видимо, решил «послужить миру» до последнего, т.е. пока не посадят в острог в качестве защитника и подстрекателя. Но фабричные угадывают «мирского человека» и в самом Привалове.

Впрочем, идиллические сцены выражения любви рабочих к «барину» и все переговоры с ним писатель исключил уже из рукописи «Приваловских миллионов», как и картины сельского благодушия в Мурманово. Главы же, описывающие появление в деревне кулака, Мамин поместил и в рукопись «Приваловских миллионов», и в журнальный текст романа, но убрал их при публикации отдельного издания произведения в 1897 году.

Е.А.Боголюбов объясняет исключение этих глав влиянием на Мамина известных деятелей народничества Н.К.Михайловского, Н.Н.Златовратского, А.И.Эртеля и других, с которыми он постоянно общался в 1890-е годы, когда переехал в Петербург. Такого влияния отрицать нельзя — свидетельством его является другой роман «Без названия», изображающий производственную артель, созданную миллионером Окоемовым. Но изъятие данных глав могло произойти и в интересах концептуальной цельности романа. Писатель в рукописи «Приваловских миллионов» убрал размышления главного героя об опорной роли общины в возрождении

уральского земледелия; во всем тексте нет никаких намеков на общину или идею внедрения социалистических начал в деревню. Главным рычагом преобразований, ведущих к процветанию сельского хозяйства и благополучию крестьян, автор полагает инициативу мыслящего, расчетливого и любящего людей организатора крестьянского труда. В этом определении мы использовали известную формулу Д.И.Писарева, мечтавшего о появлении новых предпринимателей, получивших широкое, университетское, «чисто человеческое» образование и способных сделаться не благодетельными филантропами, а мыслящими и расчетливыми руководителями народного труда.¹⁵

Именно такой личностью представлялся Мамину Привалов, при всей его бесхарактерности, и в его малом, но важном деле строительства мельницы для народа писатель хотел начертить истинный образец поведения «нового человека», каким он его видел. Через десять лет он развернет этот эскиз в импозантную фигуру Окоемова. Разумеется, в планах и делах этих героев немало утопического, но в наше время нельзя не признать и того, что движение восьмидесятников за претворение в деревне множества хороших «малых дел» имело важное нравственно оздоравливающее значение для русского общества. «Малые дела» интеллигенции, многократно осмеянные нашими революционерами, на самом деле заслуживают глубокого уважения, благодарной памяти потомков и подражания.

У Привалова его идея долга (генетически выросшая из недр народнической идеологии) трансформировалась в успешно осуществляемое «малое дело», эффективность которого исключительно зависит от его воли, способностей и средств, и эту трансформацию, по-видимому, следует оценивать не только как крах широких замыслов Привалова, реализовавшихся в одной мельнице, но и как художественное преломление эволюции общественных поисков интеллигенции в 1870-1880-е годы.

В заключительной рукописи «Приваловских миллионов» на первый план выступили интриги хищников-опекунов. Роман отражает рождение нового общественного кумира — культа денежного мешка. Приезд Привалова в Узел вызывает целый ажиотаж. Магическое действие на узловское общество производят сами слова «приваловские миллионы»; «миллионер Привалов»: что-то манящее, раздражающее, вызывающее на авантюры таится в этих словах. И «солидные люди» оказываются захваченными мечтой о даровой наживе, решаются на мошенничество и воровство. Страсть к наслаждениям и авантюрам искажает даже натуру незаурядных людей, ведет к деградации личности, о чем свидетельствуют судьбы Александра Половодова и Зоси Ляховской.

Вместе с тем в окончательной рукописи получила и новое развитие тема семейного разлада. Впервые изображен конфликт старших Бахаревых — мужа и жены, вызванный разным отношением к старообрядчес-

¹⁵ Писарев Д.И. Соч.: в 4 т. М., 1956. Т.3. С. 125.

ким традициям и расколовший бахаревский дом на две половины. Столкновения же родителей с детьми приобретают чрезвычайно острый, драматический характер, поскольку дети без малейшего совета с родителями решают свою личную судьбу и даже посягают на такие святыни, как церковный брак.

Мамин, чрезвычайно дороживший семейными корнями и в то же время знавший по собственному опыту (на примере отношения матери к его долголетнему гражданскому браку с М.Я.Алексеевой), насколько мучительны и неразрешимы могут быть разногласия между родителями и детьми, все-таки верил в силу кровно-духовного союза, соединяющего людей в настоящей семье. Он верил, что взаимная любовь способна разрешить исторические противоречия между старшим и младшим поколением и высветить связующую их нить. Об этом свидетельствует трогательный финал романа: объяснение старика Бахарева с когда-то отвергнутой им дочерью. Верой в семью как святыню, спасающую человека, род и нацию и завершается роман.

Рукопись «Приваловских миллионов», законченная в Екатеринбурге, в доме М.Я.Алексеевой 2 сентября 1883 г., и легла в основу текста романа, опубликованного в журнале «Дело» в 1883 году (№№ 1-5, 7-11).

Однако перед публикацией в журнале Мамин исключил из текста рукописи целый ряд отрывков: упоминание о детях-шалопаях Хионии Алексеевны, описание комнаты Привалова, подготовленной для него Хионией Алексеевной, соображение Хионии Алексеевны насчет того, настоящий ли Привалов явился в Узел, пьяные разговоры в буфете во время бала у Ляховских, подробности любовных взаимоотношений Привалова и Половодовой, косвенное признание доктора Сараева в любви к Зосе во время ее болезни, интриги Хионии Алексеевны против Зоси на Лалетинских водах и некоторые другие. Писатель сокращал места второстепенные, отмеченные следами влияния предшественников по перу, тормозящие движение сюжета и мелодраматические (например, объяснение Зоси с Лоскутовым на балу). При этом в некоторых случаях он отказывался от своего принципа — «жить жизнью других людей, их страданиями и радостями», особенно если это касалось отрицательных персонажей. Так, образ авантюристки и сплетницы, «вечной ржавчины» Хионии Алексеевны в рукописи выписан сочнее, многограннее (поражает изощренный расчет, редкая пронизательность ее), чем в окончательном тексте.

В направлении усиления социальной типичности персонажей шло сокращение текста и при подготовке его к будущему изданию через 14 лет после журнальной публикации. Больше всего пострадал при этом образ Ляховского: автор убрал прежние сведения о его прошлом, связанном с польским восстанием 1863 года, а главное, до минимума сократил характеристику Ляховского как заботливого отца и совсем устранил замечания о

его заинтересованном отношении к науке. В итоге Ляховский явился четко очерченным типом беззастенчивого воротилы и скряги.

В каноническом тексте устранены предположения Привалова о сектантском характере убеждений Лоскутова (часть III, гл. XIV) и тем самым снята всякая возможность трактовать Лоскутова как сектанта. О других важнейших сокращениях журнального текста, связанных с родословием Привалова и его деятельностью в деревне, мы уже писали.

Мамин сокращает текст романа не в угоду народникам, а чтобы сделать его художественно цельным, концептуально выверенным. Однако этот процесс совершался не без потерь: концентрация внимания на социальных коллизиях ослабила художественное осмысление ряда общечеловеческих проблем, поставленных автором в течение длительной работы над романом. Укажем наиболее важные из них: зависимость судьбы человека от характера его волевых устремлений и способности любить; соотношение биологического и исторического в наследственности личностной, родовой, групповой, национальной; воспитание человека, наделенного наследственными пороками; женщина как созидательница семьи; отношения детей разного пола с матерью и отцом, и др. Зачастую эти проблемы ярче освещены в предварительных рукописях и вариантах, нежели в каноническом тексте. Поэтому знакомство с сочинениями, подготовившими «Приваловские миллионы», будет интересно не только для историка литературы, но и для любого читателя.

Г.К.Щенников

ПРИМЕЧАНИЯ

«Приваловские миллионы»

(роман)

Впервые опубликован в журнале «Дело» в 1883 г. в №№ 1–5, 7–11. Отдельной книгой роман вышел в 1897 г. в Москве в издании Д.Ефимова и М. Клюкина, признанном каноническим.

В настоящем Собрании сочинений текст «Приваловских миллионов» печатается по изданию: Д.Н. Мамин-Сибиряк. Собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Е.А.Боголюбова. Т.2. Свердловск: ОГИЗ, 1948, сверенному с изданием 1897 г.

Стр. 10. *Арфистки* — букв.: исполнительницы на арфе; здесь в значении артистки как доступные женщины.

Стр. 11. *Межевая канцелярия* — занималась вопросами разграничения и юридическим оформлением земельных наделов.

Стр. 12–13. *Бисконфильд, Бисмарк, Гамбетта, Андраши, Грант.*

Бисконфильд — Бенджамен Дизраэли, граф Бисконфильд — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., лидер партии консерваторов.

Бисмарк-Отто фон Шенхаузен — князь, первый рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890 гг., осуществил объединение Германии в единое государство.

Гамбетта-Леон Мишель — французский политический и государственный деятель, один из лидеров левого крыла республиканцев; премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 гг.

Андраши Дьюла — граф, министр иностранных дел Австро-Венгрии в 1867–1871 гг. В союзе с Бисмарком вел активную борьбу против влияния России на Балканах.

Грант Улисс Симпсон — американский генерал, главнокомандующий сил Северных войск в гражданской войне Севера и Юга в 1869–1877 гг.; президент США.

Стр. 14. *Маркиза с крупными фестонами* — наружный занавес с узорами (зубчатой каймой, городками и т.п.) перед окнами.

Стр. 16. *Севрский и Саксонский сервизы.*

Севрский фарфор — художественные изделия фарфорового завода в г.Севре, близ Парижа.

Саксонский фарфор — художественные изделия завода в г. Мейсане, близ Дрездена — первого фарфорового завода в Европе, построенного в 1710 г.

Стр. 17. *Коричневые драпри* — по-видимому, от «драпировать» — покрывать или завешивать тканью.

Стр. 19. *Томпаковый самовар* — самовар из сплава меди и цинка.

Стр. 20. *Косоклиновый кубовый сарафан* — по форме бочковатый, похожий на куб, с широким подолом и со складками от вставных клиньев (поэтому «косоклиновый»).

Стр. 23. *Барежевое платье* — из редкой, прозрачной барежевой ткани — хлопчатобумажной, с примесью льна, шелка или шерсти.

Стр. 24. *Раккалия* — негодяй, мерзавец; от франц. *racaille* — сброд.

Сельтерская вода — натуральная минеральная вода, добываемая в Сельтерсе, деревне в Пруссии, в провинции Гессен-Нассау.

Стр. 25 *Штофные занавеси*. Штоф — плотная однотонная или с разводами шелковая ткань.

Ляпис — лазурь — голубой или темно-голубой камень, из которого делается краска ультрамарин.

Стр. 27. *Рояль Беккера*. — Беккер Яков Давидович — основатель фортепьянной фабрики в Петербурге в 1841 г.

Стр. 28. *Щепотью молишься* — тремя перстами. Раскольники молились двоеперстием (двумя пальцами).

Стр. 29. *Древнему благочестию* — старой вере, раскольничеству, запрещавшему близкое общение с отступниками от него — «бритоусами», то есть бреющими бороды, и «табашниками» — курящими табак.

Стр. 63. *Иконы работы фряжской* — букв. итальянской школы, одного из ранних иконописных стилей.

Строгановского письма — школы старинных уральских мастеров-иконописцев, хранивших древнерусские традиции в иконописном искусстве.

Кормовых царских изографов — люди, состоящие на государственной службе («на кормах»); здесь имеются в виду московские живописцы XVI в.

Резьбу обронных риз — с чеканкой по металлу.

Кацея — кадильница.

Стр. 79. *Приписные к заводам крестьяне* — крестьяне, живущие на государственных землях, приписанные к частным заводам с обязательством на них трудиться.

Стр. 88. *Статуэтка из терракоты* — из обожженной глины.

Стр. 98. *Хромотроп* — прибор, демонстрирующий быстрое совмещение цветных дисков.

Стр. 99. *Ну, теперь запел Лазаря* — евангельская ситуация о воскрешении Христом Лазаря метафоризируется, то есть используется в другом значении: «дал простор красноречию». Нищие, прося подаяние, с древних времен включали в свой репертуар стихи о воскресшем Лазаре. В XIX в. указанное выражение чаще всего используется в значении «льстиво выпрашивать что-нибудь; жаловаться, сетовать на кого-нибудь или что-нибудь».

Стр. 99. *Макленбургскими порядками* — два германских герцогства: Макленбург-Шверин и Макленбург-Стрелица управлялись на основании общей конституции — верховные власти в них принадлежали великим герцогам, а законодательная власть — общему ландтагу.

Стр. 100. *Даниил* — библейский пророк, брошенный по приказу царя в ров со львами и чудом спасшийся от растерзания.

Стр. 102. *Ендова* — широкий сосуд с отливом или носиком для разлива питья; медная посуда в виде чугунка с рыльцем.

Стр. 104. *Горних мест* — надземных, небесных, сверхбыденных.

Стр. 117. *В табачной визитке* — в costume для визитов.

Еруслан Лазаревич — герой русской народной сказки, известной с XVII в. — богатырь, прославившийся многими воинскими подвигами и любовными приключениями.

Стр. 126. *Фатализм* — в значении веры в рок, предопределение судьбы, определенное течение жизни человека.

Стр. 130. *Арабески* — лепное или писаное украшение, представляющее собой ломаные кривые линии, составляющие узор, — цветы, животных, листья и пр.

Стр. 131. *Гайдук* — служитель у вельмож или прислуга при езде в карете — «запяточник» — человек высокого роста, стоящий на запятках кареты.

Стр. 134. *Регалии* — здесь: сорт дорогих сигар (от. лат. *regalis* — царский).

Стр. 141. *На ней была темно-синяя амазонка* — женское платье для верховой езды.

Стр. 142. *Корда* — веревка, при помощи которой гоняют лошадей по кругу.

Иноходец — лошадь, бегущая иноходью, то есть заносящая обе ноги с одного бока вместе.

Барейтор — человек, обучающий верховой езде и объезжающий верховых лошадей.

Стр. 148. *Из кантонистов* — солдатских детей, с рождения приписанных к военному ведомству и обучающихся в военных школах. Институт кантонистов существовал с 1805 по 1856 гг.

Стр. 171. *Аязм* — длиннополый кафтан из тонкой дмотканой, грубой ткани.

Стр. 185 *«Кириллова книга»* — популярный сборник старообрядческих текстов, названный по первой книге, приписываемой Кириллу Иерусалимскому; издана в 1644 г. в Москве.

Стр. 194. *Прасол* — оптовый скупщик скота и различных продуктов питания для перепродажи.

Стр. 206. *Уставная грамота* — акт об условиях наделения бывших крепостных земель по закону о крестьянской реформе 1861 г.

Стр. 207. *Перевел из вотчинников в припущенники* — то есть изменил социальный статус: из коренных жителей, имевших право на больший надел, перевел в положение новопоселенцев, получавших меньший земельный надел.

Стр. 208. *Треух* — старое название мужской шапки с наушниками и опускающимся задком.

Кош — плетеный шалаш (башк.).

Ашата — кормилец (башк.).

Стр. 209. *Апайка* — старшая сестра (башк. или татар.); младшая сестра отца или матери.

Стр. 274. *Жизнь этих номадов. Номады* — кочевники, перемещающиеся с жильем и скотом.

Стр. 279. *Темур-Ленк* — *Тимур, Тамерлан* (1336–1405) — средневековый завоеватель, совершивший походы в Иран, Закавказье, Малую Азию, разгромивший Золотую Орду; создатель государства со столицей в Самарканде.

Стр. 301. *Поскоблили где по мочевинкам, в понизьях да на поемных лугах*. *Мочевинки* — то же, что моченина — твердое болотце, «потное место» на земле; *понизья* — места около низовья реки или низкое место; *поемные луга* — заливаемые весенней водой.

Стр. 302. *Бутовый камень*. *Бут* — часть основания каменного здания, которая находится под землей; она не кладется кладкой, а бутится, то есть заваливается щебнем, камнем, кирпичом.

При заточке плотины — то есть при утрамбовании, уколачивании земли, песка, глины и пр.

Стр. 303. *Стомаха ради* — желудка ради (старослав.).

Стр. 328. *Кошевая* — широкие и глубокие сани, обитые войлом (войлоком), рогожей; вариант: *кошева*.

Стр. 331. *Стучал козанками по столу*. *Козанки* — бабки для игры.

Стр. 332. *Ломберный стол* — обтянутый сукном четырехугольный стол для игры в карты.

Стр. 337. *Пуанты, тур де форсы* — танцы на кончиках пальцев, сильное кружение.

Камарго — Камарго Мария-Анна (1710–1770) — французская танцовщица, пользовавшаяся огромным успехом в Парижском театре оперы и балета.

Эйслер Фанни (Франциска) (1810–1884) — выдающаяся австрийская представительница романтического направления в балете; выступала на сцене многих театров, в том числе в Петербурге и Москве в 1848–1850 гг.

Тальони Мария (1804–1884) — известнейшая итальянская балерина, балетмейстер и педагог; в 1837–1842 гг. выступала в Петербурге; впервые применила танец на пуантах.

Гризи Карлотта (1819–1899) — известная итальянская балерина романтического направления, первая исполнительница партии Жизель в одноименном балете Адана (1841); в 1841–1850 гг. выступала в России.

Сангалли Рита (1856–1909) — известная итальянская балерина; в 1872–1873 гг. ведущая танцовщица Парижского театра оперы и балета, вошедшая в историю балетного искусства как обладательница «стального носка».

Семья Бахаревых

Печатается впервые — по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Свердловской области (ф. 136, оп.1, ед. хр.3).

Роман был написан на Урале в 1877–1878 гг.

«Семья Бахаревых» — первый рукописный вариант будущего романа «Приваловские миллионы», достаточно далекий от окончательного текста последнего. В значительной степени это самостоятельное законченное произведение с концепцией, отличающейся от итогового текста романа. Предлагаемый текст, явившийся сочинением ученического этапа творчества, не мог удовлетворить становящегося писателя, продолжившего работу по совершенствованию любимого замысла, запечатлевшуюся в других вариантах.

Стр. 383. *Посвящается М.Я. К-ой* — Марии Якимовне Колногоровой-Алексеевой, ставшей с 1878 г. гражданской женой Д. Н. Мамина. О ее роли в творческой судьбе писателя см. т.1 настоящего издания, стр. 886–888.

Стр. 388. *Ах ты, страсть роковая, бесплодная
Отвяжись, не тумань головы! —*

Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Застенчивость». Б.О.Корман отмечает в герое этого стихотворения черты, свойственные труженику-разночинцу середины XIX века (см.: Корман Б. О. Лирика Н.А.Некрасова. Воронеж, 1964. С. 127–129).

Стр.393. *Штуцерные пули* — для штуцера — нарезного ружья крупного калибра, не очень длинного.

Шлиховое золото — мелкое, промывное, после выборки самородков.

Ермолка — легкая шапочка вплоть по голове, без околышка.

Стр. 406. *Театр Буфф* — театр оперетты, названный по образцу Буфф Паризьен — парижского театра, основанного композитором Жаком Оффенбахом в 1855 году.

Оффенбах Жак (1819–1880) — французский композитор, автор свыше 100 оперетт и музыкальных интермедий; значительное место в них отведено танцевальной музыке (вальсам, кадрилиам, канканам).

Лекок Шарль (1832–1880) — французский композитор, крупнейший мастер французской оперетты, по масштабу равный Ж. Оффенбаху.

Стр. 419. *Казачий урядник* — унтер-офицер в казачьих войсках.

Стр. 421. *Хивинская война* — первая военная экспедиция российских войск против Хивинского ханства совершалась в 1839–1840 гг. под командованием В.А.Перовского, вторая — в 1872 г. под командованием К.П.Кауфмана; хивинские войска капитулировали в мае 1872 г.

Стр 422. *Темир-Ленк* — см. примеч. к стр. 279.

Стр. 432. *Шихан* — остроконечный холм или острая вершина горы.

Стр. 435. *Нынешних миллионеров Лаптевых* — имеются в виду Демидовы.

Стр. 436. *Санчо Панса* — персонаж романа М. Сервантеса «Дон-Кихот», комический спутник этого героя.

Стр. 441. *Сибирск* — имеется в виду Екатеринбург.

Стр. 442. *Мавританский стиль фасада* — украшенный узорчатой и яркой орнаментовкой, характерной для мусульманского искусства.

Стр. 446. *Мода времен маркизы Люлли* — по-видимому, конец XVII в., времени французского композитора Жана-Батиста Люлли (1632–1687) — руководителя и дирижера «Королевской академии музыки».

Стр. 448. *Москаль* — прозвище русских (прежде всего военных) на Украине, в Белоруссии и в Польше.

Стр. 449. *Альков* — большая ниша, углубление в стене, обычно для кровати.

Стр. 450. *Камеристка* — комнатная служанка при госпоже.

Стр. 460. *Фараон Нехо* — Нехо II — египетский фараон, правивший с 610 по 595 гг. до н.э.; построил канал, соединяющий р. Нил с Красным морем; по его поручению финикийская экспедиция парусников обогнула Африку.

Стр. 487. *За здоровье нашей сибирской Аспазии!* — Аспазия из Милета — одна из выдающихся женщин Древней Греции, жена Перикла. Ее образованность и высокая культура была высоко оценена современным обществом, в котором Аспазия играла значительную роль. В античных комедиях Аспазия

представлялась гетерой — женщиной свободного образа жизни, ее обвиняли в безнравственности.

Стр. 497. *Амброзия* — в древнегреческой мифологии пища богов, дающая бессмертие всякому, ее вкушающему. Амброзией также называли благовонные мази и эфирные масла.

Стр. 500. *Эмансипация* — освобождение от всякого гнета, зависимости, от предрассудков; уравнивание в правах, например, женщин с мужчинами.

Стр. 525. *Бахус* — бог винопития, благословляющий тех, кто любит виноградное вино.

Стр. 528. *Перед входом в скинию Завета* — скиния (букв.) — подвижный шатер, куца. В Ветхом Завете — это священное здание, устроенное Моисеем для служения Богу. В скинии Давидом был установлен Ковчег Завета (II Цар. 6, 17). Скиния была устроена с необыкновенным великолепием; ее внутренняя часть называлась Святая Святых, — в ней хранился Ковчег Завета — ларец из дерева, покрытого снаружи и внутри чистым золотом, в котором помещались скрижали Закона с начертанными на них десятью Заповедями.

Стр. 532. *Со всякой шахворостью* (диал.) — мусором, отбросами.

Стр. 539. *«Карфаген должен быть разрушен»* — знаменитые слова римского сенатора Катона Старшего, которыми он заканчивал свои речи, призывая к войне с Карфагеном.

Стр. 567. *Жена Пентефрия, соблазнившая Иосифа* — жена египетского царедворца, пытавшаяся соблазнить Иосифа, сына еврейского патриарха Иакова, проданного братьями в Египет. Иосиф вырвался из рук женщины, оставив в них свою одежду.

Стр. 562. *Генерал Ермолов* — Ермолов Алексей Петрович (1771–1861) — выдающийся русский военачальник, герой Отечественной войны 1812 года, командующий русской армией на Северном Кавказе (1816–1827).

Стр. 580. *Клирос* — возвышение перед иконостасом, на котором находятся чтецы и певцы в православной церкви.

Стр. 583. *Сибирка на мерлушке* — *сибирка* — короткий кафтан с перехватами, без разрезов сзади, впереди на мелких пуговках или застежках. *Мерлушка* — шкурка ягненка.

Стр. 586. *Роль Пенелопы* — в греческой мифологии жена царя Итаки Одиссея, которая 20 лет ожидала возвращения мужа с Троянской войны.

Стр. 589. *Щегольская кошева* — см. примеч. к стр. 328.

Стр. 595. *Ритурнель кадрили* — здесь: вступительный музыкальный эпизод в начале танца.

Стр. 598. *Плахта* — юбка из домотканой украинской ткани.

Стр. 600. *Качуча* — испанский народный танец, исполняемый с кастаньетами.

Стр. 607. *Воспламенился пляской новой Иродиады*. Иродиада — жена галилейского царя Ирода Антипы. Дочь Иродиады пламенной пляской на торжественном пиру угодила Ироду, сказавшему ей: «Проси у меня что хочешь, и дам тебе». Девушка по совету матери потребовала «теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя», — царь был вынужден сдержать свою клятву. (См.: Свящ. Писание. Мрк VI, 17–29).

Стр. 617. *Амвон* — возвышенная площадка в церкви перед иконостасом.
Чернички — монахини.

Стр. 625. *Фермуар* — застежка — украшение на ожерелье.

Стр. 635. *Постоянное семейное Ватерлоо*. Ватерлоо — населенный пункт в Бельгии, около которого 18 июня 1815 года англо-голландские войска разгромили армию Наполеона Бонапарта и привели его к окончательному поражению.

Стр. 648. *Хлебные магазины* (первонач. магазинны) — запасные амбары, житницы.

Стр. 662. *Коломенка* — старинное речное грузовое судно типа барки

Чалка упала — причал, веревка, которой судно зачаливается к берегу либо к другому судну.

Стр. 663. *Ударь на порубень*. *Порубень* — толстый обшивной брус на барках, который кладется по осадке, то есть по черте полной нагрузки.

Стр. 668. *Казенка* — каморка, пристрой на барке.

Стр. 697. *Авраам, Исаак, Иаков* — патриархи, родоначальники израильского народа; их история излагается в Священном Писании, в кн. Бытия.

Возвеличися, яко Сарра — Бог обещал Аврааму, что Сарра родит ему сына и делается матерью народов и царей (Быт, 17, 16).

Возвеселися, яко же Ревекка — после двадцати лет супружества с Исааком Ревекка родила двух сыновей: Исава и Иакова и получила Божественное Откровение о судьбе своих детей (Быт., гл. 24).

И умножися, яко Рахиль — Иаков семь лет служил у своего дяди, Лавана, ради того, чтобы получить в жены его младшую дочь Рахиль, но по истечении срока Лаван не сдержал обещания и женил Иакова на старшей дочери Лии. Иаков согласился еще семь лет служить за Рахиль, затем женился на ней. От Лии, Рахили и их служанок, которых они отдавали в жены Иакову, чтобы умножить потомство, он имел двенадцать сыновей и дочь Дину. Рахиль — мать героя библейского эпоса Иосифа.

Стр. 719. *Черняев Михаил Григорьевич* (1828–1898) — генерал, в 1864–1865 гг. вел войну против Кокандского ханства; в 1876 г. был командующим сербской армией в войне против Турции.

Стр. 720. *Книксен* — неглубокое приседание — форма поклона.

Стр. 731. *В латинскую веру ушел* — здесь имеется в виду русское церковное православие, хотя оно ориентировалось на греческие образцы; латинской верой называли, как правило, католичество.

Стр. 737. *Каморник* — ключник или стражник.

Стр. 741. *Охватила его огневица* — горячка.

Каменный пояс I

Часть первая

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Свердловской области (ф. 136, оп.1, ед. хр. 14). Подписи нет. Почерк Д.Н.Мамина-Сибиряка.

Произведение написано в 1879 г.

Вторая по времени (вслед за рукописью «Семьи Бахаревых») редакция «Приваловских миллионов».

Последовательный и хорошо сохранный текст первой части романа и трех с лишним глав второй части.

Стр. 14. *Гога да Магога* — *Гог и Магог* — привычное в эсхатологических мифах иудеев и христиан сочетание имени вождя (Гог) и названия земли, народа (Магог), враждебных «народу Божьему», которые придут «в последние времена» с севера или с других земных окраин.

Стр. 19. *Гвельфы и гибеллины* — политические группировки в Италии 12–15-го вв.; гвельфы выступали на стороне папства против экспансии германских императоров на Апенниннах; гибеллины были сторонниками иноземцев.

Стр. 23. *Мода маркизы Люлли* — см. примеч. к стр. 446 книги первой.

Стр. 24. *Моисей* — вождь и законодатель еврейского народа, создатель Священных Книг (см. Св. Пис. Исх., гл.2 и т.д.).

Стр. 26. *Кельнер* — официант в пивной, ресторане и т.п..

Стр. 43. *Во вкусе помещичьего «рококо»* — стиль в архитектуре и декоративном искусстве первой половины XIX века, отличался причудливой, утонченной орнаментацией и изяществом форм.

Стр. 53. *Синим чулком* — в России середины XIX века «синим чулком» называли женщин ученых, курсисток, «нигилисток», привыкших одеваться подчеркнуто просто, без претензий на моду; в отношении к ним выражение «синий чулок» носило иронический характер.

Стр. 56. *С картинами Каульбаха, Пилотти, Маккарта, фресками Торвальдсена и умирающим львом Кановы.*

Каульбах Вильгельм (1805–1874) — известный немецкий живописец, создатель картин на мифологические и исторические сюжеты;

Пилотти Карл — (1826–1886) — немецкий живописец, который привлек к себе внимание картиной «Купальщица»; в работах очевидно пристрастие к изображению жестоких сцен с обнаженными телами.

Маккарт Ганс (1840–1884) — художник, получивший известность, в частности, такими композициями, как «Амуры новейшего времени», «Семь смертных грехов», картинами на мифологические сюжеты.

Торвальдсен Бертель — (1768 или 1870–1844) — известный датский скульптор, представитель позднего классицизма, ориентировавшийся на мифологические образы и сюжеты («Ясон», 1802–1893).

Канова Антонио (1757–1822) — итальянский скульптор, представитель классицизма; автор эффектных надгробий (Папы Климента XIII 1792, статуй на мифологические сюжеты («Амур и Психея», 1793), портретов современной ему знати.

Олеография — старинная многокрасочная репродукция.

Стр. 87. *Ляпис* — «адский камень», нитрат серебра.

Стр. 90. *С инкрустациями из ляпис-лазури.* — Ляпис-лазурь, или лазурит, — сложный по химическому составу минерал; образует тонкозернистые, плотные смеси густого синего цвета; иногда с рисунком из белых и золотистых вкраплений (кальцит, перит); ценный поделочный камень.

Стр 92. *Конфиденциальным тоном* — доверительно-таинственным.

Стр. 105. *Фабурги и бал-мабули* — (от франц. faubourg — пригород, городская окраина); bale-maboul — сложное слово, составленное автором произведения из существительного, означающего «бал», и прилагательного, означающего «безумный, сумасшедший».

С пикантным оттенком эллинизма — здесь в значении культа человеческого тела, характерного для искусства Древней Эллады.

Стр. 116. *Английские куртины* — гряды для цветов или других растений, клумбы.

Стр. 118. *Ящик с регалиями* — дорогими сигарами (от лат. *regalis* — царский).

Стр. 120. *Я беру классицизм не с формальной стороны* — очевидно, не с позиции защитников изучения классических языков — древнегреческого и латинского, имевших большое значение для классического гимназического образования.

Эллин и эллинизм — здесь в том же значении, что и на стр. 105.

Стр. 122. *Панславизм* — идейно-политическое течение XIX—начала XX вв., стремившееся к государственному объединению славян и принимавшее как реакционно-монархические, так и демократические формы.

Стр. 128. *Триповый картуз*. *Трип* — шерстяной бархат.

Стр. 136. *Корова комолая* — безрогая.

Стр. 137. *В пестрядевых портах* — пестрядь — пеньковая, грубая ткань.

Стр. 143. *В бурсу* — духовное училище с казенным содержанием. См. Н.Г.Помяловский «Очерки бурсы».

Стр. 144. *Доучился до философа* — то есть дошел до третьего, «философского» класса четырехклассного духовного училища.

Запел Лазаря — см. примеч. к стр. 99 книги первой.

Стр. 145. *Шахворость* — см. примеч. к стр. 532 книги первой.

Стр. 147. *Венера Медичейская (Медицейская)* — статуя Венеры I века до н.э.; хранится в музее Уффици, во Флоренции.

Пикейный подрясник — сшитый из пике, белой льняной ткани.

Стр. 151. «*Ашата купай, бачка ашата...*» (башк.) — «Кормилец, купи, отец-кормилец...»

Стр. 153. *Амазонка* — наездница, всадница.

Стр. 154. *Аксельбант* — плетеный шнурок, который носили на плече.

Стр. 156. *Штуцер* — см. примеч. к стр. 393 книги первой.

Стр. 163. *Прасол* — см. примеч. к стр. 194 книги первой.

Стр. 168. *С двумя бланжевыми польскими понтерами*. *Бланжевый* — телесный окрас собак.

Каменный пояс II

Роман. Часть первая

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в Государственном архиве Свердловской области (ф. 136, оп.1, ед. хр. 14).

Над произведением автор работал на Урале с конца 1879 по осень 1881 гг.

В рукописи даты не указаны. Над заголовком существует надпись-автограф: «Дмитрий Наркиссович Мамин. Москва, Большая Кисловка. Меблированные комнаты Азанчевской».

Рукопись первой части романа разделена на тринадцать глав. Это третья по счету редакция будущего романа «Приваловские миллионы».

Стр. 178. *Бисмарк, Андраши, Гамбетта* — см. примеч. к стр.12–13 книги первой.

Разных Бисконфильдов, Митхадов — о Бисконфильде там же.

Митхад-паша — визирь при турецких султанах Абдул-Азисе (1876) и Абдул-Гамиде (до 1908 г.), сторонник прогрессивных преобразований в Турции.

Стр. 216. *Матрикулы*. Первоначальное значение — список: официальный список определенных лиц (дворянских фамилий; студентов; доходов, взносов и т.п.); здесь: зачетные книжки студентов.

Педель — надзиратель, следивший за поведением студентов.

Стр. 231. *Каульбах и Маккарт* — см. примеч. к стр. 56 книги второй.

Стр. 233. *Пачули* — сильно пахнущие духи их эфирного масла, добываемые из листьев и веток тропического полукустарника.

Стр. 246. *Казинетовое пальто* — *казинет* — плотная хлопчатобумажная или полушерстяная ткань.

Стр. 253. *Эспаньолка* — короткая остроконечная бородка.

Стр. 283. *Ломберный стол* — см. примеч. к стр. 332. книги первой.

Стр. 292. *«Гонимые рыцарство»* — честное, достойное, почетное рыцарство.

Каштелян — *кастелян* — смотритель замка, двора.

Стр. 298. *Тальма* — длинная накидка без рукавов, по имени известного французского актера.

Сергей Привалов

История одного наследства. Часть вторая

Печатается впервые по рукописи, хранящейся в Государственном архиве свердловской области (ф. 136, оп.1, ед. хр. 14).

Даты создания произведения не указаны.

Написано в последние месяцы 1880— в первые числа ноября 1881 г.

Почерк Д. Н. Мамина-Сибирияка.

Главы расположены в беспорядке: 1, 18–24 вкл., конец 3 — пятая вкл., 20, 11, 12, 14, 15, 8, 9, 11–15 вкл., 13, 15–17 вкл., 3,5. Но в этом смешении просматривается последовательность в авторской разработке двух контрастных эпизодов — двух поездок Привалова «к народу». Первый сюжет прописывается в главах 18–24, второй — в главах 11–15 — это центральные фрагменты предлагаемой рукописи.

«Сергей Привалов» — отрывок, четвертый по счету, редакции будущего романа «Приваловские миллионы».

Стр. 305. *На шестерке с фалетуром* — искаженно от «форейтором» — верховой на передней лошади при упряжке четверкой или шестеркой лошадей (такая упряжка называлась цугом).

Стр. 312. *На даровом наделе сидят* — «даровой надел» — земельный надел, равный одной четверти высшего надела, установленного для данной местности. Этот надел предоставлялся крестьянам, владельцам земли без выкупа. Такая форма «дарования» земли только укрепляла кабалу, поскольку, прикованные к такому, не обеспечивающему крестьян наделу, они все же вынуждены были платить за другую, арендуемую у хозяина, землю и используемые угодья (выгоны, лес) высокую плату.

Стр. 313. *Пестрядевой работы сарафан* — сшитый из пестряди — хлопчатобумажной или льняной ткани.

Стр. 314. *Старая рига* — молотильный сарай; крытый ток с сушилкой.

Стр. 315. *Палто из коломянки* — из пестрой шерстяной дмотканой ткани.

Стр. 316. *Писцекультура* — культура разведения рыб в крытых водоемах. От лат. *piscine* — садок с живой рыбой; бассейн с теплой водой.

Стр. 318 *Подпалины* — подпаленное место, гарь.

Мочажины — твердое, гладкое болотце без кочек. От диал. «мочаг» — непросыхающее место.

Стр. 336. *В барежевом платье*. В платье, сшитом из барежа, — тонкой, прозрачной, просвечивающей ткани.

Стр. 353. *Урман и Елань*. *Урман* — глухая тайга; *елань* — обширная луговая или полевая равнина.

Стр. 356. *Кросна пред окном* (диал..) — *кросны* (диал.) — самодельный ткацкий станок.

Стр. 365. *Татарский сабан* — плуг или его часть — лемех, сошник.

Стр. 375. *Кокошник* — старинный женский головной убор с высокой расшитой полукруглой «коронай» надо лбом.

Стр. 385. *Остеология* — раздел анатомии, изучающий строение скелета.

Стр. 387. *Уставная грамота* — см. примеч. к стр. 206 книги первой.

Стр. 391. Пессимизм Шопенгауэра и Гартмана.

Шопенгауэр Артур (1788–1860) — немецкий философ, родоначальник «философии жизни». Шопенгауэр трактует волю как начало всего сущего, как неизменное «вождевленное» Бытия. С его точки зрения, воля не способна ни к какому конечному удовлетворению, то есть к счастью.

Гартман Эдуард (1842–1906) — немецкий философ, один из предшественников современных школ иррационализма и волюнтаризма. Как и Шопенгауэр, основой Бытия считал бессознательное духовное начало. Желание любого счастья полагал величайшим заблуждением и источником всех бед.

Стр. 394. *Башкиры-припущенники* — см. примеч. к стр. 207 книги первой.

Стр. 396. *Создал же Мальцев из ничего целый заводской округ*. Мальцевский заводской округ охватывал часть Брянского уезда Орловской губернии, Жиздринского уезда Калужской губернии, Рославльского уезда Смоленской губернии. На этом пространстве размещались 22 больших завода, на которых работало более ста тысяч человек. Их владелец с конца 1840-х гг. Сергей Иванович Мальцев (1810–1893) был выдающимся организатором промышленного производства, заботившемся и о социальном обеспечении рабочих (см. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 1890. Т.36. Репринт. Изд. М.: «Терра», 1991. Стр.508–510).

Стр. 407. *Азиям* — см. примеч. к стр. 171 книги первой.

Стр. 413. *Преследующей свои цели в интересах вида* — позитивистское толкование учения Шопенгауэра; см. об этом во вступительной статье: «Творческая история романа «Приваловские миллионы».

Выдержки из черновых тетрадей
Д.Н.Мамина-Сибиряка «Каменный пояс».
Роман Дмитрия Расказова, 1879 г.

Печатается по изданию: Урал. Сборник «Зауральского Края», посвященный памяти писателя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Екатеринбург. 1913. С.80-88. Материалы были взяты из черновых тетерадей Мамина-Сибиряка, позднее утерянных.

Выдержки представляют план и наброски к роману «Каменный пояс». Вместе с тем, поскольку роман «Семья Бахаревых» не был опубликован, новый замысел писателя соединяется еще с разработкой некоторых сюжетных линий прежнего произведения, что заметно с первых же записей: «Рудник Талый... Орлиное гнездо. Нолли на Тал. Мне страшно... Спаси меня от моих собственных мыслей». Правда, герой назван уже по-новому: Лоскутов а не Батманов, хотя по духу он еще ближе к Баиманову, чем к Лоскутову «Приваловских миллионов». Вместе с тем здесь уже намечаются коллизии, которые получают развитие в завершающем тексте романа. Подробнее об этом в нашей статье «Творческая история романа «Приваловские миллионы», наст. том, с.561-583.

Варианты к роману «Приваловские миллионы»
были опубликованы Е.А.Боголюбовым в издании:
Д.Н.Мамин-Сибиряк. Собр. Соч.: В 12 т.,
т.2 «Приваловские миллионы». Свердловск, 1948. С.342-282.

Е.А.Боголюбов приводит разночтения окончательного (неканонического) текста, каким признана первая публикация романа отдельной книгой в издании Д.Ефимова и М.Клюкина в 1897 г., с текстом, опубликованным в журнале «Дело», 1883, №1-5, 7-11.

В нашем издании канонический текст сопоставляется с рукописью романа, оконченного писателем 2 сентября 1883 г. в Екатеринбурге; рукопись хранится в Государственном архиве Свердловской области, фонд №136, опись 1, ед. хран.14. Представленные нами записи вариантов состоят из трех частей: сначала воспроизводится текст канонический — по нашему изданию: Д.Н.Мамин-Сибиряк. Полн. Собр. Соч.: В 20 тт., т.2, кн.1, Екатеринбург, 2003; затем следует текст рукописей, а на полях литерами **к** или **р** указана идентичность журнального варианта каноническому или рукописному. В редких случаях в третьей части указан особый, журнальный вариант, помеченный буквой **ж**. Варианты, представленные Е.А.Боголюбовым, не полны: редактор счел необходимым «воспроизвести все сколько-нибудь существенные части журнального текста, исключенные при печатании романа отдельной книгой». В нашем издании представлены все разночтения окончательного текста с рукописью и отмечены журнальные варианты, отличающиеся от рукописи и от окончательного текста.

Стр. 487. *Заводы выстроены на костях человеческих, как село скудельнице, куплено ценой крови.* — Иуда, предавший Христа за 30 серебрянников, увидев что он осужден, раскаялся и возвратил 30 серебрянников первосвящен-

никам и старейшинам, те же решили, что не позволительно положить их в храмовую сокровищницу, потому что это «цена крови» и купили на них землю горшечника («село скудельниче») для погребения странников. Земля та стала называться «землею крови» (Евангелие от Матфея, глава 28, ст. 1-10).

Стр. 509. *Она, как Симеон-богоприимец, могли сказать: «Ныне отпускаеши».* — Праведному и благочестивому жителю Иерусалима по имени Симсон было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа. Когда младенца Христа принесли в храм, Симеон благословил его и сказал: «Ныне отпускаешь раба твоего, владыко, по слову твоему, с миром...». (Евангелие от Луки. Глава 2, ст.25-29.)

Стр. 512. *Tuoque Brutus* — точнее следовало: «Et tu quoque, Brute!» — «И ты, Брут!» По преданию предсмертные слова Гая Юлия Цезаря, обращенные к одному из своих бывших сторонников Марку Юнию Бруту, участвовавшему в заговоре против него. Стали крылатым выражением.

Стр. 543. *И такие, как те коровы, которых фараон видел во сне.* — Египетский фараон увидел сон: вышли из реки семь коров, хороших видом и тучных, а после них вышли семь коров худых и тощих и съели тучных коров. Пленник фараона Иосиф истолковал сон как предвещение : будет семь плодородных лет, а за ними придут семь голодных, и забудется все изобилие, истощит голод землю (Ветхий Завет, кн. Бытие, гл. 46, ст. 1-30).

Стр. 549. *Луи-Кендз* — Людовик XV — французский король.

Стр. 554. *по мочежинкам...* по мочежинкам — см. примеч. Стр. 318.